

Вардан Арутюнян

История Политзаключенного

В этой книге рассказывается о некоторых событиях, происходящих в течение восьми лет моей жизни. Это годы, которые я провел в советских лагерях и тюрьмах во имя независимости Армении. Не мне судить о том, насколько был велик мой вклад в дело обретения независимости нашей страны. Как и не мне судить о том, насколько значимой или значительной была моя роль в этом процессе. Я не в праве оценивать собственную деятельность. Я был не один. Нас было много. Все те люди, которые боролись против советского режима и государства, именуемого Советским Союзом, внесли свою лепту в становление независимости Армении. Этой системе противостоял весь свободный мир, защищая свои ценности от коммунистической агрессии, боролись диссиденты внутри самих Советов, боролись и другие силы, которые можно обнаружить, при более тщательном изучении темы. Именно совместная борьба всех этих сил и привела к тому, что страна, руководствующаяся человеконенавистнической идеологией, и представляющая собой угрозу для безопасности всего мира, в конце концов, рухнула, и союзные республики и страны Варшавского договора обрели, наконец, независимость. Я бесконечно рад осознавать, что и мне выпала честь являться участником этой великой совместной борьбы.

Как показывают исторические события и уже неоспоримые факты, наша борьба увенчалась успехом. Этому можно только радоваться. Я победил. Одержав победу, и по сей день, я посветил и посвящаю всю свою жизнь утверждению демократии и защите прав человека в уже провозгласившей независимость Армении и ... в этой борьбе я терплю поражение. Армения все еще не стала той демократической страной, о которой я мечтал. На этом фронте мне, увы, гордиться нечем. Все, что было достигнуто в первые годы после провозглашения независимости, сегодня обратились в прах, и из года в год мы только и делаем, что теряем и отступаем.

Если вы хотите, чтобы люди узнали вас лучше и дали оценку вашей деятельности, то в первую очередь вам следует рассказать о той среде, в которой сформировалась ваша личность, познакомить читателя с людьми, с которыми вас столкнула судьба, с которыми вы общались и сблизились. Необходимо рассказать о своих друзьях. Если у вас получится рассказать о друзьях и близких таким образом, чтобы у читателя сложилось правдивое о них представление, то, узнав и оценив ваших друзей, люди узнают и оценят вас. Если же, забыв о своих друзьях и близких, вы станете рассказывать лишь о себе, или того хуже - приметесь обесценивать вклад своих друзей и единомышленников, дабы подчеркнуть собственную значимость и ценность, словом - чрезмерно увлечетесь собственной персоной, то в лучшем случае вас примут за обычного хвастуна, на которого не стоит тратить драгоценное время и внимание. Вас просто отвергнут и высмеют. И поделом. Фанфаронада нарцисса – зрелище и отвратительное, и утомительное.

Я хочу рассказать о своих друзьях и людях, встретившихся на моей пути. О тех людях, благодаря которым сформировалась моя личность. Без них я не был бы таким, каким являюсь сегодня. Некоторые из них повлияли на меня самым положительным и серьезным образом и в том числе благодаря им я сегодня такой, какой есть, а некоторые из них своим отрицательным примером показали, каким мне быть нельзя ни в коем случае. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с огромным количеством хороших, достойных и интересных людей. Плохих - тоже было много. Словом, я богат и в этом плане к судьбе у меня претензий нет.

Откуда я иду?

В начале 1960-х в Армении развернула свою деятельность довольно крупная подпольная организация, которая называлась «Союз молодых армян». Это была разношерстная организация. В ее состав входили представители самых разных слоев населения и возрастных групп: студенты и ученые, преподаватели и представители духовенства. Организация имела свой Совет, который, наряду с другими вопросами, занимался разработкой устава и программы. В 1964 году семь членов Совета этой организации были осуждены за антисоветскую пропаганду и агитацию. Арест, а затем и судебное разбирательство, получили в те годы широкую огласку, это событие было самым обсуждаемым. Осужденные воспринимались в качестве настоящих героев, люди определенно симпатизировали им. В народе эта группа стала называться «Семь патриотов», и, несмотря на последующую деятельность этих людей и различные проявления, группа эта так и запечаталась в памяти людей – «Семь патриотов».

В 1965 году в Ереване прошла многолюдная демонстрация, которую в прямом смысле следует рассматривать как результат трехлетней деятельности «Армянского союза молодежи». Однако при всем желании это внушительное выступление нельзя было назвать антисоветской акцией. По своей сути демонстрация являлась чисто национальной акцией - результат пробуждающегося национального дискурса, которая выдвигала конкретное требование: иметь право на публичное поминовение жертв Геноцида 1915 года и строительство соответствующего мемориала, который можно будет посещать в день памяти - 24 апреля. Однако, несмотря на отсутствие политической окраски и антисоветских лозунгов, эта мощная акция все же послужила стимулом для возникновения и развития новых и именно политических процессов. Воодушевившись успехом прошедшей демонстрации, молодые люди, даже совсем юные - школьники, стали создавать различные нелегальные или полуполигальные кружки, объединяться и создавать союзы, изготавливать стенгазеты и распространять листовки. Люди, пережившие сталинизм, и еще не оправившиеся от ужасов сталинской эпохи, вдруг увидели, что можно выйти на незапланированную

и неодобренную властями демонстрацию, можно поднимать национальные вопросы и заставить власть пойти на уступки. В 1966 году группа активистов, некоторые из которых являлись членами «Союза молодых армян», попыталась повторить успешный прошлогодний опыт и организовала новую акцию. Но на этот раз советские власти подготовились. Провести митинг на центральной площади города - сегодняшней площади Республики, которая носила имя Ленина, и на которой был воздвигнут огромный памятник Ленину, не удалось. Организаторы демонстрации предложили собравшимся отправиться в парк Комитаса - в Пантеон, в котором находится могила Комитаса. Именно там раньше собирались люди в день памяти жертв Геноцида, - до того, как был построен мемориальный комплекс Цицернакаберд. Демонстрантов там уже ждала милиция. Акцию разогнали, некоторые участники были задержаны, а 31 человек был арестован на 10 суток. Среди арестованных участников той демонстрации был первый президент Республики Армения Левон Тер-Петросян, а также его товарищи: Левон Ананикян, Рубен Сакапетоян, Тигран Гамагелян, Гегам Кюрюмян, Эдвард Багдасарян, Самвел Мурадян. Были задержаны и не имеющие к вышеупомянутым персонам никакого отношения и даже не знакомые друг с другом Шаген Арутюнян, Айказ Хачатрян и Степан Затикян. Через шесть дней, во избежание нежелательных эксцессов и обострения, власти решили освободить задержанных. Под арестом остался лишь Айказ Хачатрян, ввязавшийся в перепалку с начальником отделения милиции Ленинского района (сегодня - это Шенгавитский район), который руководил разгоном демонстрантов и развязно бранил людей. Айказ Хачатрян, Шаген Арутюнян и Степан Затикян, которые, повторю, познакомились друг с другом в тюремной камере, после освобождения Айказа решили создать подпольную организацию под названием Национальная объединённая партия (НОП), которая была призвана бороться во имя обретения независимости и была по своей сути антисоветской и антикоммунистической. Лидером этой организации являлся Айказ Хачатрян. Он родился в 1919 году, участвовал во Второй мировой войне, был награжден орденом Красной звезды, медалью «За отвагу», орденом Славы третьей степени, имел и другие боевые награды. Позже за свою национальную и диссидентскую деятельность он был осужден дважды - в 1969-м и в 1978 году. Скончался 27 сентября 1989 года. Степан Затикян родился в 1946 году, учился на пятом курсе Ереванского политехнического института. В дальнейшем был осужден в 1969 году, а 24 января 1979-ого по необоснованному обвинению в организации взрывов в московском метро приговорен к высшей мере наказания. Расстреляли Затикяна через 5 дней после вынесения приговора - 29 января 1979 года. Шаген Арутюнян родился в 1937 году и так же к тому времени являлся студентом. Он был участником диссидентского движения с начала 1960-х. Сотрудничал с «Союзом молодых армян». Так же, как и многие единомышленники, он подвергался допросам и обыскам по делу «Семи патриотов». Первый раз Шаген Арутюнян был

осужден вместе со своими товарищами в 1969 году, затем - в 1977 году, а в 1986 году Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о лишении Шагена Арутюняна гражданства СССР, после чего он перебрался в США. Шаген Арутюнян сыграл ключевую роль в формировании (в апреле 1977 года) и дальнейшей деятельности Хельсинской группы Армении.

Начатое Айказом, Степаном и Шагеном дело, имело в дальнейшем невероятный успех. Организация существенным образом пополнила свои ряды, смогла просуществовать в подполье вплоть до сентября 1987 года, то есть - до самого развала Советов, когда уже и не было особой необходимости в подпольной борьбе. За двадцать с лишним лет своего существования эта организация сформировала ярких, нестигаемых политических заключенных, которые не жалели сил в борьбе за обретение независимости Армении. Эта партия являлась первой подпольной политической организацией Советской Армении, которая, проповедовала именно антисоветизм, боролась с коммунистической идеологией и выдвигала программу независимости. Ни одна из ранее существовавших или параллельно действующих организаций, не выдвигала вопрос о необходимости обретения независимости с такой четкостью и последовательностью. Безусловно, были деятели, которые понимали, что Армении нужна независимость. Приговор по делу «Семи патриотов» свидетельствует о том, что некоторые из представителей этой группы разделяли идею независимости. О необходимости создания независимой Армении говорил и Хачик Сафарян, и Григор Егян, который в 1962–1963 гг. в одной из своих статей высказал идею создания независимой Армении - без советского строя, и Меружан Оганесян, который в зале суда прямо заявил, что желает видеть Армению вне состава СССР - в качестве независимой республики. После судебного процесса по делу «Семи патриотов» в диссидентских кругах стали набирать обороты именно антисоветские настроения и возросло стремление к независимости. В советской Армении таким образом пошатнулся один из важнейших советских стереотипов, под сомнение был поставлен краеугольный камень Страны Советов - ленинская национальная политика. Однако появление на арене в 1966 году Национальной Объединённой партии стало совершенно новым, революционным событием. Программа НОП прекрасно отображала характер этой организации:

«...идеологии партии чужды милитаризм, махровый национализм, стремление к господству власти (диктатура), расовая дискриминация и грубые нарушения международного права.»

В то же время:

«НОП должна стремиться к добрососедским и подлинно братским отношениям со всеми народами; все спорные вопросы партия обязана решать мирным путем, основываясь на принципах взаимных компромиссов и взаимоуважения, не допуская

вмешательства третьей стороны, проявляя уважение к суверенитету и достоинству других стран.»

Словом, НОП не является националистической партией, она уважает соседние народы и признает их права, уважает и базируется на международном праве, является сторонницей мира. Шестой пункт программы НОП акцентируется особым образом, поэтому он написан большими буквами: "ОСНОВНОЙ ЗАДАЧЕЙ НОП ЯВЛЯЕТСЯ ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДА ОТ ГНЕТА ЧУЖЕЗЕМЦЕВ, ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РАБОВЛАДЕЧЕСКОГО РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА, ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АРМЕНИИ В СВОБОДНУЮ, НЕЗАВИСИМУЮ И ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНУЮ РЕСПУБЛИКУ».

В апреле 1967 года НОП распространяет свою первую листовку, которая называется «Парос» («Маяк»), а в октябре того же года начинает издавать и одноименную подпольную газету. Вопросы, которые поднимаются в газете «Парос», не воспринимаются однозначно даже в диссидентских кругах. Людям все еще нужно было созреть.

Представители «Союза патриотов Армении», который разворачивал деятельность в 1967–1968 годах, ознакомившись с содержанием «Парос», жестко ее раскритиковали, заявив о недопустимости существования подобной газеты, о пагубности и неприемлемости идей, проповедуемых этой газетой. Правда, позже – уже после отсидки и освобождения, в состав НОП вошел сам глава «Союза патриотов Армении» Акопджан Тадевосян. Тем не менее, бесспорным является тот факт, что в конце 1960 годов диссидентские круги Армении все еще не достигли необходимой степени зрелости.

В 1968–1969 годах в советской Армении действовала также группа «Во имя родины». Некоторые члены этой группы являлись выходцами из «Союза молодых армян» начала 60-х, они были намного более зрелыми, подкованными в политическом плане, имели ярко выраженные антикоммунистические и антисоветские настроения, спокойно воспринимали идею обретения независимости, однако в основном их деятельность была сосредоточена на удовлетворение национальных интересов и претензий, на борьбе против русификации и пробуждении национального самосознания и на других вопросах подобного рода. К идее же обретения независимости эта группа относилась с осторожностью, всячески избегая конкретики в формулировках. Лишь во второй половине 1970-х, опять же, после ареста и освобождения представители этой организации окончательно созрели и поддержали идею независимости.

Пожалуй, то же самое, с небольшими оговорками, можно сказать и о «Союзе воссоединения Армении», который был сформирован в 1969 году. Эта организация так же своим происхождением обязана тем процессам, которые начались в первой половине 1960-х годов. Глава организации - Вальтер Меликян, являлся членом «Армянского союза молодежи». Несмотря на то, что в программе «Союза воссоединения Армении» присутствовала формулировка «независимая Армения», своей сверхзадачей эта организация считала возвращение утраченных территорий Армении, а также - пробуждение национального самосознания, а независимость ими не рассматривалась в качестве реалистичной программы и достижимой цели. Само название организации говорило за себя и отображало приоритеты.

С середины 1960 годов активным участником диссидентского движения являлся брат одного из основателей НОП - Шагена Арутюняна, Марзпет Арутюнян, который, собственно, вступил в эту партию сразу после ее появления. После очередного ареста и осуждения Шагена (в 1977 году) и Айказа Хачатряна (в 1978 году), Марзпет создает молодежный филиал НОП – «Союз армянской молодежи». Марзпет рассказывал, что формирование подобной ячейки планировалось еще в 1975–1976 годах, однако ввиду ряда обстоятельств дело затягивалось. Аресты идейных вдохновителей и авторов этой программы подтолкнули Марзпета воплотить идею в жизнь. Понятно, что название новой организации – «Союз армянской молодежи» (САМ) является точной копией одноименной организации, которая разворачивала свою деятельность в начале 1960-х годов. Кому именно принадлежала идея назвать идентичным образом новую и абсолютно иную по своей сути организацию - Марзпету, Айказу Хачатряну, Шагену Арутюняну или другому человеку - я сказать не могу. Скорее всего, это было совместное решение. Известно одно: к моменту создания этой группы Марзпет Арутюнян уже имел на руках готовую программу, устав, текст присяги, правила безопасности подпольщика и прочие документы. Сам Марзпет не являлся автором и составителем этих текстов и документов. Ему следовало лишь найти и объединить соответствующих требованиям активных молодых людей. И вот, в 1978–1979 годах он нашел нас. Членами новоиспеченной подпольной организации являлись: Ишхан Мкртчян, Самвел Егиазарян, Оганес Агабабян, Ашот Мусаханян, Геворк Саргсян, Вачаган Айрапетян и я.

САМ, в свою очередь, должен был иметь свои филиалы. Формирование таких филиалов являлось важнейшей задачей каждого члена организации. Уже к концу 1979 года Ишхану удалось создать один такой филиал, в который вошли Согомон Погосян, Руслан Затикян, Грачья Торосян и Ромик Манукян.

Сам же Марзпет руководил нашей организацией, не являясь ее членом.

До моего вступления в 1978 году в ряды САМ, я являлся членом Армянского национального союза (АНС). Это был молодежный патриотический кружок со

своим уставом и своей программой. Согласно программе, организация должна была заниматься вопросом воссоединения утраченных территорий Армении, бороться против русификации и различными способами пропагандировать национальные идеи в молодежных кругах. Нашу организацию возглавлял студент-старшекурсник Института иностранных языков им. Брюсова - Смбат. Меня с ним познакомила наша общая знакомая, которая училась в этом же институте. Намного позже - в 1978 году, Смбат распространял листовки в упомянутом институте и об этом стало известно КГБ. Смбата забрали, однако уголовное дело не завели, а провели разъяснительную беседу, после чего отпустили. Смбат об этом никому не рассказал. А в дальнейшем выяснилось, что с того самого момента Смбат являлся агентом КГБ. Находясь под контролем чекистов, он знакомился и налаживал связи с активной молодежью и действующими подпольными кружками и организациями.

В 1978 году я познакомился с Арсеном Казаряном. Двадцатилетний Арсен (1952 г. р) был очень эрудированным, разносторонне развитым, блистательным молодым человеком. В многолюдных местах - преимущественно в парке Комиссаров (сейчас этот парк называется Английским садом), Казарян вел бурные, смелые дискуссии и открыто выступал перед публикой, поднимая национальные вопросы. В 1970-х в этом парке собиралась весьма интересная, разношерстная публика, начиная с болельщиков футбола, и заканчивая представителями интеллигенции, которых волновали политические и национальные вопросы. Разочаровавшиеся в советской действительности пожилые репатрианты, рассказывали о капиталистическом мире, который они покинули ради исторической родины. Именно в этом парке, будучи еще совсем молодым парнем, который приехал завоёвывать столицу и продолжить свое образование, я впервые встретил людей, которые собственными глазами видели Европу и рассказывали о благополучии, правах и свободах. До этих встреч все мое представление о мире, находящемся по ту сторону «железного занавеса», ограничивалось рамками учебника по обществоведению. Надо сказать, что в то время этот парк был совершенно необыкновенным местом и чем-то напоминал лондонский Гайд-парк. Именно там я познакомился с Арсеном. Время от времени мы встречались с ним и просто беседовали. Но я ничего не рассказывал ему о нашей организации - АНС. Однажды, в ходе очередной нашей беседы я сказал ему, что хорошо бы от слов перейти к серьезному делу. А он, не раздумывая, сказал, что уже давно думал о том, чтобы познакомить меня с парнями из НОП. Он так и сказал: «с парнями из НОП». Затем он познакомил меня с Марзпетом. Вскоре после знакомства с Марзпетом, я понял, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. Понял это и был счастлив. После первой же встречи с Марзпетом я понял, что судьба свела меня с человеком, который представляет серьезную организацию, и что с этой самой минуты я буду уже другим - я буду отличаться от людей, окружающих меня, от людей, живущих в родной деревне, от людей, живущих в моем городе, от людей, живущих в моей стране - от всех. Впоследствии, в августе 1980 года, Арсен был осужден по 69-й (нарушение принципа расового и национального равенства) и 206¹-й

(распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) статьям. Срок он отбывал в новосибирской зоне. В настоящее время он проживает в Ереване. Я благодарен Арсену Казаряну. Если бы не он, моя жизнь могла пройти по совершенно иному сценарию. Он даже не представляет, насколько важной оказалась роль, которую он сыграл в моей жизни. Да и не только - в моей. Арсен Казарян познакомил с Марзпетом и Ишхана, которого до этой встречи звали Князем. Князь и Арсен жили на одной улице. Представляя Князя Марзпету, Арсен сказал:

- Знакомьтесь, это - Князь, а с этой минуты - Ишхан.

Все рассмеялись и Князь в возрасте 21 года, в 1978 году, был переименован в Ишхана. Мой хороший друг, известный московский диссидент и политзаключенный Алексей Смирнов, который находился вместе с Ишханом на зоне Пермь-36, пишет в своих мемуарах, что Князь был переименован в лагере – через пару дней после прибытия. Но он ошибается. Еще задолго до тюрем и лагерей, Князь уже звался Ишханом. Даже я познакомился уже не с Князем, а именно с Ишханом.

Через некоторое время я познакомил Марзпета и Ишхана с Смбатом. Однако встретившись пару раз со Смбатом, Марзпет сказал, что не считает целесообразным общение с этим парнем. После слов Марзпета все мои контакты с Смбатом носили уже чисто случайный и мимолетный характер. Позднее, ознакомившись с материалами по нашему уголовному делу под конец предварительного расследования, я с большим удивлением обнаружил, что наши парни в какой-то момент восстановили контакт с Смбатом, но потом выяснилось, что это произошло по инициативе самого Смбата. В тот период в Ереванском педагогическом институте действовал подпольный студенческий кружок, члены которого занимались изготовлением и распространением листовок на русском и на армянском языках. Этим кружком руководил Ашот Апикиан. Кроме всего прочего, кружок этот распространил брошюры «Национальное право» и «Империализм», автором которых являлся преподаватель педагогического института Александр Манучарян. Смбат контактировал и с этими студентами. Я не знаю, как именно он вышел на этот кружок, но факт заключается в том, что именно с подачи Смбата были раскрыты и арестованы как члены нашей группы, так и этого студенческого кружка. К счастью, членов студенческого кружка не осудили и не послали в лагерь. К счастью - главным образом потому, что костяком этого кружка являлись девушки. А не арестовали их отнюдь не потому, что КГБ Армении отличался какой-то там гуманностью, а потому, что армянские чекисты любой ценой желали скрыть от Москвы тот факт, что в республике одновременно действует множество подпольных организаций и кружков. В 1980 году был осужден руководитель Хельсинской группы Армении Эдуард Арутюнян, незадолго до этого член Хельсинской группы Армении Роберт Назарян. В мае 1980- ого были арестованы

мы - пять членов САМ, и, если бы в том же 1980-ом арестовали бы еще и членов студенческой группы, то это означало бы, что армянские чекисты работают из рук вон плохо. Все рапорты и доклады, отправляемые из Армении в Москву, свидетельствовали бы о том, что под самым носом у армянского КГБ формируются и множатся бесчисленные подпольные организации, а армянскому Комитету никоим образом не удастся своевременно пресечь и разоблачить подпольную деятельность.

Из этой группы студентов к двум годам ссылки был приговорен лишь Ашот Апикян (1958 г.р.), если, конечно, не считать членом этой организации и лектора названного института Александра Манучаряна, который был приговорен к 4 годам лагерей и к двум годам ссылки. К двум годам ссылки был приговорен и сам Смбат Мелконян, который с одной стороны действительно хотел заниматься диссидентской деятельностью и был патриотически мотивированным парнем, но с другой стороны, находился под контролем КГБ и был вынужден выполнять их поручения. Не исключено, что некоторые шаги он предпринимал и независимо от КГБ.

Первая камера

Это было в 1980 году, то ли во второй половине марта месяца, то ли в самом его конце – сегодня помню смутно. Я сидел в столярной мастерской воинской части в Тукумсе, который находится недалеко от Риги. Я – обычный солдат советской армии, но в отличие от других таких же солдат – своих сослуживцев, у меня нет автомата, и я отстранён от караульной службы. Вместо этого я тружусь в этой мастерской. Я вроде как столяр или должен им стать. Но еще до того, как попасть сюда, с 1978 года являюсь членом подпольной организации и уже успел попасть в поле зрения КГБ. В парке Комиссаров, который находится по соседству с театром им. Сундукяна (сегодня – Английский сад), были в то время установлены теннисные столы. Я никогда не был фанатом настольного тенниса, да и игроком был не ахти каким, но в 1979 году время от времени играл там в теннис. И вот однажды, когда я в очередной раз явился в парк, ко мне подошли двое незнакомцев и предложила сыграть с ними в теннис. Мне мешал пиджак. Один из них предложил мне снять его. Во внутреннем кармане пиджака у меня лежали бумажник и паспорт. Я колебался: снять пиджак или не стоит? Затем все же снял его и повесил на ветку ближайшего дерева, так чтобы он был на виду. После завершения игры, надев пиджак, я нащупал бумажник в кармане и успокоился. И лишь ближе к вечеру обнаружил, что у меня пропал паспорт. На следующий день я отправился по всем тем местам, в которых побывал накануне, однако мой паспорт так и не нашелся. О том, что у меня исчез паспорт я рассказал Марзпету Арутюняну. Послушав мою историю, он сразу сказал, что двое незнакомцев, с которыми я играл в теннис, наверняка были чекистами, которые и похитили мой паспорт. Марзпет пояснил, что паспорт мой украли специально – для того, чтобы лишить меня возможности выехать за пределы республики. (Забегая вперед скажу, что Марзпет был прав. Много позже, в 1986-ом, когда я был на ссылке, чекисты отдали мой паспорт моему отцу и предложили переслать мне, что мой наивный отец и сделал. Видимо были уверены, что я с помощью паспорта решу покинуть место ссылки, а они меня, разумеется, арестуют и осудят за побег. Но их план не сработал).

Я всячески пытался избежать армейской службы. Не из-за того, что служба казалась мне слишком тягостной и сложной, а затем, что не желал служить в рядах советской армии. Служба в советской армии казалась мне тогда перспективой крайне нежелательной. И чекисты вполне могли допустить мысль о моем побеге за пределы республики. В ноябре 1979 года меня задержали на улице и доставили в военкомат на милицейской машине. А до этого они отправили письмо моим родителям, в котором сообщили, что в случае моего уклонения от призыва, они объявят меня в розыск. Сотрудник военкомата живо оформил мои документы – без паспорта и лишних расспросов. Он даже не потребовал предъявить ему паспорт. Мне было предоставлено несколько дней для того, чтобы я попрощался с родными, и в конце

ноября, опять же - без паспорта, мне вручили военный билет и увезли в Латвию на службу в войсках ПВО.

Армянские гебешники вне всяких сомнений сообщили о том, кем я являюсь в особый отдел части, но как это часто бывало в СССР их машина дала сбой. Либо армяне сообщили обо мне поздно, либо эти сведения просто слишком долго шли, а может и на месте к этим сведениям отнеслись несерьезно, - это уже и не важно. Так что после прохождения карантина в городе Тукумс, я, как и все призывники, попал под распределение по воинским частям и оказался в небольшой воинской части ПВО в Риге, где вместе с остальными солдатами-срочниками начал осваивать навыки противовоздушной обороны. Нам читали специализированные лекции, а мы были обязаны заучивать их и отвечать на следующем уроке. В каждой группе призывников было по 15–20 человек, эти группы были разделены на 3–4 части. Кто-то из нас должен был стать бойцом, определяющим высоту нахождения цели - воздушного объекта условного противника (высотомерщиком), кто-то - определяющим дальность нахождения цели (дальномерщиком), а кто-то получал другую специальность. Я должен был стать высотомерщиком. Процесс обучения должен был длиться 3–4 месяца. В конце января 1980 года, только мы начали знакомиться с соответствующей военной техникой, как меня вдруг отправили обратно в Тукумс, и велели работать в столярной мастерской. По всей видимости, до чиновников спецотдела, наконец, дошла депеша (либо ее смысл) по поводу меня, которую отправили им из Армении.

Было холодно и я по обыкновению включил находящуюся в мастерской самодельную электрическую плиту. Этой плитой мы пользовались довольно регулярно, и никто до того дня не делал нам никаких замечаний по этому поводу, полагаю, что и потом - после этого случая со мной, не делали. В сопровождении лейтенанта нашей части в мастерскую вошли полковник и капитан. Едва войдя в помещение, полковник стал орать и ругать меня на чем свет стоит, затем, заметив электроплиту, заявил, что я нарушил правила безопасности и должен быть за это наказан. «Семь дней гауптвахты», - рявкнул он и вышел.

«Моя первая камера», - с гордостью подумал я, когда за моей спиной захлопнулась железная дверь. Я всегда знал, что однажды окажусь в тюремной камере и был к этому готов. Этот путь я выбрал сам. Еще в Ереване мне страстно хотелось выполнять опасные поручение, действовать. Я просил, чтобы мне дали задание. Самым легким делом в то время могло быть распространение листовок. И вот Марзпет задумал отличный план. Листовки - дело, конечно, полезное, но надо сделать, что-нибудь такое, от чего бы коммунисты почувствовали себя наказанными.

- Можно, - предложил он, - красной краской, которая символизирует кровь, облить памятники коммунистам, установленные в городе.

Мне эта идея очень понравилась. И дело казалось пустяковым. Мы развили эту идею: памятники деятелям-чужеземцам следует красить красной краской, потому что они залили кровью армянский народ, а памятники большевикам-армянам надо покрасить с одной стороны красной краской, а с другой - черной, потому что кроме того, что они залили кровью собственный народ, так еще и, как любил говорить Марзпет, «очернились навечно». Как предатели они опозорены, такими и останутся навсегда. Я бродил по центральным улицам города, изучал памятники и обдумывал что и как буду делать. Кроме того, на каждый такой памятник мы планировали приклеить листовку с коротким текстом, который заканчивался словами: «Вот так будет с вами всегда, пока не изменится ситуация». Все было готово. Были готовы и листовки, и краска. Я даже приноровил обувь - отдал свои туфли сапожнику и попросил подбить ее мягкой резиной для того, чтобы в тишине ночного города не было слышно моих шагов.

Не хотел я служить в советской армии, считал это оскорбительным для себя и предпочитал тюрьму. Я знал, если меня не поймают сейчас - на первом деле, так непременно поймают в следующий раз. Мы с Марзпетом Арутюняном даже разработали целую систему условных знаков, на тот случай, если придется поддерживать связь во время моего ареста и заключения. Марзпет объяснил, что, когда я буду находиться под стражей во время предварительного следствия, моим родственникам будет разрешено приносить мне передачи, и я соответственно буду иметь возможность просить принести мне из дому необходимые вещи, и каждая конкретная вещь будет иметь определенное значение. Сегодня я уже с трудом вспоминаю все эти нюансы, но, например, такая вещь, как носки имели примерно следующее значение: «меня не сломали, я крепок и моим товарищам на воле опасность не грозит». Тюрьма не пугала и Марзпета, но он считал необходимым предостеречь меня. Сам же говорил:

- Грядет зима, а Шаген, мой брат, сидит в тюрьме. Мне следует обеспечить свою семью и семью брата зимними запасами и уладить еще кое-какие дела, чтобы хотя бы до весны они не знали забот. Потом уже освободится Шаген и станет легче.

Он опасался, что чекисты воспользуются моей наивностью и неопытностью в силу моего возраста и запудрят мне мозги в ходе предварительного расследования.

Все было готово, но в последний момент было принято совершенно иное решение. Марзпету было сказано, чтобы он не занимался самодеятельностью, и, следовательно, мне запретили что-либо предпринимать. Позже со мной встретились уже без Марзпета и объяснили, что своими действиями я могу поставить под угрозу других людей, и что существуют другие, более серьезные планы, которые из-за меня, моей деятельности могут провалиться. Марзпет был в ярости. Я очень хорошо помню, как он сказал:

- Да чтоб их!.. Они лгут о том, что у них якобы есть более серьезные планы. Просто осторожничают. Они боятся, что мы проговоримся, если нас поймают, и тогда их раскроют.

Марзпет с восхищением рассказывал о Паруйре Айриkyане. Говорил, что Паруйр очень преданный романтик, и что с такими как он людьми не только приятно иметь дело, но и находится с ним в неволе - одно удовольствие. Он всегда считал Паруйра, Шагена и Айказа Хачатряна людьми исключительными, относился к ним с особым уважением.

Таким образом, я, вместо тюрьмы, оказался в рядах советской армии, и в данный момент нахожусь на гауптвахте и сижу в первой моей камере. Семь дней - срок небольшой, отсижу, - подумал я, и начал осматривать свою маленькую, холодную, грязную каморку. Первым делом, мне на глаза попались бесчисленные надписи на стенах. Какие только надписи не прочтешь на стенах солдатской тюрьмы. Через семь дней мне прибавили еще семь дней, на сей раз - за надпись, которую якобы я выцарапал на стене. Мои возражения и уверения в том, что я на стене ничего не писал, были проигнорированы. И лишь получив третий добавочный срок, я, наконец, начал понимать, что в этой камере я оказался вовсе не случайно, а скорее всего из-за каких-то серьезных процессов, происходящих в Армении. Словом, на гауптвахте я сидел до пятого июня - больше двух месяцев.

Всех арестованных военнослужащих, кроме меня, выводили по утрам на работу. Я же оставался в камере на весь день в полном одиночестве. В середине мая на гауптвахту привели небольшую группу азербайджанцев. Они попали «на губу» из-за драки. Веселые были парни. Несмотря на наступившую весну, в камере бывало холодновато, а я находился в ней практически безвылазно. Каждый вечер, когда арестанты возвращались на гауптвахту после трудового дня, один из азербайджанцев, который вскоре должен был демобилизоваться, в обязательном порядке подходил к моей двери, и своеобразно интересовался моим состоянием:

-Эй, земляк, ты там в пингвина еще не превратился?

-Нет, пока еще не превратился, - отвечал я, и все находящиеся на гауптвахте - арестанты и караульные, хохотали.

Позже, уже в конце мая, привели еще одного солдата, которого так же, как и меня, не выводили трудиться. Новый арестант содержался в камере напротив моей. Это был сын какого-то генерала, который служил в Средней Азии, и у него была явная тяга к криминалу, к тому же он постоянно пытался бежать из военной части. Отец устроил его в нашу часть по знакомству, чтобы сын не попал часом в тюрьму. После очередной попытки побега, парня отправили на гауптвахту в воспитательных целях. По всей видимости, местный генерал обещал своему другу - его отцу, не спускать с него глаз, дабы тот не наделал глупостей. Однажды этот самый генерал даже явился

лично на гауптвахту для проведения разъяснительной беседы, и я слышал, как он просил этого парня взяться за ум и вести себя подобающим образом. Благодаря генеральскому сыну меня временами выводили из камеры. Ясное дело – отпрыску генерала необходим свежий воздух, а заодно для паритета, так сказать, выводили и меня. Вдоль забора из колючей проволоки, который отделял территорию гауптвахты от военной части, сочно зеленела свежая весенняя трава. Мы ложились прямо в эту траву и беседовали – я, генеральский сын и караульные. Вся спина генеральского сына была покрыта наколками в виде православных храмов – с крестами и куполами. В траве я находил козлородник, срывал его и с удовольствием ел. Мои собеседники опасливо глядели на меня, и все ждали, когда же я начну подавать признаки отравления. А я смеялся и объяснял, что это вкусная и полезная зелень, и что в Армении принято употреблять в пищу дикорастущие растения. Они никак не могли поверить в это. Единственной съедобной зеленью они считали ту, которая растет на грядке в огороде. Значительно позже в книге Мариэтты Шагинян «Путешествие по Советской Армении» я прочитал об азербайджанской пословице, согласно которой, в аромате роз разбирается соловей, а во вкусе зелени – армянин. Я понятия не имею, существует ли на самом деле такая пословица, но эта фраза довольно метко нас – армян характеризует, особенно меня, так как я очень люблю зелень.

В один прекрасный день, когда всех арестантов, как положено, увели трудиться, меня окликнул генеральский сын и в изумлении сообщил, что дверь моей камеры не заперта. Он заметил это обстоятельство сквозь щель двери своей камеры. Я слегка толкнул свою дверь, и действительно – она была незапертой. Днем наши двери запирались не на замки с ключами, а на металлические засовы. На сей раз, видимо, караульный забыл задвинуть шпингалет, и моя дверь оказалась открытой. Парень начал просить меня выйти и отпереть его дверь. Он пообещал мне, что не выдаст меня ни при каких обстоятельствах. Я поверил ему. Вышел, открыл дверь его камеры, возвратился в свою камеру, а он запер меня и скрылся. Через пару часов вернувшиеся на гауптвахту солдаты, обнаружили, что парня в камере нет. Я, естественно, заявил, что не имею никакого представления о том, как он выбрался, ибо вот же я – сижу в своей камере, дверь моя была заперта, и я ничего не знаю. На гауптвахте поднялся невероятный переполох.

Вечером, когда все обитатели гауптвахты заняли свои места, остервенелые солдаты караульной службы, которые почему-то все как один были из Коми АССР, построили нас в тесном коридоре гауптвахты и заявили, что несмотря на то, что сбежал лишь один из нас, наказаны будем мы все, ибо все виноваты. Их ярость и дикость не имела никаких границ. Они принялись с упоением избивать нас. Затем заставили прыгать на корточках. Молодой лейтенант – командир дневной смены дежурного отряда, вывел меня из строя и заявил, что, либо побег был совершен с моей помощью, либо мне известно имя сообщника, и если я признаюсь или

расскажу то, что мне известно, то они прекратят избивать солдат. Наверное, они думали, что дверь камеры генеральского сына открыл кто-то из солдат караульной службы, и хотели услышать это от меня. Я продолжал настаивать на том, что мне ничего не известно. Они приступили к новому этапу истязаний. Избиение чередовалось с физическими упражнениями. Некоторые из нас были измотаны до такой степени, что падали без сил на пол, некоторые – все еще держались, рвались из последних сил. Я находился в строю рядом с азербайджанцами. Тот весельчак-азербайджанец, который каждый вечер спрашивал меня, не превратился ли я в пингвина, шепотом сказал мне:

- Если даже знаешь, кто это сделал - молчи, а если это сделал ты, то молчи тем более, иначе попадешь под трибунал и тебя отправят в дисбат.

После небольшого перерыва нам всем было приказано лечь на пол, опереться о пол руками, а ногами упереться в стену и, этак перевернувшись, выполнять отжимания. Когда мы, окончательно вымотавшись, попадали друг за другом на пол, один из караульных заявил, что кто-то из нас оставил на стене темный след от кирзового сапога, и, стало быть, тот, кто это сделал, должен вылизать этот след со стены - в буквальном смысле, языком. Это было уже слишком, я просто не смог это стерпеть. На меня вдруг снизошло невообразимое умиротворение, я впал в состояние, напоминающее прострацию, и как следствие ощутил невероятную самоуверенность. Пожалуй, такого ощущения я больше не испытывал в жизни никогда. Я вышел из строя и заявил, что никакой солдат вылизывать стену не будет. Наверное, я произнес эти слова с такой решительностью, что они возымели свое действие. Ко мне подошел лейтенант и велел пройти с ним в комнату дежурного, которая находилась в конце коридора. Двери были распахнуты, и все солдаты могли слышать, как он буквально уговаривал меня назвать имя того человека, который открыл дверь камеры. Он обещал не трогать меня и выпустить на службу в военную часть на следующий же день. Ну, а мне, разумеется, нечего было сказать. Время было позднее, устали все - и арестанты, и караульные. Нам приказали убраться в коридоре и разойтись по камерам, не забыв, конечно, пригрозить, что завтра всем нам будет хуже.

Когда все караульные ушли, азербайджанец окликнул меня и вновь повторил свое предостережение о том, что ошибаться мне нельзя, нельзя признаваться ни в коем случае. «В противном случае», - говорил он, - «тебя сначала избьют до смерти, а затем, по решению военного трибунала, направят в дисциплинарный батальон, а уж оттуда люди в лучшем случае возвращаются инвалидами.»

Ночью я не мог уснуть. Я являлся виновником массового избиения невинных людей. Меня мучала совесть. Но предостережение азербайджанца я принял к сведению. Надо молчать. Странно, но ни один из исколоченных и измученных солдат не выразил ни слова недовольства и не потребовал от меня признания. Никто

не озвучил в мой адрес ни одного обвинительного слова. Некоторые, по всей видимости, просто верили в мою невиновность, а некоторые - так же, как и азербайджанец, понимали, что моя перспектива в случае моего признания настолько ужасна, что мне лучше уж действительно молчать. Я не всех знал по имени тогда, а сегодня и вовсе из памяти стерлись их лица, но то, как они себя повели в тот день я никогда не забуду.

Вся эта история произошла 4 июня 1980 года. А на следующее утро - 5 июня, как и положено, всех арестантов увели на работу, и я снова остался один. Ближе к полудню вдруг слышу шаги - ведут нашего беглеца. За столь короткое время он успел совершить на воле какое-то преступление - то ли ограбил кого-то, то ли украл - не помню точно. В общем, явились в его камеру несколько военнослужащих с начальником гауптвахты. Я прекрасно слышал всю их беседу. «Кто тебя выпустил?» - спросили его, а он, недолго думая, назвал мое имя. Когда все вышли, я наивный, обратился к нему:

- Но ты же дал мне слово.

А он - безразличным тоном мне в ответ:

- Да не бойся ты, ничего не будет.

Вскоре караульные солдаты принесли еду.

- На, поешь как следует, вечером свадьба твоя будет.

Я ел и представлял себе, как меня вечером будут зверски избивать перед выстроившимися в коридоре солдатами. Но не прошло и полчаса, как неожиданно к моей двери подбежали двое караульных с выпученными глазами.

- К тебе «белые волки» пришли.

«Белыми волками» там, почему-то, называли работников КГБ. Меня отвели в комнату начальника гауптвахты, где в числе других меня ожидал следователь Комитета государственной безопасности АрмССР Грачик Григорян. После очень короткого диалога было отдано распоряжение срочно готовить меня на выход из гауптвахты. В виду довольно длительного пребывания на «губе» мой внешний вид абсолютно не соответствовал облику примерного солдата. Солдаты караульной службы - те самые, которые обещали устроить мне вечером жестокую и показательную расправу, по приказу своего командира помогли мне привести себя в божеский вид. Вокруг меня вдруг засуетилось и забегало напуганное присутствием «белых волков» начальство гауптвахты. Мне дали вполне сносный бритвенный станок, помогли привести в порядок шевелюру, один из солдат полил воду и помог мне помыться. И вот уже минут через тридцать-сорок я стал похож на примерного советского солдата. Расправа надо мной уже исключалась. Избивать и унижать

людей, разумеется, априори неприемлемо, но дело усугублялось еще и тем, что из-за этого злополучного бессмысленного побега, соучастником которого я стал, наверняка пострадали дежурившие в тот день караульные солдаты, и еще неизвестно насколько строго их наказали, вот они и должны были отомстить. Колотить и унижать генеральского сына они, конечно, не осмелились бы, а вот я - был прекрасной и подходящей мишенью, чтобы отыграться как следует. Но я улизнул.

Вот так, впервые я оказался в камере. В дальнейшем мне пришлось побывать во многих тюремных камерах. Видел я и камеры похуже, и зверства страшнее, чем в армии - на гауптвахте, но как не мог понять раньше, так и не пойму никогда, почему государство обращается с такой жестокостью со своим солдатом - с человеком, который ценой собственной жизни и здоровья защищает с оружием в руках границы этого самого государства, который вовсе не является злым преступником, и единственным проступком которого могут являться лишь какие-то незначительные нарушения устава. Говорят, что были всегда и будут жестокие армии. Но такая жестокость в отношении собственного солдата не может иметь никаких оправданий.

Итак, меня опрятного и облагороженного вновь привели в комнату начальника гауптвахты, в которой меня дожидался Грачик Григорян. С ним мы на самолете и полетели из Риги в Ереван. Летел я как обычный пассажир - без наручников и специального контроля. Не было никакого спецконтроля и в аэропорту. Возможно, где-то рядом находились молодые оперативники латвийского КГБ, которых я не заметил, но Грачик Григорян предоставил мне свободные условия. Я свободно расхаживал по залу аэропорта, да и в самом самолете при желании мог спокойно передвигаться.

Служба в советской армии, которую я считал армией оккупантов, была для меня крайне нежелательной и оскорбительной, но так сложилось, что я, тем не менее, в этой армии отслужил. Недолго правда - всего полгода, из которых 2 месяца провел на гауптвахте, но все-таки я в ней, стало быть, служил.

Когда самолет совершил посадку в ереванском аэропорту, то волга чекистов уже ждала нас непосредственно возле взлетной-посадочной полосы. Грачик занял место возле водителя, меня же посадили на заднем сидении машины посередине - между двумя молодыми оперативниками. Когда машина покинула территорию аэропорта и выехала на шоссе, ведущее к центру Еревана, Грачик, обернувшись, спросил меня:

- Ты небось по городу соскучился, Вардан, скажи, по какой части города ты бы хотел поехать?

А я не соскучился по городу, и мне было все равно, по какой улице поедет их машина. Меня лишь интересовало, что произошло с моими друзьями, где они, в каком состоянии.

Значительно позже, уже после моего освобождения, от случая к случаю мы пересекались с Грачиком Григоряном. Он занимал пост главы КГБ в Арташате в 1989-1990 годах. На протяжении нескольких месяцев там царил достаточно напряженная обстановка. Вооруженные группировки выступили друг против друга и возникла необходимость срочно стабилизировать ситуацию. В то время я бывал там часто. Местные структуры КГБ и милиция были слабыми, и надежда Грачика зиждилась на том, что нам с Ашотом Навасардяном удастся как-то спасти положение. Позже он вышел из КГБ. По его словам, он сделал это из принципиальности, мол не мог делать вид, что ничего не изменилось и служить новой системе с той же преданностью, с которой в прошлом служил Советам. Потом я долгое время его не видел. Но однажды летом 2016 года, я шел в сторону цирка по улице, находящейся неподалеку от моего дома (а мой дом находится возле Дома печати), и встретил литературоведа Ишхана Степаняна, с которым мы часто виделись, так как он владел небольшим ларьком канцелярских товаров непосредственно под Домом печати. Ишхан в тот момент беседовал с каким-то незнакомцем.

- Узнаешь моего собеседника? - спросил меня Ишхан – По его словам, он арестовал и привез тебя из армии в Ереван.

- Меня из армии в Ереван привез совершенно другой человек - Грачик Григорян, - сказал я и, взглянув на высокого незнакомца с иронией добавил, - а мы тут, фактически, хвастаемся, да?

- Я и есть Грачик Григорян, Вардан, - сказал незнакомец.

Это было невероятно – он так сильно изменился и постарел! Причина, побудившая меня уделить внимание этому человеку в своих воспоминаниях, заключается вовсе не в том, что он сыграл какую-то ключевую роль в моей жизни, - в действительности он не имел и не мог иметь никакой значительной роли в ней, - а в том, что рассказал Грачик Григорян во время этой нашей с ним последней встречи. Отвечая на мой вопрос, какими судьбами он оказался в наших краях, Грачик Григорян сказал примерно следующее:

- Знаешь, когда я принял решение выйти из системы госбезопасности, то пошел и написал заявление. Долгое время мое заявление не подписывали. Говорили, что я нужен как опытный сотрудник, но я настаивал. В конце концов они сказали мне: ладно, уходи, если так хочешь, но у тебя большие заслуги перед отечеством, скажи нам что ты хочешь получить взамен? А я сказал им: дайте мне вот этот ряд магазинов, - сказал Грачик и кивнул в сторону застекленных павильонов, а затем продолжил, - теперь я сдаю эти ларьки и в конце каждого месяца прихожу сюда и забираю свои деньги за аренду, затем захожу к соседу - Ишхану, чтобы пропустить с ним стаканчик другой в его комнатенке.

Меня эта история навела на серьезные размышления. Я, конечно, ничего не сказал Грачику, но попрощавшись с ним, я шел по улице и думал о том, что армянская власть ни разу не выразила свою благодарность ни одному политзаключенному, ни разу не было сказано ни одному политзеку: знаешь, у тебя ведь большие заслуги перед отечеством, государство желает тебя вознаградить за это. Здесь важно отметить, что я вовсе не против того, чтобы Грачик, как и другие бесчисленные «грачики», владели магазинами. Пусть владеют и пусть живут, как им хочется. Но это признание бывшего чекиста, на фоне полнейшего игнорирования и отвержения властями заслуг людей, которые боролись именно за независимость и само существование современной Армении, которые отдали свои жизни во имя незыблемости ее границ, наводило на грустные мысли. Все эти высокие пенсии и пособия, предоставляемые бывшим чекистам, бывшим прокурорам и блюстителям закона, все эти почетные награды и ордена, врученные им «за заслуги перед отечеством», их надежная, безбедная, размеренная жизнь и обеспеченная старость – на фоне вечной нужды, обездоленности и беславия их бывших жертв – это просто самый настоящий абсурд, усмешка дьявола.

Встретив Ишхана через пару дней возле ларька, я спросил, улыбаясь: «Ну, как твой сосед поживает?»

- Представляешь, он умер, - последовал неожиданный ответ.

Умер Грачик Григорян - он был из числа тех немногочисленных известных мне чекистов, которые хотя бы на словах, а, возможно, и по жизни продемонстрировали свою принципиальность, объяснив, что не может преданный кадровый чекист, который давал клятву верности советам, служить с тем же энтузиазмом и независимой Армении. В действительности, поведение всего КГБ после развала Советского Союза является эталоном беспринципности. Эта структура была создана советским правительством в целях защиты и обслуживания интересов советского строя, советской власти и СССР. Но в самый решающий момент структура, называемая Комитетом государственной безопасности, бросила, предала и свою страну, и свое правительство, которое, собственно, создало и вскормило ее, и с невероятной легкостью принялась служить новому режиму. Никуда они не ушли, они продолжают служить повсеместно - на всей постсоветской территории. Служат разнокалиберным диктаторам, служат религиозно окрашенным режимам, служат криминально-олигархическим системам. При необходимости они готовы с неизменной беззаветной преданностью служить любому режиму и любому субъекту - лишь бы у кормушки остаться.

Мог я, конечно, и не начинать свой рассказ с эпизода на гауптвахте. Я и вовсе мог пропустить эту историю. Особой роли в моей жизни она и не сыграла. Мог начать свой рассказ сразу с того периода, когда оказался в изоляторе КГБ, или - с первой моей 37-ой политической зоны, которая находилась в поселке Половинка

Пермского края, но с определенного момента я уже знал, что если когда-нибудь возьмусь, наконец, за написание своих мемуаров, то начну повествование именно с истории гауптвахты. А причиной тому являлся мой хороший друг, известный диссидент и писатель Анатолий Марченко, который погиб в чистопольской тюрьме в 1986 году. В один прекрасный, солнечный день 1983 года мы разгуливали с Толей по небольшой кольцевидной площадке 35-й зоны, которая находилась в поселке Всесвятск, и я во всех подробностях рассказал ему о своих приключениях в армии - на гауптвахте. Воспоминания были еще совсем свежими, и я помнил все детали этой истории. Выслушав мой рассказ, Толик сказал:

- Я дам тебе один дурной совет. Постарайся запомнить все, что ты только что рассказал. Когда выйдешь на ссылку, у тебя будет возможность записать все это. Обязательно напиши. Если тебе удастся опубликовать этот рассказ самиздатом, он получит большой отклик. Но подумай, как следует, - после публикации тебя снова осудят. В лучшем случае снова вернешься сюда, а в худшем - в зону особого режима.

Тогда мы еще не знали, что после завершения моего срока наказания вскоре завершится и предоставленный историей срок существования Советского Союза. Нет больше советов, и мне больше не грозит опасность, но мне приятно осознавать, что начинаю так, как советовал Толик. Еще ни раз в своих воспоминаниях я с удовольствием упомяну имя этого светлого, яркого человека, прекрасного и преданного друга, правильного, негибatego политзека.

Предварительное следствие

Непосредственно из аэропорта меня привезли в следственный отдел Комитета госбезопасности и начали допрашивать. Я, разумеется, усиленно делал вид, что совершенно не понимаю, зачем меня туда привезли, и что за вопросы мне задают. Однако в тайнике, который я смастерил, трудясь в столярной мастерской военной части, ими была обнаружена моя записная книжка, которая была вся исписана антисоветскими текстами, а наша переписка с Марзпетом Арутюняном и Ишханом Мкртчяном находилась под их наблюдением. Они перехватили два моих письма, которые были предназначены Марзпету. Не было у меня намерения как-то оправдываться, защищаться и изворачиваться. Мои записи и моя записная книжка - они ведь принадлежали мне, и отрицать этот факт я не собирался. Тем более не собирался я отречься и от антисоветских взглядов. Это было бы бессмысленно. Мои взгляды самым явным образом были выражены в моих записях. Меня больше интересовали мои друзья - чем они занимались, что с ними происходит, где они находятся, кого из них арестовали, а кому удалось скрыться или остаться незамеченным? Я все пытался понять, найти ответы по вопросам, которые мне задавали.

Только значительно позже мне удалось узнать, что члены нашей группы были арестованы в последней декаде мая 1980 года. Я был последним из тех, кого арестовали - меня привезли 6 июня. До этого уже были арестованы Марзпет Арутюнян, Ишхан Мкртчян, Самвел Егиазарян и Оганес Агабабян. Остальные разоблаченные члены группы оставались на свободе, выступая в качестве свидетелей. И этим они, конечно, были обязаны своим арестованным друзьям. Некоторые члены нашей группы и вовсе не были выявлены, и их имена так и не были упомянуты ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного процесса.

Самвела Егиазаряна арестовали 19 мая по сфабрикованному обвинению в хулиганстве. В тот день его вызвали в отделение милиции Шаумяновского (сегодня - Малация) района, и заявили, что он якобы совершил хулиганский поступок - оскорблял прохожих. Затем из отделения милиции его переправили в КПЗ. А еще через пару дней перевели в изолятор КГБ. О «хулиганстве» вспомнили еще раз спустя 4 месяца - в августе, приговорив его на этом основании к году заключения. Самвел рассказывал, что в зал суда не пригласили ни одного потерпевшего хотя бы для проформы.

На следующий день, 20 мая, были арестованы Ишхан Мкртчян и Оганес Агабабян.

Арест Ишхана напоминает кадры из боевика. На рассвете 21 мая 1980 года, когда все члены семьи еще мирно спали, чекисты явились в дом к брату Ишхана в Ахпарашене, в котором в то время проживал и сам Ишхан. Накануне вечером,

вернувшись домой, Ишхан вместо того, чтобы по обыкновению спрятать кое-какие документы в тайнике, просто положил их себе под подушку, чтобы перепрятать их уже утром. Естественно, чекисты их сразу обнаружили во время обыска и, положив эти документы на стол, продолжили обыскивать квартиру. Однако, воспользовавшись невнимательностью чекистов, Ишхан хватает со стола некоторые важные документы, в их числе тетрадь с адресами и номерами телефонов, и пулей вылетает из дома. Он несется по узеньким и витиеватым улочкам Ахпарашена, а за ним бегут чекисты. Ишхану удается избавиться от тетради с адресами и телефонами и замести следы, таким образом, что эту тетрадь так и не находят, но некоторые материалы все же сотрудникам КГБ удается «спасти». В том числе и до основания истерзанную убегающим от чекистов Ишханом тетрадь с надписью: «Правила безопасности для подпольных организаций», которая, кстати, была переписана моей рукой. Сегодня она хранится в моем личном архиве. В своей книге «Инакомыслие в советской Армении» я по недоразумению отметил, что она находится в папке с уголовным делом. Но в 1991 году после реабилитации бывших политзаключенных сотрудники КГБ пригласили меня к себе и отдали мне папку с моим уголовным делом, сказав, что я могу взять из папки все, что пожелаю. Из этой папки я взял две мои записные книжки, брошюру «Национальное право», автором которой является Манучарян Александр, и вот эту тетрадь - изорванную Ишханом и восстановленную чекистами. Вот страничка этой тетради:

17 7
սկ-ի օրենքները և Տարոնները -1-

1-ի Տարոնները և օրենքները բացառաբար
պատկանում են, ստորագրող, դատարան, ոչ Տարոն
ները հարկում է հարկադրական առ
: Գնահատված Տարոններում առկա է
Տարոն-ի, որով չարի և՛ պարտադրում
և որով կարի պարտադրում հարկադրական
կարի պարտադրական կարի

За этот поступок Ишхан был обвинен по первой части статьи 207¹ (оказание сопротивления сотруднику милиции или народному дружиннику) и в июле 1980 года - приговорен к лишению свободы сроком на 4 года.

Марзпет Арутюнян был арестован 31 мая. Марзпета забрали в отделение милиции района Орджоникидзе (сегодня - Эребуни) и в ходе личного досмотра забросили ему в карман наркотик. Марзпет рассказывал потом, что это было сделано до такой степени нагло и неуклюже, что он успел схватить милиционера за руку и сказать: "Это - твое", однако в отделении милиции составляют соответствующий протокол, возбуждают уголовное дело по статье "хранение наркотических средств" и производят арест. В изоляторе КГБ, в отличие от уголовного, строго воспрещалось шуметь, выкрикивать из окон, переговариваться с соседями. Такие явления, можно сказать, были вовсе исключены. В случае нарушения этих правил человека немедленно затыкали или отправляли в какую-то одиночку, откуда его бы никто уже не услышал. Марзпет был невероятно находчивый и очень быстро ориентировался. Этот факт могут подтвердить все его друзья и близкие. Он и раньше (в 1969 году) попадал в изолятор КГБ, и ему были хорошо известны все правила и особенности этого места. Для того, чтобы каким-то образом сообщить своим товарищам, находящимся в соседних камерах о своем аресте, Марзпет начинает кричать в окошко:

- Марзпет! Марзпет! Эй, Марзпет! Отзовись, Марзпет! Тебя тоже, что-ли арестовали, Марзпет?!

Оторопевшие контролеры ничего не понимают. Они слышат, что голос раздается из камеры Марзпета, но они так же отчетливо слышат, как зовущий обращается к Марзпету.

Так же, как и Самвел, Марзпет был осужден по сфабрикованному уголовному делу и приговорен к двум годам заключения. В зале заседания суда прокурор заявляет:

- Арутюнян Марзпет – коварный, истинный преступник. Он знает, что употреблять наркотики вредно, и сам не употребляет их. Он распространяет наркотики. Особенно - среди молодежи, чтобы отравить ее.

Марзпет парирует:

- Гражданин прокурор, если бы я хотел отравить молодежь, я бы распространял марксизм, а не наркотики.

Один из членов нашей организации - Оганес Агабабян, которого мы называли Оником или Овиком, и который был приговорен к трем годам лишения свободы и отсидел весь свой срок на политзоне в Мордовии, по каким-то неизвестным для нас причинам, - либо он был введен в заблуждение, либо - напуган, либо - запутан чекистами, которые, надо отметить, не гнушались никакими средствами, лишь бы

рассорить и настропалить друг против друга единомышленников и близких друзей, находящихся под следствием и, следовательно, не имеющих возможности общаться друг с другом лично, - словом, вскоре после своего ареста он дал обстоятельные и пространные показания. Рассказал буквально все, что знал. Назвал имена людей. Даже - имена парней из той группы, которую сформировал Ишхан. К счастью, он не знал, где находится тайник нашей организации. И только поэтому чекистам так и не удалось захватить кое-какие важные документы и главное - списки с конкретными именами и адресами, о существовании которых они прекрасно знали. Ни Самвел, ни Марзпет, ни Ишхан так и не промолвили ни слова об этом тайнике на протяжении всего предварительного следствия, так что в обвинительном акте и приговоре суда записали, что «упомянутые документы в ходе следствия не обнаружены и не приобщены к уголовному делу». Вообще, такие формулировки как «неустановленная следствием личность», «невьявленные следствием материалы» и так далее, - довольно часто встречаются в материалах по нашему уголовному делу. Что же касается Оника, то у него наоборот, - в обвинительном акте и в самом приговоре было написано, что он оказал помощь следствию в раскрытии преступления. Я бы очень не желал, чтобы кто-то из моих друзей сыграл такую роль. Овик был нормальным парнем и с ним не должно было такое произойти. В дальнейшем он провел три года на зоне, а позже - уже после 1987 года, стал одним из самых активных участников армянского всенародного движения. И в последние годы он был постоянным участником организуемых в Армении акций протеста.

Думаю, что не стоит слишком подробно описывать предварительное следствие, ибо этот довольно стандартный процесс хорошо описали многие авторы. Следователи в основном всегда работали (и работают) по шаблону: обнаружить самые слабые места допрашиваемого человека и как следует «разговорить» его, использовать сравнения, противопоставления и особенно – лесть, мол «тебя нельзя с ними сравнивать, ты совсем другой - благородный, умный и воспитанный человек, у тебя может быть блестящее будущее, а вот они - необразованные, неотесанные и бесперспективные люди». И самое главное – «они уже все рассказали и свалили всю вину в основном на тебя, так что, если ты благоразумный человек, то тебе лучше сейчас рассказать нам всю правду, чтобы мы смогли помочь тебе». Или: «от тебя вообще ничего не требуется, тебе даже не нужно давать показания против своих друзей, нам все уже известно, ты просто правду нам скажи ...», и так далее.

У каждого из нас был свой отдельный следователь. С нами работала целая следственная группа, включая разного рода оперативных и технических сотрудников. Впоследствии некоторые из чекистов, которые занимались нашим делом, стали высокопоставленными чиновниками уже в независимой Армении. Некоторые работали и работают в СНБ (Служба национальной безопасности), а иные - в других структурах. К слову, следователь, который работал с Ишханом, стал председателем суда, другой следователь стал судьей, один из оперативников стал

начальником управления, еще один - начальником главного управления, и так далее. Не стоит на них сосредотачиваться. Их слишком много. Эти факты лишь говорят о качестве как самих чекистов, так и независимой Армении. Своими метаморфозами, своей характерной готовностью служить любой идеологии и любой стране, чекисты демонстрируют исключительный пример беспринципности, а независимая Армения, нуждаясь в таких кадрах и услугах, лишь доказывает удручающий факт: наша страна продолжает являться носительницей наихудших проявлений порочной советской действительности. Поэтому в том числе столь печальна та картина, которую мы наблюдаем сегодня в Армении во всех сферах. Именно по этой же причине аналогичная картина сложилась и во многих других постсоветских республиках. Пожалуй, лишь прибалтийским республикам удалось разорвать связи с советским прошлым, да и то - не до конца. В этом плане значительного прогресса достигли бывшие восточноевропейские социалистические страны. И именно это обстоятельство в основном и предоставляет им возможность для свободного развития.

Марзпет успел многое рассказать мне о КГБ, об изоляторе КГБ и тонкостях оперативной службы во время наших с ним ежедневных встреч, которые происходили в течение 1979 года, но вот об этапе предварительного следствия он ничего не говорил. Когда меня арестовали, я поразился тому, насколько точно Марзпет описал процесс моего ареста – самый первый день. Как меня после задержания и допроса сопровождают из кабинета следователя в камеру изолятора. Он не упустил ни одной детали. «Кабинет следователя находится на третьем этаже здания КГБ, оттуда - по лестнице тебя сопровождают на первый этаж, где находится дверь, ведущая в изолятор. По правую сторону коридора находится кабинет начальника изолятора. Они обыщут тебя в холле этого кабинета. (Правда, обыскали меня уже прямо в коридоре). Затем, открыв железные двери, они сопровождают тебя в помещение самого изолятора, где по левую сторону находятся только двухместные камеры, а по правую - камеры, предусмотренные для большего числа арестантов. Пол в коридоре изолятора покрыт паласом - для звукоизоляции. В двухместной камере - две железные низкие кровати и небольшой шкаф. Там нет ни умывальника, ни сортира. Как в других тюрьмах, в дверь камеры стучать нельзя, но вместо этого следует нажимать на предусмотренную для вызова надзирателя кнопку, тогда снаружи зажигается лампочка, и надзиратель подходит к твоей двери. Дважды в день тебя будут сопровождать в туалет». Он во всех подробностях описал даже этот, так называемый туалет, в котором один из кранов - последнего от двери умывальника, был запаян.

Марзпет настолько детально описал это помещение, что я на каждом шагу то и дело обнаруживал что-то знакомое. Спустя годы, уже после развала СССР и формирования независимой Армении, мне, как правозащитнику, по разным случаям приходилось посещать этот изолятор. Там, конечно, многое теперь изменилось.

Однажды в конце 90-х, навестив по долгу службы и побеседовав с задержанными, я попросил сопровождающих нас надзирателей, показать нам бывший туалет изолятора, который после установления сортиров в самих камерах, был трансформирован в складное помещение. Я с большим удивлением обнаружил, что там ничего не изменилось, все там было прежним - даже заваренный кран был на своем месте. Но сегодня этот изолятор изменился уже до такой степени, что едва ли там можно найти следы тех, наших времен.

Многие бывшие политзаключенные, я имею в виду не армянских, а в целом - пишут в своих мемуарах о том, что при знакомстве и общении с более опытными диссидентами и политзеками, они в первую очередь узнавали о том, как следует вести себя в ходе предварительного следствия. Существуют различные подходы: можно, находясь под следствием, не давать требуемых показаний, можно рассказывать лишь о том, чем занимался сам, но не говорить при этом ни слова о деятельности других людей, защитить сообщников, скрыв от следствия их участие в процессах, особенно – скрывать деятельность тех людей, которые не находятся «под колпаком» у КГБ. А можно и вовсе не принимать участие в предварительном следствии и вовсе не давать никаких показаний. Просто заявить о своем отказе от дачи показаний, и пусть они пишут сами, что хотят. Подобный обмен опытом невероятно облегчает жизнь человеку, который впервые оказался под следствием. Намного легче сориентироваться, когда ты предупрежден и можешь сравнить и применить в текущей ситуации чужой опыт.

У нас были свои правила безопасности, в которых доходчиво описывалось, как должен вести себя деятель подпольной организации в кругу знакомых, друзей и родственников; что из себя представляет Комитет государственной безопасности и на какие провокации способны чекисты; как определить, что за тобой установлена слежка, и как уйти от «хвоста», и так далее. Но по поводу поведения в ходе предварительного следствия не было у нас никаких инструкций и правил ни в письменной, ни в устной форме. Никаких подробностей не сообщил нам об этом и Марзпет. Не исключается, что ему просто нечего было сказать нам по этому поводу. И вот, после нашего ареста все мы стали участниками предварительного следствия. Раннее я уже писал о том, что никто из нас, кроме Агабабяна, не промолвил ни единого лишнего слова. Все наши показания касались лишь непосредственно деятельности каждого из нас, и ни один человек, находящийся на тот момент на воле, в результате наших показаний не пострадал. Более того, нами было сделано все возможное для того, чтобы наши свободные и неразоблаченные единомышленники, оставались вне опасности. Но и тем не менее, самим своим участием мы уже играли в игру, которую затеял КГБ, играли по их правилам. Словом, наше участие в следствии значительно облегчило их задачу.

Судя по уголовным делам и приговорам, находящимся сегодня в моем распоряжении, - а у меня, надо сказать, таких документов предостаточно, - практически все участники армянского диссидентского движения, начиная с 1960-х годов, так или иначе становились участниками предварительного следствия. Возможно и существуют какие-то исключения, о которых я не знаю, но подавляющее большинство диссидентов наверняка принимали в этом процессе участие, и практически все они давали показания. По всей видимости, поэтому Марзпет и не говорил нам ничего о следствии. В армянской диссидентской среде, можно сказать, было принято участвовать в процессе предварительного следствия. Одна из причин заключалась в том, что в основном в Армении людей задерживали и арестовывали группами. Крайне редко по уголовному делу проходил лишь один человек. Исключением, пожалуй, можно считать приговор, который был вынесен по делу Завена Арутюняна в 1966 году, когда по данному делу была разоблачена целая группа людей, но в качестве обвиняемого - как в ходе предварительного следствия, так и в самом суде - фигурировал лишь он. По одиночке были осуждены и члены Хельсинской группы Армении в 1979-1980 годах - Роберт Назарян и Эдик Арутюнян. В 1974 году по делу НОП было проведено девять судебных процессов, шестнадцать человек были осуждены. Правда, один из них - Андраник Маргарян, был осужден в 1975 году, но и этот случай является следствием событий 1974 года. В отношении некоторых из этих шестнадцати человек (Каджика Саакяна, Рубена Хачатряна, Ашота Навасардяна, Паруйра Айрикяна и Андраника Маргаряна), почему-то, были возбуждены отдельные уголовные дела, и каждый из вышеперечисленных судился отдельно, несмотря на то, что все они являлись членами одной организации, которая управлялась из одного центра, и, по сути, абсолютно все ее представители занимались одним общим делом. Однако даже в этом случае, следует считать, что арестована была именно группа людей, и все осужденные, их уголовные дела - были тесно взаимосвязаны. Когда дело касается целой группы обвиняемых, то становится намного сложнее хранить молчание и начинаются бесконечные показания. Словом, в нашем случае также была применена эта традиционная армянская тактика.

Согласно установившейся традиции, задержанные в своих показаниях в ходе досудебных и судебных процессов, как правило, отвергали предъявленные им обвинения, либо наоборот - сами выступали с обвинениями в адрес КГБ и советской власти, защищали своих товарищей и защищались сами, объясняли и обосновывали свои позиции, пытались завязать академические дискуссии. Но, что бы они ни делали, в конечном итоге, они все равно становились участниками фабрикации собственных внушительных уголовных дел. Не зная всех этих нюансов, при ознакомлении с уголовными делами, у постороннего человека может сложиться превратное представление как о самих процессах, так и о людях, которые были осуждены по этим уголовным делам.

Например, в 1968 году были арестованы основатели НОП - Айказ Хачатрян, Шаген Арутюнян и Степан Затикян. В первый же день во время допроса Айказ Хачатрян признается в том, что, да - это они распространяли листовки и газету «Парос», это они основали организацию под названием «Национальная объединённая партия», что все их действия были нацелены на обретение независимой Армении, и что, занимаясь такой деятельностью, он себя виновным не считает и в содеянном не раскаивается. Своих друзей во время очной ставки, особенно - Степана Затикяна, который категорически отказывался говорить о своей связи с НОП, он призывал также признаться и дать соответствующие показания. Свое поведение в ходе предварительного следствия он объяснял намерением обеспечить безопасность остальных членов НОП, которые не находились в поле зрения КГБ. «Так или иначе, - говорил он, - им уже известно о том, что мы являемся инициаторами и участниками всех этих действий, и для того, чтобы закрыть дело и отправить нас под суд, им нужны лишь наши показания. Если мы продолжим настаивать на нашей непричастности к этим делам, то они не смогут завершить и закрыть дело. А это значит, что им придется применить новые силы, идти на большие ухищрения, осуществлять масштабные операции и оперативные работы, чтобы, в конце концов, заставить нас признаться. А в таком случае уже невозможно будет исключить вероятность того, что они выйдут и на след других». Элементарно: заявляешь, что ты разоблачен, это твоя организация и все, что делалось, есть результат исключительно твоей деятельности, а других сообщников у тебя не было и нет. И тогда, довольные своей успешной работой, чекисты, завершив дело ставят точку и передают в суд.

Мы знали, что нам следует проявлять стойкость, не терять достоинство, не трусить, не сдаваться, не раскаиваться, не сломаться. Именно так мы себя и вели. Нам настоятельно советовали отказаться от своих взглядов, раскаяться и получить сравнительно легкое наказание, но мы отвергали все эти предложения и советы. На меня оказывалось особенно мощное давление. Находясь на тот момент за пределами Армении, я, фактически, никоим образом не мог принимать никакого участие в деятельности нашей организации. В тот момент я даже не имел никакого понятия о действиях моих товарищей, не знал, что именно они сделали. Позже я, разумеется, узнал, что в то время, когда я отсутствовал, мои товарищи тесно и активно взаимодействовали с другими подпольными организациями и деятелями. Распространяли самиздатские работы Александра Манучаряна «Национальное право» и на русском языке – «Империализм».

Затем в 1980 году, накануне 24 апреля, САМ принимает решение развесить на центральных улицах Еревана черные флаги и плакаты. Этот план, естественно, следовало осуществить ночью. Все участники собрались на конспиративной квартире, которая находилась в районе Киликия. Ночью 23 апреля, в канун операции, Ишхан предварительно осматривает места, где должны были развешивать флаги и плакаты и замечает засаду. Он возвращается к парням и сообщает им, что

КГБ известно об их планах, что за ними установлена слежка, следовательно, их поймают еще до того, как они успеют развесить флаги. То, что за парнями следили – вовсе не удивительно. Чекистам уже давно было известно о планируемой операции. Знали они и о том, где именно планируется развесить флаги и плакаты. Дело в том, что еще в первых числах апреля весь процесс подготовки к операции – покупка черной ткани для изготовления флагов и плакатов, как и в целом – сама разработка плана действий, осуществлялись при активном участии Смбата. Таким образом, КГБ запланировал арестовать наших ребят прямо на месте «преступления» в процессе развешивания флагов и плакатов, который должен был состояться в ночь с 23 на 24 апреля. Но эта операция ГБ провалилась, поскольку наши решают не только отказаться от раннее запланированных действий, но и перепрятать все, находящиеся на конспиративной квартире, документы, в другое, более надежное укрытие. Условившись, все покидают квартиру вместе, но во дворе дома расходятся по различным направлениям. Ишхан вместе с документами незаметно направляется в сторону укрытия, которое находилось в другом месте, и о существовании, которого, знали далеко не все члены организации.

Ни о флагах, ни о листовках, ни о самиздатовских брошюрах Манучаряна я ничего не знал. Фактов, имеющих отношение ко мне лично, у чекистов было мало, но тем не менее, КГБ решил и меня привлечь к уголовному делу. Причина крылась в моем поведении. Я не отрицал своего участия в деятельности организации. Представлялся как убежденный антисоветчик и сторонник независимости. Чекистов весьма раздражала моя откровенно антисоветская позиция. На протяжении всего периода предварительного следствия я постоянно со свойственным юношеским максимализмом доводил до самой крайности свои убеждения – антисоветизм, и намеренно демонстрировал свою позицию. КГБ, для придания вескости обвинению, решил прибавить к конфискованной у меня записной книжке, которая была вся исписана антисоветскими и национально-патриотическими стихами, распространение брошюр Александра Манучаряна. Таким образом, в обвинительном заключении и приговоре зафиксировалось, что я якобы читал и передавал брошюры другим лицам для ознакомления и дальнейшего распространения, в то время как брошюры эти в нашей организации появились в то время, когда я находился в армии, и, разумеется, я никоим образом не мог иметь с ними никакого дела. Было смешно наблюдать за тем, как они примитивно тужились лишь бы состряпать уголовное дело. Они решили обязательно судить меня. Именно для этого и привезли меня в изолятор КГБ аж из самой Латвии. В противном случае меня бы просто допросили на месте – в Латвии, как свидетеля, и, конечно же не привезли бы в Армению. Сам я вовсе не был против такого развития событий. Я настроился решительно: мне нужно быть рядом с друзьями. Марзпета и Ишхана ждали суровые приговоры, и это было понятно по тому, как к ним относились следователи, и я не мог позволить себе оставаться в стороне, не находиться рядом с

ними, как-то «улизнуть». Короче говоря, несмотря на свое отсутствие в момент деятельности нашей организации в Армении, и благодаря лишь обнаруженной «антисоветской» записной книжки и собственному поведению, я остался со своими товарищами, о чем ни минуты не жалел тогда и не жалею сегодня. В моей записной книжке были слабенькие стихи. Сегодня я бы и вовсе не назвал эту писанину стихами. Зато я отлично помню, как некоторые из них вызвали ярость чекистов. Особенно их разгневало стихотворение, посвященное Степану Затикяну. Я написал это стихотворение в тот день, когда в газете «Известия» появилось крайне лаконичное сообщение о расстреле Затикяна - 31 января 1979 года. В стихотворении говорится о том, что наступит день, когда Армения будет освобождена, и на берегах озера Севан будет воздвигнута мраморная статуя Степана Затикяна, – «меч в руке и с мезтью в сердце и помысли о борьбе».

Рассказывая о листовках или о самиздате обязательно надо говорить о типографических возможностях того времени. Человек 21-ого века, под рукой которого имеются современные телефоны, компьютеры, интернет, социальные сети, разнообразные умножающие средства, понятие не имеет об этом. В 1960-70-80 годах сегодняшние возможности не существовали. В советском государстве печатающие средства были только у государства. Печатать и распространять без ведома и без контроля государства – исключалось. Самим распространенным средством были печатающие машинки, но и они находились на строгом учете. Во время покупки записывались данные покупателя, а шрифт этих машинок с легкостью можно было идентифицировать. Приходилось печатать и умножать на самодельных печатающих станках. О других республиках сказать не могу, но в Армении было так. Окольными путями доставали шрифты или сами изготовляли их. Печатать, умножать и распространять текст являлась делом очень трудным и чрезвычайно опасным. Но всегда находились люди, которые этим занимались. Писали, печатали, умножали и распространяли листовки, газеты, брошюры, за что, естественно, арестовывались и приговаривались к длительным срокам заключения.

Из-за начавшегося в изоляторе КГБ ремонта, всех зеков изолятора, «переселили» в ереванскую тюрьму, которая находилась возле цирка. В настоящее время там больница для осужденных. Дом, в котором я живу сегодня, находится в 150 метрах от этого места. Для нас выделили помещение в женском отделении тюрьмы. В плане режима мало что изменилось. В отличии от камер изолятора КГБ здесь в камерах были сортиры и умывальники. С помощью канализационных труб можно было общаться с женщинами, находящимися в соседних камерах. Такой коммуникационный способ весьма распространён в тюрьмах. Это очень легко делается. Унитаз, так называемый, «толчок» в камерах присоединён к общей канализационной системе, и, если удалить из него всю воду, можно спокойно вести диалог. В камерах было грязно и кишели различные насекомые. Из того же отверстия в сортире в камеру проникали огромные крысы, которые, потеряв

обратную дорогу, бегали из угла в угол. Не имея под рукой ничего более подходящего, мы с сокамерником кидали в крысу туфли, а она и вовсе обезумев, отчаянно неслась по помещению, пытаясь спастись, и это продолжалось до тех пор, пока либо очередной - наиболее меткий, бросок вмиг не прекращал мучения животного, либо, крыса нечаянно находила злополучное отверстие сортира и возвращалась в семью. Этот сценарий повторялся если не ежедневно, то уж точно в два-три дня раз. Позже с нашей одежды смастерили пробку и стали плотно забивать отверстие сортира. Подобные явления были исключены в изоляторе КГБ. Камеры там были маленькие и чистые, а пол, в отличие от голых бетонных полов ереванской тюрьмы, был покрыт деревом. Изолятор КГБ в разговорах принято называть «подвалом». Однако, в действительности это не подвал вовсе, помещение изолятора находится на первом этаже здания. А вот под этим изолятором - в подвальном помещении, действительно есть еще один изолятор с такой же площадью и аналогичным расположением камер, но в наши дни он не использовался. По всей видимости, именно это помещение служило изолятором КГБ в сталинскую эпоху, отсюда и появилось распространённое выражение «подвалы КГБ». Здесь же - в подвальном этаже, находилась и баня изолятора, так что, спускаясь раз в неделю в баню, мы непременно проходили мимо старого изолятора и могли его прекрасно видеть, так как между лестничной площадкой и коридором не было никакой двери.

Следует отметить еще об одном важном обстоятельстве. Такие методы как избивание – столь распространенные в уголовных учреждениях, «выбивание показаний» или применение пыток, в изоляторе КГБ не практиковались. Во всяком случае, в наше время такого не было. Я никогда с таким случаем в изоляторе не сталкивался, не наблюдал и ничего подобного не слышал от своих друзей. Самые изощренные способы психологического давления, провокации разного рода – вот это практиковалось в изобилии, но физического насилия не было. При острой необходимости чекисты просто могли на недолго отправить задержанного в уголовную тюрьму и «заказать», чтобы его там проучили. В наше время чекисты работали в белых перчатках. Надзиратели вели себя сдержанно. Удивительно, насколько сильно меняет человека среда, и как это быстро происходит. Некоторые надзиратели изолятора КГБ, за тот недолгий период – пару месяцев, пребывания с нами в уголовной тюрьме, пытались перенять поведение тюремных надзирателей. В ереванской тюрьме существенным образом ослабился и постоянный контроль над ними. Они это почувствовали. В КГБ они находились под жестким контролем, были постоянно напряженными, но и в то же время - крайне корректно вели себя при общении. После завершения ремонта нас привезли обратно в «родной» наш изолятор, и распределили по камерам. Одиннадцать месяцев мы провели в изоляторе КГБ. Первые 15–20 дней я находился в двухместной камере один. Затем из севанской уголовной зоны привели молодого двадцатисемилетнего уроженца

Капана, который был осужден за убийство. Это была его вторая судимость. Я сразу понял, что это подсадная утка. Это было яснее ясного. Даже – слишком примитивно. В первый же день он заявил, что сидел в севанской колонии с Шагеном Арутюняном, а я прекрасно знал, что Шаген сидит вовсе не в севанской, а в советашенской колонии. Таких людей называют «наседками» или «подсадными». Органы предварительного следствия и оперативники используют «наседок» для внутрикамерной обработки интересующего их арестанта. Находясь на протяжении нескольких месяцев в одной камере с представляющим для следственных органов интерес заключенным, «наседка» в праздных беседах выведывает необходимую информацию и сообщает ее следственному органу. Внедря таких людей в сообщество зеков, оперативники собирают информацию о нераскрытых либо планируемых преступлениях. С их помощью начальство зоны, помимо сбора необходимой информации, организовывает и всякого рода провокации. Словом, пользуясь либо наивностью зеков, либо хитро втираясь в доверие, эти субъекты собирают всю необходимую информацию и выдают их. Однако, следует отметить, что после разоблачения такой «наседки», жизнь такого человека на зоне превращается в сущий ад. Но даже такая опасность не является достаточно убедительным основанием для того, чтобы человек не совершал такой поступок. Некоторые эту постыдную роль играют вынужденно – заблудившись, оказавшись в безвыходном положении, а иные – в надежде на досрочное освобождение, которое им сулят в награду, а некоторых на этот поступок толкает желание сытно поесть или трусость, но есть и такие люди, которые являются предателями просто по своей сущности. Много существует причин. Но ни одна из них не может считаться оправданием. Человек, обладающий чувством собственного достоинства, на такой шаг не пойдет ни при каких обстоятельствах. Это явление может стать неплохим материалом для многостороннего, глубокого и чрезвычайно интересного исследования. А «наседками» такие зеки называются по очень простой причине. Подобно насадке он терпеливо и долго сидит (высидивает) рядом с тобой и выуживает информацию (птенцов). Однажды с этим своим сокамерником ввязался я в драку. В условиях длительного совместного сосуществования арестантов в замкнутом пространстве, перепалки и драки – явление вполне обычное. Сложно днями, неделями и месяцами находиться в одной маленькой камере с одним и тем же человеком, и при этом ни разу не поругаться с ним. Даже самым матерым зекам не удастся либо удастся с большим трудом избежать внутрикамерных разборок. Поводом может послужить любой пустяк. Жестикуляция, манера говорить, поза, манера жевать, некая привычка, интонация, – все это может стать причиной скандала. Словом, наша перепалка из-за какой-то мелочи живо переросла в драку. Мой сокамерник был более чем уверен в своей силе. Он был значительно выше меня и шире в плечах. Но после двух-трех моих ударов, поняв всю эфемерность своих преимуществ, он немедленно подбежал к двери, принявшись колотить ее и

звать на помощь надзирателей. Было около десяти часов вечера. Прибежавшие на шум надзиратели, распахнули дверь. Я спокойно сидел на своей кровати, а капанец с искаженным лицом стоял у двери. Он заявил, что не желает находиться со мной в одной камере и требует, чтобы его немедленно переселили. В спешном порядке он схватил свою миску, полотенце, свернул и взял постельное белье и вышел со всем этим скарбом в коридор в сопровождении надзирателей. Только я начал понимать и наслаждаться невероятным счастьем одиночества, как дверь камеры вновь открылась, и в нее вошел мой сокамерник, широко улыбаясь и обнимая свернутое постельное белье.

- Ну, все, все! Успокойтесь! Драки больше нет! - сказал надзиратель и захлопнул дверь.

Мой сокамерник принялся оправдываться и просить прощение. Сказал, что он слишком вспыльчив, поэтому часто допускает ошибки, и что это больше не повторится. В действительности, ему за эти 30-40 минут просто доходчиво объяснили, что из севанской зоны его сюда доставили не для того, чтобы он спорил и дрался с сокамерником, а для того, чтобы выведал определённые сведения, и, следовательно, ему придется забыть о пребывании в другой камере. Видимо, ему велели еще и извиниться передо мной, несмотря на удары, которые я ему нанес. Вот он и извинился, кривляясь.

Когда предварительное следствие по нашему делу подошло к концу, и этот мой сокамерник понял, что вскоре его увезут обратно на зону, он одолжил у надзирателя ручку с бумагой и попросил меня, написать от его имени письмо генеральному прокурору. Формулировать мысли в письменной форме, как и писать относительно грамотно - он был неспособен. В заявлении я должен был написать, что убийство, которое он совершил, являлось нечаянным, и что следователь оговорил его, а в конце - должен был сформулировать примерно следующую мысль: «Прошу пересмотреть мое дело, принимая во внимание оказанные мной услуги, а также тот факт, что я встал на путь исправления». Я писал заявление и не мог скрыть свою улыбку - под «оказанными услугами» он в первую очередь безусловно подразумевал свое доносительство на меня.

В первые же дни появления моего сокамерника я для того, чтобы убедиться окончательно в закравшемся подозрении, назвал в беседе с ним вымышленное имя - то ли Эдмонд, то ли Эдвард, точно не помню. Сказал, мол это весьма известная в республике личность, видный ученый, но никто не знает о том, что и он примкнул к нашей организации. Я полагал, что если все сработает так, как я ожидаю, то когда-нибудь мой следователь непременно спросит меня об этом вымышленном персонаже. Однако каково же было мое изумление, когда об этом вымышленном человеке следователь спросил прямо на следующий же день! Такой примитивности не ожидал даже я - совершенно неопытный в этих делах молодой человек.

Торжествующим тоном, мол нам все известно и тебе некуда деваться, он спросил меня:

- А теперь расскажи мне про Эдварда. Когда и где ты познакомился с ним?

- Нет такого человека. Ты, видать, часто с моим сокамерником встречаешься, - не сдержав смеха, ответил я.

- Издеваешься, да? - обиженно огрызнулся мой следователь.

Он умер в начале 1990 годов. Летом 1988 года, после моего освобождения, уже не помню, через кого именно, он передал мне, что хочет встретиться со мной. У меня нет комплексов - как-то оказавшись на улице Налбандяна, я зашел в приемное КГБ, я набрал его номер:

- Добрый день, это Вардан.

Советский Союз все еще существовал, но мы жили уже в совсем другой стране. Было очевидно, что находимся на пороге очень серьезных перемен. Это понимал и мой следователь.

- Через минуту спущусь, подожди меня, - сказал он.

Минут 10–15 мы прогуливались по улице Налбандяна, побеседовали.

- Кто бы мог подумать, что все так изменится, - виновато улыбаясь, с грустью промолвил он на прощание.

Я не знаю, соответствуют ли действительности, существующие и поныне многочисленные легенды о медицинских опытах, которые якобы проводились над людьми в изоляторах КГБ. Возможно, это правда. Чекисты во всяком случае, наверняка были способны на такое. Если так оно и было, то и я, видимо, тоже находился в роли подопытного кролика. Судя по некоторым сегодняшним публичным выступлениям, эти эксперименты возымели на некоторых бывших советских политзеков необратимый эффект.

В изоляторе, как правило, царила тишина. Здесь не было столь свойственного уголовным тюрьмам шума, гвалта и звона алюминиевых мисок, бьющихся об железные двери камер, не было здесь и специфического тюремного запаха. Здесь каждый шаг был тщательно рассчитан и обдуман.

Мы были на заключительном этапе предварительного следствия. В связи с каким-то ничем не значащим инцидентом следствие назначило нам с Марзпетом Арутюняном очную ставку. В ходе этой очной ставки следователи больше были заняты порицанием Марзпета, чем собственно выяснением каких-то подробностей по делу. Марзпета обвиняли в том, что он втянул в столь опасное и бесперспективное дело меня – «наивного парня» и довел меня до тюрьмы.

- Ты, фактический, погубил этому парню всю жизнь. Он умный парень, получил бы образование и жил бы себе спокойно. Что же ты наделал?

Я возражал, говоря, что совершенно не считаю свою жизнь загубленной, что я сам выбрал свой путь. Но их целью был вовсе не я, а Марзпет, так что, проигнорировав все мои пылкие возражения, они невозмутимо продолжали:

- И не стыдно тебе, Марзпет? Ты так заморочил этому парню голову, что его уже не остановить. Он будет бессмысленно осужден, и в этом будешь виноват ты. Если бы дело это было стоящим, то этим продолжали бы заниматься Ашот, и Азат. Неужели ты думаешь, что ты смелее их или у них смелости не хватает? Но, видишь, мы досрочно освободили их, они живут сейчас спокойной жизнью. Никто никому не мешает, ни они - нам, не мы - им.

Предварительное следствие завершилось. Мой сокамерник больше был не нужен им, его увезли, и я довольно долго пребывал в одиночестве. Мне было сказано, что за проступок (уже не помню, какой именно) я буду сидеть в одиночке. Одиночное содержание они рассматривали в качестве карательной меры, а для меня одиночество стало почти мечтой. Не было слышно характерного звука открывающейся двери соседней камеры, из чего было понятно, что она пустая. Но однажды, в конце февраля, я услышал, как надзиратель запирает дверь соседней камеры. Стало ясно, что там уже сидит человек. Проигнорировав сторожайший запрет, я постучал по стене, чтобы привлечь внимание моего соседа, затем подошел к окну и крикнул: «кто там»? Мне подумалось, что в соседней камере мог сидеть кто-то из моих друзей. Но ответ меня сильно удивил – «Это Ашот Навасардян». Радость и удивление охватили меня. Наверное, все же больше - радость. Ашот сообщил мне, что Азат Аршакян так же в изоляторе. Стало быть, чекисты в очередной раз ошиблись. Они же уверяли Марзпета, что «никто никому не мешает, ни они - нам, ни мы – им». А Ашот и Азат - ясное дело - продолжали работать у них под самым носом. Просто чекисты, в силу своей бездарности не заметили этого. То ли в конце 1978 года, то ли в начале 1979-го Марзпет пообещал познакомить меня с Ашотом, но наша встреча в то время так и не состоялась. А дальнейшие события сложились таким образом, что в 1981 году мы стали соседями по камерам в изоляторе КГБ, где и познакомились.

Предварительное следствие по нашему делу длилось восемь месяцев - с конца мая 1980 года до конца января 1981 года. 27 января 1981 года нам было представлено обвинительное заключение, и начался, так называемый, этап ознакомления с делом, а в конце марта – предположительно 26 числа, начался судебный процесс. Приговор зачитали 9 апреля.

В целом предварительное следствие по нашему делу было унылым и раздутым КГБ. После взрывов в московском метро отношение к армянским диссидентам - особенно

к членам НОП - было подчеркнуто враждебным. Их непременно следовало судить, причем судить максимально жестко. И всячески раздувая наше дело, чекисты готовили соответствующие основания для назначения максимально длительных сроков наказания. За эти же инкриминированные в 1981 году обвинения мы бы наверняка понесли куда менее суровое наказание в 1960-х или даже 1970-х годах. После взрывов в московском метро ужесточились не только наши приговоры и назначенные нам меры наказания. Почти всех армян-политзеков, которые находились в лагерях и уже близилось время их освобождение, судили заново и добавляли сроки. Так, к примеру, отсидев свой срок, из зоны не вышел и был вновь еще раз осужден Паруйр Айриkyан. Аналогичным образом поступили и с Размиком Маркосяном, который находился в ссылке. Были так же осуждены находящиеся на свободе Айказ Хачатрян и Шаген Арутюнян. Невероятно жестоко поступили с правозащитником Эдиком Арутюняном. Уже совсем больного и истощенного, но не сломленного Арутюняна, осудили вновь - сразу после завершения первого его срока, что и ускорило его кончину.

Для того, чтобы подчеркнуть особую опасность нашей деятельности, чекистами были опрошены все свидетели на предмет попытки организации заполучить оружие. На страницах уголовного дела красовались многочисленные фотографии конфискованного у Ишхана игрушечного пистолета. Не имея под рукой программы нашей организации (она так и осталась в тайнике), они мои слова о том, что при необходимости мы готовы отвоевать независимость Армении с оружием в руках представили в качестве программного тезиса организации. Во время одного из допросов я, в самом деле, такое заявлял. В обвинительном акте и в приговоре подчеркивалось, что, согласно показаниям Вардана Арутюняна, программа организации предусматривает два варианта завоевания независимости Армении: мирный и вооруженный. Была в нашем уголовном деле и фотография взорванного в московском метро вагона.

После ареста Степана Затикяна в связи со взрывами в метро в его защиту выступили известные правозащитники. Они не безапелляционно защищали Затикяна, а пытались понять, что же произошло, имел ли он отношение к этим взрывам на самом деле, или нет, являлся ли этот акт провокацией, организованной против всего диссидентского движения в СССР, или это касалось одного лишь Затикяна. Правозащитники так же проводили и собственные расследования. Одно из таких расследований провела известный московский диссидент, член Московской Хельсинской группы Мальва Ланда. Ее комплексное журналистское расследование вышло в свет весной 1979 года. Когда наше дело находилось еще в процессе предварительного следствия, она уже с марта месяца 1980 года, была приговорена к 5 годам ссылки, но на этом репрессии в ее отношении не прекратились. Гебешники, подразумевая нас, заявили ей, что в Ереване обнаружена подпольная молодежная организация и задержанные члены этой организации якобы дали против нее

обширные показания. Об этом я узнал много позже - уже после моего освобождения, когда активно общался с московскими диссидентами. Учитывая это обстоятельство, Мальва меня в шутку называла подельником. Эталон истинного правозащитника и гражданина - Мальва Ланда родилась в 1918 году, умерла 2019-ом.

Различия и сходства

Прежде чем перейти от описания унылых будней предварительного следствия к рассказу о куда более захватывающей истории нашего судебного процесса, мне бы хотелось в общих чертах ознакомить читателя с различиями, которые были между армянским диссидентством и диссидентством в других республиках бывшего Союза.

В моей книге «Инакомыслие в Советской Армении», которая была издана в 2014-ом, а русский перевод вышел в 2019-ом я достаточно рассказал, что есть инакомыслие в СССР и как она развивалась. Стоит, чтобы не повторяться, цитировать оттуда:

«Принято считать, что история диссидентства в СССР датируется началом 1960-х. Это не значит, что до этого времени в Стране Советов не было инакомыслящих. В любой стране, избравшей путь диктатуры, инакомыслие рождается автоматически и существует до тех пор, пока существует диктатура. Это очень естественное явление. Диссидентство рождается как ответная реакция на диктатуру, как ее производное и, несмотря на прилагаемые усилия и жесточайшие репрессии, оно существует до тех пор, пока общество не становится демократическим и не прекращается преследование людей, выражающих мнение, несовместимое с идеологией властей. Так было и будет всегда и везде – Советский Союз ни в коем случае не мог стать исключением. Люди с оппозиционными взглядами существовали в этой стране на протяжении всей семидесятилетней ее истории. ... Термином «диссидент» (инакомыслящий) в 60-е стали называть тех людей, которые, выступая против советской власти и социалистической действительности, не только не практиковали насилие, но и категорически отвергали насилие как метод борьбы. До этого времени антисоветские и антикоммунистические силы, наряду с иными методами, вовсе не исключали насилие, а порой вели активную вооруженную борьбу. К такому методу особенно активно прибегали в послевоенное время в Прибалтике и Западной Украине. Именно для дифференциации оппозиции старого и нового типа в 60-х годах появляются такие определения, как «инакомыслящий» или «диссидент».

Наиболее серьезные диссидентские движения в СССР имели место в Эстонии, Литве, Латвии, Украине, России, Грузии и Армении. Отдельные диссидентские группы представляли собой преследуемые религиозные общины, крымские татары и активисты еврейского движения. В лагерях для политических заключенных в основном отбывали сроки представители вышеупомянутых республик и общин. За исключением, пожалуй, крымских татар, которых советская власть целенаправленно отправляла в уголовные колонии по обвинению в «распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», или по иным надуманным статьям и обвинениям.

Никаких существенных и слишком очевидных различий в плане деятельности диссидентских движений в национальных республиках быть не могло. Во всех

республиках решалась одна и та же задача: пропаганда независимого государства, организация различных подпольных групп и кружков, распространение самиздата, а также - листовок, различных буклетов и газет. Незначительным образом различались между собой действующие в национальных республиках диссиденты-правозащитники и диссиденты, которые в основном были заняты решением конкретных национальных вопросов. Четко очерченной границы между ними не было. Эта граница, если и была, то была крайне гибкой. Во многих случаях один и тот же человек мог выступать как в качестве правозащитника, так и в качестве деятеля, отстаивающего национальное право. Примеров таких предостаточно. Так действовали и в прибалтийских республиках, и в Украине, и в Армении. Инициатором и создателем первой в Армянской ССР правозащитной организации - Хельсинской группы, являлся Шаген Арутюнян, который придерживался националистических взглядов, был одним из основоположников НОП (Национальной объединенная партия), а руководитель Хельсинской группы Эдик Арутюнян, наряду с правозащитной деятельностью, поднимал и Карабахский вопрос, даже в самом тексте заявления об образовании Хельсинской группы Армении (апрель 1977 г.) упоминалось о территориальных проблемах. Члены украинской Хельсинской группы так же параллельно поднимали вопрос о необходимости независимости Украины. Литовская диссидентка Ядвига Беляускене в 1983 году была осуждена одновременно и за правозащитную, и за национальную, и за религиозную деятельность.

Московские диссиденты были несколько иными. У них не было острых национальных вопросов и не было необходимости поднимать тему независимости. В отличие от диссидентов, действующих на территории национальных республик, многие из них осуществляли свою деятельность относительно открыто, во многих случаях и вовсе разворачивали публичную деятельность, которая включала в себя защиту прав человека и публикации информации. Относительно публичной была и деятельность представителей хельсинских групп, действующих в национальных республиках. Они подписывались под заявлениями и документами. Но не все могли предавать огласке свою деятельность. Диссиденты, которые были заняты сбором, публикацией и распространением информации - занимались издательством, так или иначе, были вынуждены действовать в режиме конспирации. В противном случае, у них бы ничего не вышло.

Важнейшей и независимой частью советского диссидентского сообщества являлось еврейское движение. Эти люди боролись за право своих соотечественников вернуться на историческую родину. Естественно, поднимая такой вопрос, это движение существенным образом отличалось от всех остальных существующих в СССР диссидентских движений. Но решая свою проблему, еврейские диссиденты тесно взаимодействовали с другими диссидентами, и тем самым придавали особое качество диссидентству в целом. В моем случае роль и поддержка еврейских

диссидентов была огромной. Находясь на зоне, а затем - в ссылке, я постоянно чувствовал их поддержку. Они писали мне письма, всячески содействовали тому, чтобы мои послания доходили до места назначения и были преданы огласке, оказывали мне поддержку и помощь. Для сравнения следует отметить, что из Армении мне в то время никто, кроме членов моей семьи, не писал. Могу с уверенностью утверждать, что я далеко не единственный диссидент нееврейского происхождения, который чувствовал и получал исключительно бескорыстную и братскую поддержку еврейских диссидентов.

По своей сути с еврейским диссидентским движением, пожалуй, можно сравнить движение крымских татар. Их борьба так же заключалась в возвращении на Родину - на Крымский полуостров, и восстановлении своих прав. Борьба, которая началась после смерти Сталина и продлилась до горбачевских времен. История борьбы крымских татар полнится драматическими событиями и самопожертвованием. К сожалению, и сегодня российская агрессия вынуждает татар покинуть свою родину.

Словом, в идеологическом плане, различия между диссидентскими движениями в разных советских республиках, были несущественными, за исключением отсутствия национальной окраски у московского диссидентства и особенностей еврейского и татарского движений. Однако были огромные различия в плане возможностей.

В первую очередь следует отметить связь с внешним миром и поддержка свободного мирового сообщества. Это обстоятельство имело жизненно важное значение в условиях замкнутой советской системы, именуемой «железным занавесом».

Москвичи находились в непрерывной связи с иностранными журналистами. Им было намного проще - все иностранные посольства находились в Москве, а посольства имели своих аккредитованных корреспондентов. Это, конечно, давало возможность московским диссидентам быть услышанными, доводить до международного сообщества сведения о репрессиях, о возбуждаемых уголовных делах, подробно рассказывать о своей деятельности. Мы же - армяне, и представители других республик, были лишены такого непосредственного контакта с внешним миром. Например, московский диссидент Александр Подрабинек в своих мемуарах рассказывает о том, как после допроса в КГБ в качестве свидетеля по делу Юрия Орлова он спешил домой к генералу Григоренко, где его ожидали собравшиеся там иностранные репортеры, которым он должен был сообщить сведения о ходе следствия, но для диссидента советской Армении это было совершенно невозможным, невообразимым явлением. Таких воспоминаний - в письменной либо устной форме - у московских диссидентов предостаточно. Огласка и непрерывное привлечение внимания с помощью различных радиостанций и иностранных газет к их деятельности чрезвычайно воодушевляли диссидентов и вселяли чувство относительной защищенности. Порой их начинал остерегаться КГБ. Ибо благодаря огласке и поднявшейся шумихе, эти люди становились узнаваемыми

во всем мире, и советским властям приходилось то и дело отвечать на неприятные вопросы, которые касались судеб этих людей, в различных международных инстанциях.

Еврейское движение, естественно, пользовалось колоссальной поддержкой Израиля и еврейских общин в Европе и США. Примерно такой же поддержкой пользовались прибалтийские диссиденты. У них была мощная защита диаспоры. Диаспора занималась оглашением их имен и деятельности, а также их защитой в международных организациях. Не менее мощной международной поддержкой пользовались и украинцы.

Нам же - армянам, в этом плане особо гордиться было нечем. Если удавалось довести сведения до московского самиздатского информационного бюллетеня «Хроника текущих событий», то, они непременно публиковали информацию об армянских диссидентах, и всячески нас поддерживали, за что мы безмерно благодарны издателям. Что же касается армянской диаспоры, то увы, в этом плане нам остается лишь стыдиться. Во время предварительного следствия и в особенности - во время судебных процессов, мы, армянские диссиденты, всячески расхваливали нашу диаспору, не имея представления об истинном лице партии Дашнакцутюн, расхваливали дашнаков, называли эту партию единственной национальной партией, возлагали на нее все наши надежды, а они и вовсе не планировали, и не желали заниматься поддержкой диссидентского движения в Армении. Например, меня, кроме всего прочего, обвинили в создании и распространении стихов, посвященных дашнакам. Марзпет Арутюнян в зале суда объявил, что «Дашнакцутюн - является сверкающий бриллиантом, который озаряет своими лучами Армению». Позже часть его выступления была опубликована в упомянутой «Хронике» и зарубежной прессе. Сообщая в ту же «Хронику» о ходе нашего судебного разбирательства, Шаген Арутюнян, проигнорировав гораздо более значимые эпизоды, сфокусировал внимание на наших заявлениях по поводу Дашнакцутюн, поскольку он так же, как и все мы, в этом вопросе тогда заблуждался. С восхваляющими Дашнакцутюн репликами выступали в зале суда и Самвел, и Ишхан, и я. Гораздо позже не только мы, но и все армянские диссиденты в целом, поняли, что не существует ни воображаемой нами Дашнакцутюн, ни воображаемой нами Диаспоры. Совсем другие были у них приоритеты.

Если армянским диссидентам удавалось различными окольными путями переправить информацию о преследованиях и судебных процессах в Москву, то эти сведения получали огласку, становились достоянием международной общественности, именно благодаря усилиям московских диссидентов. Они и являлись нашими реальными соратниками. Именно они обнародовали происходящие в Армении события, именно с их помощью до международной общественности доходили сведения о текущих судебных процессах над армянскими диссидентами, и сведения об армянских политических заключенных, отбывающих свои сроки на зонах. Именно поэтому, армянский КГБ в 1976–1977 г. задался целью ослабить роль московских диссидентов в событиях, развивающихся в Армении,

разорвать связь между армянским диссидентским движением и московскими диссидентскими кругами и изолировать армянских диссидентов от советского диссидентства в целом. Эту цель армянский КГБ намеревался реализовать с помощью внедренных в армянское диссидентское сообщество агентов. Согласно плану, следовало ввести в заблуждение ряд видных армянских диссидентов и, тем самым, вынудить их подписать два заявления. Одно заявление было адресовано Андрею Сахарову, а второе - предназначалось радиостанции «Голос Америки». Текст обращения к Сахарову выглядел следующим образом:

«Гражданину Сахарову

Мы заявляем о том, что считаем недопустимым использование в различных политических целях факта о наличии заключенных, которые были осуждены на национальной почве в Армении, и требуем немедленно прекратить использовать вышеупомянутый факт. Заявление подтверждаем...»

Текст, предназначенный «Голосу Америки», выглядел следующим образом:

«Радиостанции «Голос Америки»

Просим Вас посредством Вашей радиостанции сообщить заинтересованным кругам, что мы требуем не использовать факт наличия в Армении осужденных на национальной почве заключенных в различных политических целях. Это право мы оставляем за армянским народом. Заявления подтверждаем...»

Однако их план провалился. Как бы ни старались чекистские агенты проявлять активность, насколько бы надежно они ни были внедрены, у них ничего не вышло. Армянские политзаключенные в подавляющем большинстве наотрез отказались подписываться под этими заявлениями, а те немногие диссиденты, которых удалось ввести в заблуждение, в дальнейшем, разобравшись в сути дела, отказались от своих подписей.

Судебный процесс

В отличие от скучного и искусственно раздутого предварительного следствия наш судебный процесс был невероятно захватывающим. В изоляторе мне исполнилось 20 лет, и я был несказанно рад этому. Моя радость в этой связи весьма развеселила сокамерника, который был лет на десять старше меня.

- Одно дело, когда тебя спрашивают о возрасте, и ты называешь какие-то цифры из первого десятка - 16, 17, 18 лет, и к тебе относятся как к несовершеннолетнему, желторотому юнцу, и совсем другое, - когда тебе уже перевалило за вторую десятку. О тебе судят уже как о взрослом и самостоятельном человеке, - пытался объяснить я причину своей радости.

В суд нас привезли вместе. Мы были чрезвычайно рады видеть друг друга. Будто нас ждал не суд, а увлекательная прогулка. Судить нас собирались в так называемом Верховном суде. Марзпет отпустил бороду, которая несколько изменила его облик и придала ему чрезвычайную серьезность.

Зал заседаний был довольно просторный. В нем было два ряда скамеек. Несколько скамеек в первом ряду были отделены. Во втором ряду должны были сидеть пришедшие в зал суда люди, так называемый, народ. Под народом подразумевались наши родители. Только строго ограниченное число людей имели доступ к «открытому» судебному заседанию. Весь первый ряд был уже занят. Там сидели совершенно незнакомые нам люди. Это были чекисты и сотрудники соответствующих структур.

Нас пятерых - меня, Ишхана Мкртчяна, Самвела Егиазаряна, Марзпета Арутюняна и Оганеса Агабабяна посадили на скамью во втором ряду возле окон. К нам был приставлен военный конвой, а на скамье, находящейся перед нами, сидели 3–4 сотрудника милиции вместе со своим командиром. Прямо под окнами - напротив нас сидел прокурор Папин Тохьян.

Началось заседание суда. В зале находились родственники моих друзей. По два-три человека из каждой семьи. Не больше. Не было только моих родных. По какой-то причине о дате заседания им не сообщили. Марзпет прервал судью.

- Пока в зале заседания отсутствуют родственники Вардана Арутюняна, мы не будем участвовать в заседании и немедленно покидаем зал суда.

Он сказал это и двинулся вперед. Встали и мы - все, кроме Овика. Милиционеры и военнослужащие засуетились. Назревал серьезный инцидент. Напряженность сгладил судья. Объявил, что сейчас же распорядится вызвать моих родственников. До сих пор - а ведь прошло чудовищно много времени - я думаю, что, быть может, было бы намного лучше, если бы мои родные не присутствовали на этом процессе.

Просто знали бы, о том, что был суд и приговор, вот и все. Очень тяжело было мне от их присутствия. Чекисты их обманули, убедив в том, что если я объявлю о своем раскаянье в зале суда, то меня не осудят. Наивные мои родители поверили им, и в течение всего судебного процесса, который длился несколько дней, оказывали на меня сильнейшее психологическое и моральное давление. Непрерывные рыдания моей матери и упрасивания отца на всю жизнь врезались мне в память.

До нашего процесса в Армении проводились многочисленные политические судебные расследования. Конкретно вот этот судья - Сурен Даниелян, судил многих. Все эти судебные процессы проходили не без эксцессов. Паруйр Айриkyан, например, потребовал, чтобы из зала суда был вынесен портрет Ленина, заявив, что тот является преступником, Ашот Навасардян потребовал вывести из зала собственного деда, который постоянно делал замечания внуку. Чрезвычайно смело вела себя Анаит Карапетян, причем не только во время судебного заседания по собственному делу, но и в 1974 году во время других судебных процессов, в которых она выступала в качестве свидетеля. Во время судебного процесса по делу Баграта Шахвердяна она жестко поставила на место прокурора, который пытался ее оскорбить, а во время суда по делу Паруйра Айриkyана она высмеяла суд, заявив:

- Я безмерно благодарна вам за то, что вы предоставили мне счастливую возможность познакомиться с таким достойным сыном армянского народа.

Однако, как правило, судебные процессы проходили гладко. Политзаключённые пытались использовать суд в качестве площадки, на которой они озвучивали свои воззрения, вступали в академические диспуты, пытались доказать справедливость своих действий, поместить их в рамки законов и конституции СССР. Было много обвиняемых, которые заявляли, что их действия не были направлены против советского строя и не преследовали цель разложения советского государства. Такой позиции придерживались не только многие из осужденных в 1960-х, но и осужденные в 1970-х и последующих годах. С подобными заявлениями выступали даже некоторые из тех диссидентов, основной целью которых была независимость Армении. Но в нашем случае было все иначе. Мы прямо заявляли, что являемся антисоветскими и антикоммунистическими деятелями, что наши действия направлены на разложение режима и развал СССР, в результате чего Армения станет независимой республикой, в которой коммунистическая партия будет запрещена, а коммунистическая идеология будет вне закона.

Нам предоставили адвокатов. Помню, что моим адвокатом должна была стать женщина солидного возраста. Но мы отказались от адвокатов, и они молча вышли так же, как и вошли. Судья начал по очереди спрашивать нас, признаем ли мы нашу вину и раскаиваемся ли в содеянном. Из нас один лишь Овик признал свою вину и раскаялся. Мы соблюдали все формальности. Не исключали, что, встретившись в зале суда с нами лицом к лицу, Овик передумает и изменит свою позицию. То есть,

мы вполне допускали, что он опомнится и попытается исправить свою ошибку. Ведь все, что произошло во время предварительного следствия осталось в прошлом. Начинался новый этап и Овику предоставлялась еще одна возможность. Во всяком случае, мы были готовы помочь ему воспользоваться этим шансом. Но своим заявлением Овик окончательно дал нам понять, что все уже необратимым образом решено, и нет пути назад. Теперь уже мы имели право принять свое решение и обнародовать его. Мы заявили, что временно не можем участвовать в заседании, поскольку в настоящий момент наша организация проводит совещание, и принялись активно переговариваться друг с другом. Судья потребовал, чтобы мы немедленно прекратили и не мешали суду.

- Это вы нам мешаете, наше совещание важнее для нас, чем ваш суд, - ответили мы.

Растерянный судья не понимал, что же ему делать. Нет, он, конечно, получил все необходимые указания от чекистов по поводу своего поведения в ходе судебного расследования дела, но такая наша обескураживающая самодеятельность застала его врасплох.

Через некоторое время мы объявили:

- Совещание организации решило исключить Оганеса Агабабяна из рядов организации. Поскольку он больше не является членом «Союза армянской молодежи», он не может находиться с нами в одном ряду. Если вы желаете, чтобы мы присутствовали в зале суда и принимали участие в этом судебном процессе, то вам придется отделить его от нас.

Мы вновь встали. И вновь засуетились милиционеры и конвоиры. Видимо, сидящие в первом ряду чекисты дали понять судье, что Овика можно пересадить. Когда тишина в зале восстановилась, он предложил Овику встать, выйти из нашего ряда и пересесть на заднюю скамью. Это был первый день судебного процесса. Судья, прокурор и чекисты, контролирующие процесс, вероятно, уже поняли, что суд без эксцессов не пройдет. Процесс по нашему делу начался 26 марта, а завершился 9 апреля. В промежутке были дни, когда заседаний не было. Мы превратили наше судебное расследование, которое длилось несколько дней, в шоу и игру. И в этой игре мы были ведущими. Каждую минуту могло произойти что-то неожиданное. Словесная перестрелка с прокурором, приправленная оскорблениями личного характера, давление на свидетелей стороны обвинения, колкости и издевки в их адрес. Наши друзья, выступающие в качестве свидетелей, конфузились и волновались во время дачи показаний. И это было понятно - нас судят, а они вынуждены давать показания. Мы же, находясь на скамье подсудимых, подбадривали их:

- Нет никаких проблем, не волнуйся, рассказывай!

Никакие показания, какой бы стороной они ни озвучивались, не являлись для нас проблемой. Мы лишь отвергли обвинение в попытке приобретения оружия.

Когда же для дачи свидетельских показаний в зал суда вызвали Смбата, мы еще не решили, что надо делать и как себя вести. Не было у нас на этот случай заранее подготовленного плана. Мы и не обсуждали этот момент. Смбат вошел в зал заседаний суда и подошел к кафедре ответчика. Мы тоже давали показания, стоя у этой кафедры. Смбат начал говорить. По сути, он должен был сказать то же самое, что и остальные свидетели. Но для нас он уже был не простым свидетелем, а агентом КГБ, по вине которого были раскрыты две подпольные организации - наша и студенческий кружок пединститута. Будто сговорившись, мы принялись хором шуметь и всячески мешать ему. Он в растерянности обернулся к нам.

- Спокойно, не обращай на них внимание, продолжай давать свои показания, - ободряющим тоном велел ему судья.

Смбат попытался продолжить.

- У-у-у-у-у! - еще громче загудели мы вчетвером.

Я уж не говорю об издевательских, оскорбительных репликах и угрозах, которые мы то и дело выкрикивали с места в его адрес. Видимо, мы обошлись с ним слишком сурово. Смбат не выдержал. Он еле держался на ногах, обеими руками вцепился в бортики кафедры, чтобы не плюхнуться на пол. В какое-то мгновение он оглянулся вновь, ноги его подкосились и, потеряв равновесие, он стал сползать на пол. К нему подбежал сидящий в первом ряду чекист и, поддерживая, вывел из зала. По всей видимости, остальные свидетели, ожидающие своей очереди в коридоре, увидев состояние Смбата, не на шутку испугались. Потому что, вошедший после него в зал судебных заседаний Сурик Акопян, который являлся близким другом и, кажется, родственником Смбата (и был членом созданной Смбатов организации - Армянского национального союза, и часто общался с нами), был чрезвычайно взволнован. Он смотрел на нас одновременно и с ужасом, и мольбой.

- Спокойно, Сурик, не бойся! С тобой нет никаких проблем, можешь спокойно все рассказывать, - успокоили мы его.

Настал черед Ишхана давать показания, и он вышел к кафедре. Совершенно неожиданно для всех - в том числе и для нас, он повернул кафедру на 180 градусов, и встав спиной к судье, объявил, что будет давать показания только в таком положении.

- Я не уважаю этот суд, а в зале заседаний сидят мои родители и родители моих друзей, которых я уважаю. Если желаете услышать мои показания, то вот - мое условие.

После довольно длительных препирательств, он согласился выступать, стоя вполоборота к судье.

В дни проведения судебных заседаний возле здания суда собиралось немалое количество людей. Кроме наших родственников и друзей, там собирались также наши единомышленники и бывшие политзаключенные. Приходили туда и осужденные в 1969 году по делу группы «Во имя отечества» - Ширак Гюнашян (был вновь осужден в 1982 году), Саргис Торосян, Геворг Экимян. Каждый раз, когда после очередного заседания нас выводили из здания суда, чтобы отвезти в изолятор, то на улице поднимался переполох. Мы радостно приветствовали собравшуюся публику, а усевшись в автозак, начинали распевать патриотические песни. Шум не стихал до тех пор, пока машина не трогалась с места.

30 марта 1981 года - через два месяца после вступления на должность президента США, в Вашингтоне при выходе из гостиницы «Хилтон» произошло покушение на жизнь Рональда Рейгана. Во время предвыборной кампании он часто говорил о противоборстве с СССР и о необходимости борьбы против Советского Союза. Через два года - в 1983 году, он назвал СССР «Империей зла». Я считаю, что за последнее столетие Рейган был одним из самых успешных президентов США, величайшие достижения которого, - падение Берлинской стены и развал СССР, ликвидация Варшавского договора и, наконец, образование нового мира, его приемники - последующие президенты США, не до конца понимая и неверно оценивая исторический момент, разбазарили. В результате мы сегодня имеем не менее опасную и не менее непредсказуемую Россию, которая сохранила большинство советских пороков и явно претендует на роль СССР.

Через день после этого покушения состоялось наше очередное судебное заседание. Как только начался процесс, мы вновь были заняты своим делом. Требования судьи не мешать, игнорировали. Судья тщетно пытался утихомирить нас. По предложению Марзпета в камере изоляторе я составлял короткий текст телеграммы - соболезнования американскому народу и мои друзья сейчас знакомились с этим текстом. Текст телеграммы получился довольно славным и заканчивался примерно следующим образом: «Союз армянской молодежи выражает надежду, что президент Рональд Рейган восстановится в самом скором времени, и мы продолжим прилагать совместные усилия в борьбе со злом, именуемом СССР».

Самвел Егиазарян встал и прервал судью.

- Мы хотим сделать заявление, - сказал он и начал зачитывать составленный мною текст.

Когда Самвел закончил, ошарашенный судья спросил:

- И что же мне теперь делать?

А Самвел ему - в ответ:

- Ничего. Вот возьми и пришей к делу.

И вручил судье бумагу с текстом.

Незадолго до нашего судебного процесса из зоны был освобожден брат Марзпета, Шаген Арутюнян. Он приходил на каждое заседание суда и садился в последнем ряду. Именно он передавал сведения о нашем судебном разбирательстве в Москву. Видимо, для того чтобы не забыть самые важные эпизоды, Шаген иногда что-то записывал. Я это хорошо помню, поскольку однажды, прежде чем объявить о начале очередного заседания, судья заявил:

- Во время предыдущего заседания суда я заметил, как кое-кто, сидя в последнем ряду, что-то записывал. Я предупреждаю, что в следующий раз я выгоню этого человека из зала.

Безусловно, было очень здорово, что у нас был Шаген, которому удавалось передавать информацию о нашем судебном процессе, и что эти сообщения публиковались в «Хронике» и в прессе свободного мира. Но, в дальнейшем, когда мне представилась возможность прочитать эти сводки, я испытал некоторое чувство разочарования. Сообщая сведения о нашем процессе, Шаген проявлял весьма избирательный и не беспристрастный подход. В основном Шаген цитировал отрывки из выступлений своего брата - Марзпета, пропустив выступления остальных участников процесса, и, пожалуй, выбирал лишь те эпизоды процесса, которые сам считал важными. Наш товарищ осуществлял своеобразную цензуру и проявил селективный подход. Например, весьма подробно была передана информация о том, как Марзпет расхваливал и сравнивал с бриллиантом Дашнакцутюн в зале суда, но такой важный эпизод, как наша телеграмма - обращение к американскому народу, заняла совсем незначительное место в сводке новостей. В 62-м выпуске «Хроники» от 14 июля (т.е. через 4 месяца после завершения судебного процесса) была опубликована заметка о нашем судебном процессе, в которой вскользь упоминается и о нашей телеграмме: «В последний день подсудимые потребовали послать от их имени телеграмму президенту США Р. Рейгану «с пожеланиями скорейшего выздоровления и выражением надежды, что он останется верным своим обещаниям»». Наше столь красиво сформулированное послание превратилось в унылую тривиальную прозу. Но и этого могло не быть. Так что, несмотря на все претензии, мы должны быть только благодарны Шагену.

Мы условились не выступать с последним словом. Я заранее написал несколько страниц текста для своего последнего выступления в суде. Но поскольку мы с товарищами решили отказаться от этой возможности, то я порвал и выбросил этот текст. Когда во время следующего заседания, судья предложил нам выступить с последним словом, поднялся Марзпет и сделал заявление. Прежде всего мы считали

необходимым сообщить, констатировать для истории, что «Союз армянской молодежи», фактически, является структурой Национальной Объединённой партии (НОП). Об этом не говорилось в течение всего следствия, в ходе допросов и показаний. Об этом следовало объявить именно во время суда и во всеуслышание, что и было сделано. Судья от неожиданности задал совершенно нелепый вопрос:

- А кто является лидером вашей партии? Ашот Навасардян?

Ашот Навасардян и Азат Аршакян, как я уже писал, в очередной раз были арестованы, Ашот - в третий, а Азат - во второй раз, и ждали нового приговора.

Следующее заявление Марзпета касалось предстоящего нам этапа.

- Мы знаем о том, что Комитет государственной безопасности организывает различные провокации против политических заключенных. Сегодня, здесь – находясь в этом зале вашего суда, мы заявляем: если на этапе с нами что-то случится, то всю ответственность за это будет нести КГБ.

Никто из нас в тот день не знал, что именно нас ждет на этапе...

А по поводу последнего слова Марзпет добавил:

- В советское правосудие могут верить только коммунисты и психически больные люди, мы же не являемся ни коммунистами, ни психически больными. Нам нечего сказать вашему суду.

Нашу договоренность нарушил лишь Ишхан заявив, что желает высказать пару слов, и выступил с краткой речью - в одну или полторы страницы. В своей речи он раскритиковал советскую власть, а завершал ее словами «... и если моему языку суждено умереть завтра, то я готов умереть сегодня». Всех нас, включая Овика, приговорили к довольно жестким мерам наказания. Марзпет и Ишхан получили максимальные сроки, предусмотренные статьей, - 7 лет колонии и 5 лет ссылки. Я несмотря на то, что, повторю, находился за пределами Армении и не участвовал в деятельности нашей группы, получил 5 лет лагерей и 3 года ссылки. Самвел был приговорен к 4 годам лишения свободы. Три года лагерей получил Овик. Мы были готовы к любым мерам и срокам, и приговор, который был зачитан в зале суда, никоим образом нас не озадачил. А вот Овика, я думаю, сильно подвели. Вероятно, ему обещали гораздо менее суровое наказание.

С первых чисел мая мы уже находились в ереванской тюрьме - возле цирка. Нас было четверо - я, Самвел Егиазарян, Ишхан Мкртчян и Марзпет Арутюнян. Овик находился в другой камере - с Александром Манучаряном, которого осудили параллельно с нами. Согласно плану чекистов, якобы во избежание попыток отмщения, Овик должен был быть изолирован от нас. Его намеривались доставить в Мордовию, а нас - в Пермь. Этапом, нас - через Тбилиси, Овика - через Баку. Но, как

это часто случалось, план чекистов не сработал. На этапе в одной из подвальных камер ростовской тюрьмы мы с Самвелом встретили Овика. Он, разумеется, был крайне напряжен. Такая встреча в окружении 40–50 уголовников не сулила ничего хорошего. Но мы бы просто предали бы сами себя, если бы решили свести с ним счеты. Так что, пережив день в тревожном ожидании, Овик подошел к нам сам. Мы спокойно побеседовали. Я помню этот наш разговор во всех деталях. Он был подавлен и чувствовал себя обманутым. Через некоторое время его увезли.

В грязную камеру ереванской тюрьмы, с выбитыми стеклами окном, мы вошли по очереди. Наши баулы у нас забрали. Они должны были храниться на складе до самого нашего этапа. Нам разрешалось при себе иметь лишь сигареты и кое-какие средства гигиены. Получилось так, что меня обыскали первым и я первым вошел в камеру. Это была четырёхместная камера с двухъярусными кроватями. Я повесил свое полотенце на одну из верхних кроватей, а мыло и зубную щетку в футляре положил возле раковины. Следом в камеру вошли Самвел и Марзпет, затем - Ишхан. Войдя в камеру, Ишхан сразу метнулся к раковине, схватил мой футляр с зубной щеткой и со словами:

- Кто это тут оставил?! - швырнул в зияющее окно.

Все это произошло неожиданно и быстро, а бросок Ишхана оказался настолько метким, что моя зубная щетка спокойно вылетела наружу сквозь маленькую ячейку двойной решетки на окне, не задев брусьев. Я оторопел.

- Что ты наделал, Ишхан! Она была моей и единственной! - в отчаянии воскликнул я.

Большого злодеяния, чем лишить человека, находящегося в тюремных условиях, столь важного атрибута гигиены, как зубная щетка, представить себе было сложно. Сообразив, что наделал, бедный Ишхан замер, понутив голову. Сказал, что в рюкзаке, который находится на складе, у него есть совершенно новая зубная щетка, и начал барабанить в дверь камеры. Подошедшему к двери надзирателю он сказал, что забыл забрать щетку из вещмешка. Только вечером следующего дня Ишхана сопроводили на склад, откуда он и принес для меня новую зубную щетку в своем же футляре. Этим футляром я пользовался до самого конца моего срока.

Камера была очень грязной и кишела разнокалиберными тараканами и совершенно ненасытными клопами, но вопреки этому дни наши проходили невероятно весело. Мы были вместе и это воодушевляло нас. Мы с Самвелом сочиняли стихи на различную тематику, а Марзпет и Ишхан были нашими критиками. Помню, как однажды поздним вечером, во время одного из таких «разборов» наших с Самвелом сочинений, я заснул, и до того глубоко, что меня не разбудили ни хохот, ни громкие голоса моих товарищей. Проснулся лишь на рассвете. А они все еще беседовали и смеялись. «Ты заснул, - говорили они, - чтобы не слышать, как мы расхваливаем

стихотворение Самвела». А еще мы пели песни. Никогда я не был силен в пении. Если на свете существует десять человек, которые напрочь лишены музыкального слуха, то я непременно являюсь одним из них. Но и я принимал участие и в этом мероприятии. Марзпет говорил: «Какую бы песню Вардан ни пел, у него все равно получается на мотив «Зартнир Лао» («Проснись, сынок» колыбельная наоборот, где поющая мать призывает сына не спать, а проснуться и защищаться, написана в 1890-их годах).

Весь май месяц мы провели в этой тюрьме. В день провозглашения Первой республики - 28 мая, мы решили, что такую дату следует непременно отметить. Поздним вечером мы наполнили наши измятые алюминиевые кружки водой и Марзпет - наш старший товарищ, произнес тост. Сегодня я уже смутно помню его речь, но говорил он, главным образом, о необходимости независимости, о том, что мы избрали верный путь, а еще - о том, что Советский Союз непременно падет.

-Вот увидите, - говорил он, - не успеем мы отсидеть наши сроки до конца, потому что Союз столько не протянет.

На дворе был 1981 год и мало кто во всем мире мог с такой уверенностью взять и заявить, что менее чем через 10 лет падет столь могущественная страна, коей являлся Советский Союз. Мы подняли свои условные «рюмки» и выпили свою условную «водку». И в это самое мгновение, будто в унисон с нашим мероприятием, с улицы раздались вдруг залпы салюта. Знающим людям напомню, а очень молодым, - не имеющим представление о нравах и порядках советской страны, - сообщу, что в те годы салюты разрешались и организовывались исключительно властями, то есть - организовывались они только в определенных местах и только - по поводу официальных советских праздников, и никто не мог устраивать фейерверки под окнами мирно спящих граждан по собственному желанию - в честь собственного дня рождения или дня рождения тещи, к примеру, как это делается сегодня повсеместно. Нам же оставалось лишь веселиться и всю ночь живо придумывать версии - с чего это советская власть вдруг решила ознаменовать тост Марзпета салютом. О причине салюта не знал и надзиратель, который подошел из-за шума к двери нашей камеры, чтобы утихомирить нас. И лишь утром один из офицеров тюремного начальства с наигранной серьезностью сообщил нам - подлежащему расстрелу антисоветским отщепенцам, о том, что накануне праздновался День советского пограничника.

Мой отец

Во время моего пребывания в ереванской тюрьме моему отцу удалось договориться по поводу свидания со мной. В тюрьму он пришел с моей сестрой, но в последний момент сестру, почему-то, не пропустили. Свидания предоставляются заключенным законом. Зеки, отбывающие наказание в тюрьмах строго режима, - а мы были приговорены именно к такому режиму содержания, - имели право на одно длительное (до 3-х дней) свидание в год и на одно краткосрочное (1-3 часа) в полгода раз. У меня никогда не было свиданий. По причине моего поведения на зоне меня постоянно лишали этой возможности, и на протяжении всего пребывания на зоне я ни разу не виделся со своими родными. Это было мое первое и последнее свидание. К нашей двери подошел надзиратель и велел мне готовиться к свиданию. Я вовсе не удивился, ибо знал, что пока я нахожусь в Ереване, мой отец обязательно найдет способ увидеться со мной. Я прекрасно понимал, какую боль и какое горе я причинил своим родителям, но ничего не мог поделать с этим. Мало кто в то время мог понять смысл и суть той дороги, которую я избрал. Не понимали меня и родители. Для них было невероятно тяжело мой арест, а затем и мое осуждение. Мой отец был гордым и честным крестьянином. Он и представить себе не мог, что его сын, его первенец обречет его на такие испытания. Чекисты заверили его в том, что одного лишь моего слова о раскаянье будет достаточно для того, чтобы я был освобожден и возвращен на службу в армию. Они убедили моего отца в том, что на меня следует оказывать давление, убедить, и, поверив им, мой прямодушный отец вместе с моей матерью, оказывали на меня невероятное давление в ходе всего судебного процесса. Во время одного из перерывов во время суда чекисты даже сами привели моего отца ко мне. Отец продолжал настаивать на том, чтобы я выступил с раскаяньем и добился, тем самым, освобождения. Я говорил ему, что раскаиваться не собираюсь, объяснял, что все эти обещания по поводу моего освобождения является ложным, пытался объяснить, что его обманывают, но мой отец был склонен верить больше им, чем мне. Конечно, я испытывал необычайное чувство вины. И это чувство не покидает меня до сих пор. Но я ничего не мог изменить. Мой отец умер в 1986 году - за два года до моего освобождения. Весть о его смерти дошла до меня лишь через два года. Почему-то мои родственники решили, что так будет правильно и лучше для всех. На протяжении всего срока заключения я постоянно думал о том, что однажды мне непременно удастся откровенно поговорить с отцом и непременно представится мне возможность все объяснить ему. Однако такую возможность мне так и не предоставилась.

Свидание было общим. Это означает, что свидание проводилось в большом зале, который разделен на две части с помощью решетки. По одну сторону решетки находятся зеки, по другую - люди, пришедшие их навестить, и все переговариваются, перекрикиваются и мешают друг другу. Минут через пять в

камеру вошел надзиратель и сообщил, что он открывает дверь и мы можем подойти к нашим посетителям. Я очень обрадовался. Подошел к отцу, и мы обнялись. Он был намного спокойнее. Не было той напряженности, которая так расстраивала меня во время нашего судебного процесса. На протяжении всего свидания он не отпускал мои руки, крепко сжимая их в своих ладонях. Минут через 30–40 надзиратель объявил о завершении свидания.

- Иди спокойно, тебя ждет Нарине (моя сестра), иди и не волнуйся ни о чем, - сказал я.

Отец отпустил мою руку, полез в карман, вытащил оттуда немного денег, вложил несколько купюр в мою ладонь.

- Это деньги. Они тебе пригодятся, держи.

Я приподнял штанину брюк и спрятал деньги в носок.

Всех зеков, в том числе - меня, по завершению свидания вывели в отдельный коридор, и сопровождающий конвоир выкрикнул:

- Доитесь!

Я ничего не понял. Смотрел по сторонам и пытался понять, что происходит вокруг меня, что делают остальные зеки, чтобы сориентироваться самому. Один из зеков заявил:

- У меня ничего нет.

Разгневанный надзиратель заорал в ответ:

- Что ты сказал?! Обыскать?!

Из этого диалога мне стало понятно, что мне следует отдать деньги. Отец передал мне три пятирублевые купюры и одну - трехрублевую. Я быстро протянул надзирателю трехрублевку, а сам думаю, если посчитает, что это мало отберет все. Но он спокойно забрал (знал, какая бы сумма не находилась у меня, рано или поздно окажется у работников тюрьмы) и велел покинуть коридор. Там меня уже ждал надзиратель из нашего отсека. Всю сохранившуюся сумму мы потратили с друзьями в дороге к Тбилиси. Конвойный солдат даже принес нам вино, правда, до того отвратительное, что пили мы его с трудом.

Путешествия по тюрьмам: Этап

В первых числах июня наступило время отправляться нам по этапу на зону. Этап — это отдельная история в жизни любого заключенного, которая может сопровождаться разнообразными неприятностями и сложностями. Далее мною будет описан мой собственный этап и только случаи, которые произошли на этапе со мной. С другими людьми могли происходить совершенно другие и куда более страшные вещи. Я читал и слышал много ужасных историй. Осужденный в 1971 году по делу организации «Союз воссоединения Армении» политзек Юрий Будагян, когда я в 2013 г. записывал его для моей книги «Инакомыслие в Советской Армении», описал свой этап из Мордовии в Пермь следующим образом: «Этап оставил самые тяжелые воспоминания. Это было ужасно. Уголовники, антисанитария, насекомые. На зоне было намного легче. Там в основном содержались политзаключенные. Мы были в Мордовии. Между зеками и администрацией политической зоны за несколько десятилетий установились определенные взаимоотношения. Через некоторое время нас решили этапировать из Мордовии в Пермь. Этап был чудовищным. Он сопровождался невероятной дикостью. Это происходило летом, воды было мало, еды не было вовсе. В четырехместных купе вагонзак размещалось по 7–8 зеков, а сам вагонзак цепляли к поездам лишь по ночам. Днем наш вагон стоял под палящим солнцем. Переправляли нас лишь по ночам, цепляя вагонзак к поездам — таким образом, видимо, советская власть пыталась сохранить в тайне транспортировку заключенных. Когда мы добрались до пункта назначения, и нас стали выпускать из вагона, то выходя из него, мы просто падали ничком на обочину. Лежащие друг на друге люди не могли пошевеливаться от изнеможения. Один из зеков там же скончался. Несколько часов мы валялись на этой самой обочине. Потом стали потихоньку приходить в себя, и тогда только нас доставили в колонию».

Московский диссидент Александр Подрабинек в своей книге «Диссиденты» тоже описывает этот процесс. «Этап — это отдельная и самостоятельная часть тюремной жизни. Здесь пересекаются пути и смешиваются режимы. Здесь делятся впечатлениями и узнают новости. Здесь выставляют счета и сводят счета.

На этап безумно бояться попадать тем, у кого есть грешки перед тюремным сообществом: стукачи, лагерные суки, активисты секций внутреннего порядка, карточные должники, осужденные менты и коммунисты, растлители малолетних. Вообще тюремные правила таковы, что все зеки равны друг перед другом вне зависимости от совершенных ими преступлений. Но из этого правила есть исключение: насильники и растлители малолетних. Их опускают безжалостно и без разборок. Очень часто именно на пересылках.»

Для сравнения можно прочитать современных авторов, которые пишут о сегодняшней тюремной жизни и рассказывают об этапе сегодняшних дней. В этом случае пыливый читатель может убедиться в том, что за все эти годы, если и

произошли какие-то изменения, то они настолько незначительные, что не могут представлять собой повод для радости.

Этапом называется транспортировка зеков из одной зоны в другую, или транспортировка осужденных из следственного изолятора на зону. Русское слово «этап» образовалось от французского «étape», которое переводится как «шаг», «стадия», «пункт». В этом же значении - транспортировка зеков, слово «этап» используется и в армянском языке. Человек, проживающий в небольшой стране может не до конца вникнуть в суть такого явления как этап, ибо транспортировка заключенных из одной тюрьмы в другую в маленькой стране не занимает много времени и не подразумевает долгого пути следования. В Армении транспортировка заключенных может занять от силы 10–12 часов, а в случае слишком частых и длительных остановок, она максимум займет пару дней. А в России расстояния между зонами могут составлять несколько тысяч километров, и вот такие этапы тянутся бесконечно долго.

Этапы существовали издавна во многих крупных странах и империях. Англичане переправляли своих арестантов на кораблях в Австралию или другие колонии. Точно также - по морю, своих заключенных в колонии переправляли французы и испанцы. В России до появления железной дороги каторжники шли по этапу пешком на Восток. На дорогах, по которым осуществлялась пересылка пешим порядком, создавались этапы - стоянки, а расстояние между такими стоянками могло составлять 15–25 километров. На каждом таком этапе нанималось специальное здание, а если не были соответственные здания, то возводились временные жилище, с помещениями - отдельными для заключенных мужчин, женщин и конвоя. Фактически, этапом называлось место, специально обустроенное для кратковременной остановки и отдыха группы осужденных. С развитием сети железных дорог пешее этапирование прекратилось. Осужденных стали транспортировать на поездах, а функцию этапов-стоянок стали выполнять тюрьмы, находящиеся в близлежащих к этой железной дороге городах. Такие тюрьмы называются пересыльными или пересылками. Следует обратить внимание не только на огромные расстояния - такое путешествие может длиться несколько месяцев, - но и на то обстоятельство, кого именно транспортируют. А транспортируют преступников. Несложно себе представить, что может произойти в условиях совместного и достаточно длительного пребывания в закрытом помещении нескольких сотен преступников.

Этап - самое подходящее время и место для сведения счетов. На этапе могут кроваво завершаться и остаться незамеченным разногласия и конфликты, возникшие во время предварительного следствия или на зоне. Труп выносят на ближайшей станции, а убийца вместе с остальными зеками продолжит свой путь и исчезает, растворившись на какой-нибудь зоне, коих на бескрайних просторах России несколько сотен тысяч. Ни у кого нет ни времени, ни желания, ни настроения расследовать подобное преступление.

Многие в своих мемуарах упоминают этап, описывают суть этого процесса, сопутствующие трудности, дикости и эпизоды физического насилия. Нам больше знакомы российские авторы. Нет такого зека в России, в какие бы времена он ни жил, на которого бы этап не произвел тяжелейшего впечатления. Интересно описал французский этап в начале 20 века Анри Шарьер в своем романе «Мотылёк». Можно провести небольшое исследование и ознакомиться с тем, насколько все изменилось в этом плане со временем во Франции или в Англии. Но, увы - в России или у нас - в Армении, наверняка, ничего не изменилось.

В основном в пересылках (а в последнее время говорится и о следственных изоляторах) камеры перегружены, и на каждую кровать приходится больше одного зека. В обычных тюрьмах, в которых осужденные отбывают свои сроки, места в камерах распределены относительно равномерно, и не столь велика вероятность того, что кому-то из зеков не достанется, к примеру, кровать. Пересылки, как правило, отличаются исключительной неопрятностью и антисанитарией. Они также весьма часто отличаются частичным либо абсолютным отсутствием соблюдения каких-либо правил и порядка, что, естественно, дает представителям уголовного мира самые широкие возможности для сведения счетов.

Чем дольше длится этап, тем больше изматывается зек. Этап - это отсутствие элементарных санитарных и гигиенических норм, приобретение кожных и иных - самых разнообразных инфекционных заболеваний, это навязчивое присутствие больно жалящих, кусающих насекомых и грызунов, это отсутствие закона и порядка. Камеры в пересыльных тюрьмах бывают различных размеров, начиная с одиночных, и, заканчивая многоместными, в которых могут содержаться несколько десятков зеков.

Зеков транспортируют на поезде (или на другом виде транспорта) в пересылки, которые находятся в городах, или окрестностях тех городов, которые расположены на стыках железных дорог. В пересылке зек может находиться несколько дней, недель или месяцев - до тех пор, пока будет сформирован новый этап в подходящем направлении. Когда зека выведут из камеры одной тюрьмы и повезут в другую тюрьму, когда доставят, наконец, на зону, которая на несколько лет станет постоянным адресом его проживания, - зек не знает. Как и не знает он, куда его везут в данный момент и сколько продлится его путь. Обо всем этом ничего не знают и его близкие.

В Тбилиси

Осужденного параллельно с нами Александра Манучаряна включили в нашу группу и повезли из ереванской тюрьмы на железнодорожную станцию Давид Сасунский, оттуда на поезде - в тбилисскую пересылку, в которой нас, впрочем, продержали относительно недолго. Ничего серьезного или примечательно с нами там не произошло. В Тбилиси мы находились в одной большой камере с уголовниками, в которой невозможно было ни прилечь, ни присесть, ни как-либо еще отдохнуть.

Люди сидели на каменных или бетонных - уже смутно помню - парапетах вдоль стен, либо сидели прямо на полу. Эта камера являлась местом для временного пребывания. В какой-то момент нас вывели оттуда и посадили в автозак – «черный воронок».

Название «черный воронок» берет свое начало со времен сталинских репрессий. С 1938 года чекисты передвигались на известных нам по кинофильмам автомобилях ГАЗ-11-73 черного цвета. Эти машины выпускались в ограниченном количестве, были в основном черного цвета и в служебных целях предоставлялись чекистам. На этих автомобилях чекисты отправлялись за своими жертвами. В основном они делали это по ночам. В те годы на улицах было крайне мало машин, и шум проезжающего автомобиля, особенно, разумеется, по ночам, наводил на людей ужас. В свою очередь, ворон в сказках и легендах ассоциируется с мраком и силами зла. Таким вот образом автомобиль для перевозки зеков стал называться «черным воронком».

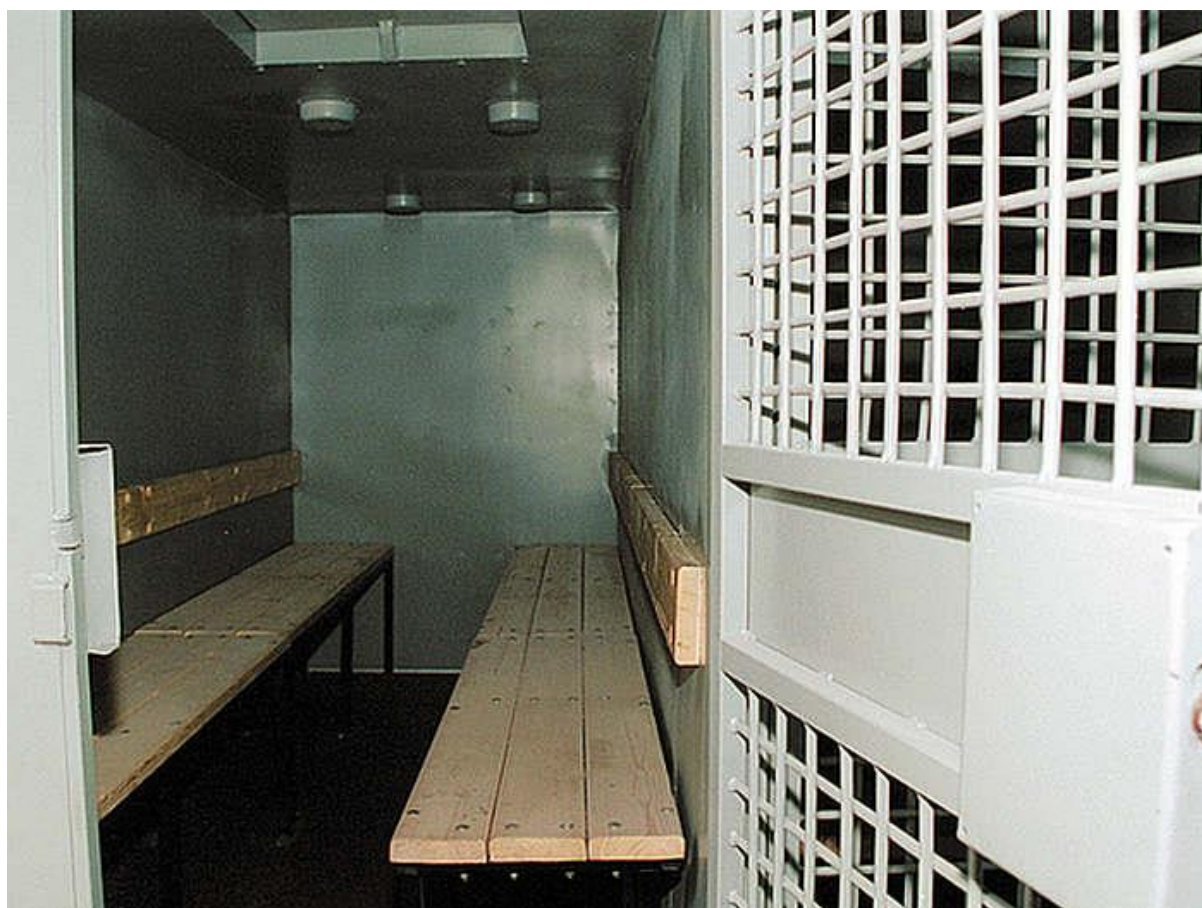

Черный воронок

В дальнейшем изменились и марка, и цвет, и сам внешний вид автозака, но название – «черный воронок», так и осталось, и используется по сей день. «Черные воронки» различных марок имеют разное распределение отсеков в кузове. Например, кузов трансформированного в «черный воронок» грузового автомобиля, может быть разделен с помощью железных дверей и решеток на четыре неравные части - маленький коридор, в котором располагаются сопровождающие конвоиры, относительно большую общую камеру, в которой помещается 10–15, а порой и больше зеков, и две равные по площади и чрезвычайно маленькие одиночные камеры.

Машина стояла. Ждали новых зеков. Через некоторое время привели троих. Это были особо опасные рецидивисты. Особо опасные рецидивисты, в отличие других зеков, носили полосатую робу, и отбывали наказание в колониях особого режима. К полосатой одежде в средневековой Европе относились с крайней неприязнью. Она считалась дьявольской. Был даже случай, когда в 1310 году во французском городе Руана казнили сапожника за то, что он носил полосатую одежду. Полосатую одежду носили изгои - отвергнутые обществом люди. По всей видимости, это средневековое суеверие и послужило тому, что в 19 веке впервые в США стали облачать узников в полосатые робы. Это американское нововведение вскоре переняли и в других странах, в том числе - в Европе и России.

Таков порядок: политических зеков либо следует содержать отдельно от уголовных, либо - если это невозможно, например - на этапе, поместить их в общее помещение с рецидивистами. Их было трое. Один из них был армянином, а двое - грузинами. Грузин Яша, разговаривал на авлабарском армянском диалекте, а также - на русском и азербайджанском языках. По его словам, все эти языки он выучил еще в раннем детстве, общаясь во дворе с разношерстной детворой. Он был серьезным

Общая камера в автомобиле для перевозки заключенных

авторитетом. Сев в машину, один из грузин немедленно вытащил из кармана коробок и, разделив содержимое на три равные части, протянул кусочки своим попутчикам. А те, взяв, отправили ее в рот и принялись сосредоточенно жевать. Это

был прессованный чай в виде плитки толщиной в около 3 сантиметра. В советское время встречался в продаже прессованный чай. Правда, редко, но все же был такой чай. Ошметки и порошок листового чая увлажняли, затем прессовали и сушили, а получившиеся плитки продавали.

Родственники грузин дошли до самой машины, окружили ее и настойчиво окликали их, но те невозмутимо продолжали заниматься серьезным делом разжевывания чая, и никак не реагировали - их рты были наполнены чаем и слюной. Специфика разжевывания такого чая заключается в том, чтобы как можно дольше не глотать образовавшуюся слюну. Она должна оставаться во рту и максимально долго растворять чай и смешиваться с ним. В результате достигается эффект, получаемый от потребления очень крепкой заварки (чифиря), и весьма бодрит разжевывающего. Таким способом пользуются в тех случаях, когда нет возможности заварить обычный чифирь. Машина, наконец, тронулась с места, и эти трое так и не отозвались на оклики своих родных.

Нас привезли на железнодорожную станцию и поместили в одно купе. Вскоре в наше же купе привели еще одного зека лет тридцати - тридцати пяти, к которому все присутствующие, в том числе и сам Яша, относились с крайним уважением. Этот зек был авторитетом посерьезней. Он был наполовину русский, наполовину грузин. В отличие от других зеков, которые имели множество разнообразных наколок, у этого - была одна единственная и сравнительно небольшая. На спине у него красовался прикованный к скале Прометей, а снизу гласила надпись: «Раб КПСС». Для молодежи поясию, на всякий случай, что КПСС - это Коммунистическая партия Советского Союза.

Вагон для перевозки осуждённых (вагонзак) снаружи выглядит как обычный вагон поезда. Его прикрепляют к общему составу поезда, который следует в том же направлении, и для обычного обывателя он почти неотличим от остальных вагонов. Но внутри вагонзак, конечно, существенным образом отличается. Вместо дверей там установлены решетки, а сидения и трёхъярусные полки - железные или деревянные.

Полки второго яруса соединяются и превращаются в своеобразный широкий помост, на котором можно поместить 3-4 человека. Таким образом, в одном купе свободно можно разместить 7-8 человек, но, если потребуется, то, разумеется, запикивают в купе столько человек, сколько только поместить.

Нас было девять человек в купе: я, Самвел Егиазарян, Ишхан Мкртчян, Александр Манучарян, Марзпет Арутюнян и четверо рецидивистов. В отличие от нас у рецидивистов вещей не было. Сразу после того, как тронулся наш поезд рецидивист-армянин попросил у Манучаряна пачку сигарет. Манучарян, разумеется, отдал. Спустя некоторое время он попросил дать ему еще одну пачку сигарет. Он делал это тайком, разговаривая шепотом, чтобы никто не заметил. Когда рецидивист в очередной раз попросил дать ему то ли третью, то ли уже четвертую пачку, то Манучарян рассвирепел, схватил лежащий возле ног свой баул и, со всей силой швырнув его прямо в физиономию наглеца, завопил по-русски:

- На, бери, сожри все и успокойся, наконец!

Все устали на Манучаряна. Авторитет-полугрузин спросил, что стряслось, и Манучарян все объяснил. Рассерженный вор потребовал, чтобы армянин-рецидивист немедленно вернул Манучаряну сигареты. Политзеки в уголовном мире пользуются уважением, и никакому зеку не разрешается притеснять их. Но бывают, конечно, и исключения. Этот закон действует до тех пор, покуда начальство или командование сопровождающего на этапе конвоя по неким причинам, либо по распоряжению, не решает наказать с помощью уголовников того или иного политзека. В таких случаях все законы и «понятия» уголовного мира временно отменяются. Эти же законы перестают действовать в том случае, если сам политзек как-то не хорошо себя проявит и не будет находится на высоте своего статуса.

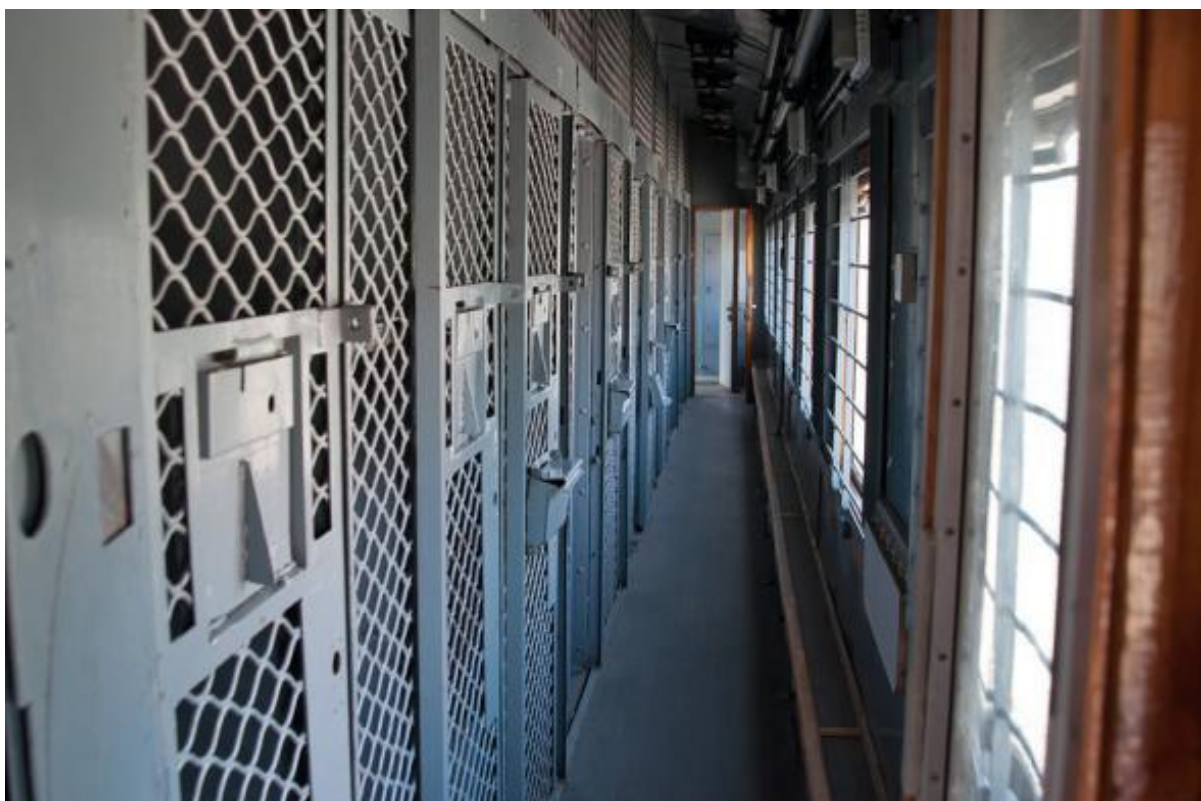
Вскоре зеки из соседних купе собрали и передали направляющимся на зону особого режима и, следовательно, пользующимся уважением, нашим попутчикам-рецидивистам необходимые вещи. Все знают это правило. Делается это добровольно и с готовностью. Таким образом, совершенно безбагажный рецидивист вскоре получает такое количество продуктов и сигарет, что при желании, может раздавать их другим зекам сам. Речь идет о рецидивистах, которые пользуются уважением, ибо существуют тысячи преступников, которые, хоть и совершили многократные преступления, имеют много судимостей и судом признаны рецидивистом, но своим поведением не заслужили уважение в уголовном мире. К такому разряду рецидивистов и относился наш попутчик-армянин.

Все, кому в советское время довелось оказаться на этапе, помнят, что в качестве питания зекам раздавали хлеб и селедку. Никто, наверное, не может сказать, почему, именно селедку, но так делалось в Советском Союзе всегда - на протяжении десятилетий. После соленой рыбы, естественно, начинает одолевать жажда. Однако проблема в том, что воду зекам должны приносить солдаты конвоя, которые, мягко говоря, не отличаются чрезмерной отзывчивостью, и всякий раз, услышав очередную просьбу принести воды, повторяли примерно одну и ту же фразу, щедро приправив ее матом:

- Рты свои закройте (мат), доберетесь до места (мат), напьетесь вдоволь (мат)!

Когда стало понятно, что все просьбы и призывы зеков абсолютно бессмысленны, и конвойные решительно отказываются приносить людям воду, и, что уговаривать их дальше не имеет никакого смысла, то с места поднялся авторитет - наш попутчик полугрузин с Прометеем на спине, и потребовав тишины, которая, разумеется, образовалась мгновенно, прокричал:

-Братва, качаем вагон!

Вагон для перевозки осужденных

Никто из нас - я имею в виду моих друзей и себя, разумеется, не мог иметь представление о том, что это значит. Понятно, что никогда ранее мы с этим не сталкивались. Да и не слышали о таком никогда. Поезд мчался примерно со скоростью 50-60 километров в час. И в поезде, следующем на такой скорости, абсолютно все зеки вагонзака - кроме нас, обнявшись или навалившись друг на друга, принялись раскачиваться в такт покачивающегося вагона и биться на счет «р-а-а-а-з!» о правую стену вагона, и на счет «два-а-а-а!» - о левую. Наш вагон начал медленно раскачиваться. По началу эта качка усиливается почти незаметно и не предвещает никакой беды, но в какой-то момент вагон вдруг начинает раскачиваться так сильно, что опасность катастрофы становится вполне реальной, поскольку вагон может запросто перевернуться, прихватив с собой все - зеков, конвой и, собственно, весь состав поезда. Сначала конвойные, не чуя беды, лишь бегают по вагону и матерясь призывают зеков к порядку, но столкнувшись с неуступчивостью настораживаются. Параллельно с усилением качки 18-20 летние солдаты начинают бегать по вагону и просить зеков прекратить. Командир конвойного подразделения обещает, что все будет в порядке, воду дадут и только после этого полугрузин-авторитет, имя которого я, увы, запомнил, скомандовал: - Все, отдыхаем!

Солдаты начинают раздавать воду.

К вечеру мы добрались до ростовской тюрьмы. Меня, Самвела Егиазаряна и Яшу отделили от нашей группы и поместили в большую общую камеру, а Марзпета

Арутюняна, Ишхана Мкртчяна, Александра Манучаряна и остальных трех рецидивистов увели в другую.

Тюрьма в Ростове-на-Дону

- Есть здесь Арутюнян? Арутюнян, с вещами на выход! Быстро, быстро, быстро!
В обнимку с баулом я быстро выхожу из камеры.

Скорость чрезвычайно важна. В случае промедления получаешь сильнейший удар дубинкой. В глазах вооруженных дубинками надзирателей, почему-то, читается одна лишь злоба. Слышится звонко лязгающий шум то открывающихся, то закрывающихся замков и железных дверей камер, находящихся вдоль длинного коридора в подвальном этаже тюрьмы, но в самом коридоре я не вижу ни души, кроме сопровождающих меня надзирателей. Нужно быть ловким. Нужно быть расторопным. Замешкаешься и любой надзиратель сочтет своим долгом двинуть тебе по любой части тела своей дубинкой. С какой силой захочет, с такой и ударит. Этот урок я усвоил очень быстро и именно в ростовской тюрьме. Усвоил, наблюдая за другими.

Вот уже 10-15 дней, как я и мои друзья находимся здесь - в тюрьме, которая существует со времен Екатерины Второй - с 1768 года. Несколько раз меня с сокамерниками по различным поводам выводили из камеры, и я успел зафиксировать, что бьют в основном замешкавшихся и медлительных зеков. В этой тюрьме нас даже однажды повели купаться. Если, конечно, это мероприятие вообще можно так назвать. Все это происходило, согласно местным обычаям - с риском быть битым дубинкой, под аккомпанемент грязной ругани, с воплями и криками. Мы зашли в некое большое и сильно загаженное помещение, называемое помывочным залом. Вдоль стен были установлены душевые краны. Тридцать-сорок моющихся голых мужиков кричат:

- Эй, начальник, вода холодная, горячую давай!

Температура воды регулируется надзирателями в отдельной комнате. Через пару секунд, разбегающиеся в ужасе из-под душевых кранов зеки орут:

- Кипяток, кипяток! Что ж ты, делаешь, начальник!

И так все двадцать минут. То - ледяная вода, то - кипяток. Затем звучит приказ одеваться. Словом, помыться толком никому и не удалось. Эта игра с водой была одной из любимых забав надзирателей советских пересылок.

Одно могу сказать точно: я адаптирован к тюремной жизни, я быстро ориентируюсь в тюрьме, я себя не теряю. Неведомо откуда, но мне известно, что и как следует делать, как себя вести. В этом плане я собой доволен.

Значительно позже, когда я с восторгом изучал русскую поэзию конца 19-го и начала 20-го веков (в которую влюблен навечно), то ознакомившись с биографией Осипа Мандельштама, узнал, что в 1920 году он был арестован в Крыму врангельцами как шпион большевиков. Биографы рассказывают, что поэт постоянно

обращался к тюремщикам с требованием освободить его, говоря: «Вы должны меня выпустить - я не создан для тюрьмы».

Он был освобожден лишь благодаря вмешательству Волошина и других друзей. Однако после освобождения, добравшись из Ялты в Батуми, он вновь был арестован уже грузинскими властями. Освободили поэта благодаря Тициана Табидзе, который в то время случайно находился в Батуми.

Жизнь показала, что этот великий поэт в самом деле не был создан для тюрьмы. После того как по обвинению в антисоветской деятельности он в марте 1938-ого был арестован, только 9 месяцев смог прожить в тюремных условиях. Умер на этапе, во Владивостокском пересылке, так и не добравшись до лагеря, где должен был отбывать пятилетний срок.

Так вот, я вполне создан для тюрьмы. Каким образом и откуда у меня такая способность, я не знаю, но мне определенно удается довольно легко и быстро сориентироваться и находить общий язык. Для выживания в уголовном мире это последнее качество чрезвычайно важное.

Мне всего лишь двадцать лет, Верховным судом Армянской Советской Социалистической республики я признан особо опасным государственным преступником, и вот - сижу в этой камере и пью чифирь с имеющим большой авторитет в уголовном мире, вором в законе, по кличке Серый Ростовский. У него всего одна татуировка - красивая роза на левой стороне груди. Он сам пригласил меня выпить с ним чифирь. Но прежде я втягиваюсь в разборку с двумя распетушившимися уголовниками. Один из них увлеченно рассказывает другому о том, как он занимался карманной кражей на рынке. Собеседник слушает его с неприкрытым восторгом. Краем уха и я слушаю. И когда тот с огорчением сообщает, что был пойман в тот момент, когда пытался вытащить кошелек из сумки какой-то женщины, в разговор вмешиваюсь я и начинаю стыдить вора, мол нечего здесь хвастаться тем, что пытался женщину обокрасть. Уголовники удивленно смотрят на меня. Затем, переварив озвученную мною мысль, начинают возмущенно и бойко наезжать на меня. В этой среде мое замечание, разумеется, является совершенно нелепым и неуместным. Но я не отступаю. Ситуация накаляется до предела. Но тут в спор вмешивается Серый и спрашивает:

- А вот что вы с нами сделаете, когда свергнете советский строй?

Я разгоряченный, с юношеской непосредственностью тут же отвечаю ему:

- Вы говорите, что тюрьма - ваш дом, вот мы и будем держать вас в вашем доме - в тюрьме!

Серый громко смеется и приглашает меня на чай. Рядом с ним, усевшись плотным кругом, пьют чай несколько уважаемых зеков и я. Я впервые пробую чифирь. Алюминиевая кружка передается из рук в руки. Каждый зек, сделав один глоток, передает кружку следующему. Когда после чифирия, под завистливые взгляды совсем недавно пытавшихся разобраться со мной уголовников, я подхожу к Самвелу, тот смеясь говорит мне, что я рискую стать типичным представителем уголовного

мира. Самвел и сегодня, вспоминая этот эпизод, говорит, что мое поведение тогда было крайне опасным, и все могло закончиться весьма плачевно. По всем правилам, нас - особо опасных государственных преступников, не должны были содержать вместе с уголовниками, но, почему-то в ростовской тюрьме это правило было нарушено. Яшу в камере встретили очень тепло. Он обнялся с Серым, затем сказал ему пару слов о нас. Сказал, что мы политзеки, что с нами есть академик. Он подразумевал Манучаряна. Для него все ученые были академиками.

Вдоль двух параллельных стен по всей длине стояли металлические двухъярусные кровати. На кровать можно было взобраться только спереди, поскольку своими боковыми частями они были прочно приварены друг к другу и тянулись от одной стены до другой, и вся эта конструкция напоминала монолитный двухэтажный помост.

Судя по количеству этих кроватей, камера была рассчитана на 40 мест, но туда запахнули более пятидесяти зеков. Возле стены напротив двери стоял маленький металлический стол, но люди им не пользовались. Все ели, сидя на своих кроватях. Матрацы на этих кроватях со дня их появления в тюрьме - а это было, наверное, много лет назад - ни разу не побывали в прачечной. Вши и другие насекомые кишмя кишели и в этих одеялах, и на самих зеках. В этой тюрьме я впервые увидел вшей. Их было так много, что в процессе беседы зек мог совершенно спокойно снять вошь с собеседника и давить ее ногтями больших пальцев, невозмутимо продолжая разговор. Я отчаянно пытался убедить себя в том, что у меня вшей не будет. Но аутотренинг не сработал, и уже через пару дней, когда мое давно немытое тело зачесалось сильнее, чем обычно, я понял, что дело табак. Все это происходило во второй половине июня, а мы последний раз мылись в мае в ереванской тюрьме.

В нашей большой и переполненной камере было всего одно, чрезвычайно маленькое оконце. В это окно не проникали лучи солнца и не видно было кусочек неба, как в камерах на верхних этажах. На тюремных окнах, помимо решеток, под углом 45 градусов устанавливаются прочные жалюзи, - они исключают горизонтальный обзор, но сквозь эти жалюзи можно увидеть маленький кусочек неба. И вот из этой унылой камеры сейчас вывели меня и ведут не знаю куда.

... В обнимку с баулом я быстро иду по длинному коридору, справа и слева от меня - бесконечный ряд черных дверей камер. Я давно привык к специфическому тюремному запаху и не чувствую его.

- Стой, стой! - приказывает один из следующих за мной надзирателей. Я останавливаюсь возле лестницы с решетчатой дверью и понимаю, что сейчас меня поведут по этой лестнице наверх. Увижу в окне кусок неба - пронесется у меня в голове. Меня передают двум надзирателям, которые спускаются навстречу по лестнице. Отсюда меня должны сопровождать уже эти двое. По этой лестнице мы поднимаемся на верхний этаж. Отпирается дверь одной из камер. Я захожу в чрезвычайно светлую по сравнению с полумраком предыдущей камеры и относительно маленькую камеру с тремя пустующими двухъярусными железными кроватями без матрасов, одна - возле окна, а две другие - по правую и левую

сторону, вдоль стен. Это шестиместная камера. Первым делом я устремляю свой взор в сторону окна – оттуда виден кусочек неба, отлично. И тут на нижнем ярусе кровати, находящейся под окном, я замечаю Марзпета и издаю ликующий вопль.

Я всегда хотел написать о Марзпете подробно. Хотел сделать это, когда он был еще жив и находился в Америке, хотел – и после его смерти (в 2000 году), хочу написать и сейчас, но ничего у меня не получается. Марзпет в моей жизни сыграл решающую роль. Он был старше меня на двадцать лет и был первым настоящим антисоветским деятелем, которого я узнал. Он все обуславливал политикой. Утверждал, что нужно сперва расправиться с советским строем и уничтожить Советы, чтобы потом уже была возможность решать важнейшие вопросы, которые волнуют армянский народ. Наша дружба завязалась сразу и никогда не прерывалась. После его смерти минуло уже не мало лет, но я всегда вспоминаю его с большой теплотой. Он открыл для меня новый, совершенно неведомый мир. Если прежде разговоры о распространении листовок, тайных встречах, придумывание условных знаков казались мне чем-то вроде игры, то после знакомства с Марзпетом игры закончились. Он рассказал мне об арестах членов НОП и других инакомыслящих, не являющихся представителями НОП, о судебных процессах, об их лагерной жизни, о ссылках. Он рассказал мне о деятелях, которые умерли или были убиты в изоляторах и на зонах, и об осужденных, которые все еще живы. Рассказал о том, как чекисты производят аресты, как они проводят допросы, что из себя представляет изолятор КГБ, в котором ему доводилось бывать, и что из себя представляет психиатрическая больница, в которой он так же побывал. Рассказал о том, как осуществляется слежка, как можно избежать преследования, оторваться от «хвоста». Рассказал о зоне и лагерной жизни. Он волновался за меня - справлюсь ли?..

Через два года после нашего знакомства - уже на этапе в тбилисской тюрьме, увидев мою безмятежность и раскованность, Марзпет, улыбается:

- Не унываешь, легко переносишь – это хорошо.

И вот с такой легкостью я и добрался до ростовской тюрьмы, и стою сейчас в этой находящейся на втором этаже светлой тюремной камере, из окна которой виден кусочек неба, а под этим окном на железной кровати лежит мой друг -Марзпет. Мой сорокалетний друг постарел, у него дрожат руки и лицо как-то осунулось. Я мгновенно подбегаю к его кровати:

- Умираю, - с трудом произносит он.

Из его сбивчивого рассказа понимаю, что наш друг Ишхан Макртчян сбежал с двумя уголовниками. Невозможно было поверить в это. В дальнейшем рассказывали, что столь дерзкий побег был осуществлен впервые в этой тюрьме. Из-за побега Ишхана его сокамерники - Александр Манучарян и Марзпет, были жестоко избиты.

Манучаряну повезло чуть больше - он потерял сознание сразу после нескольких сильных ударов, а Марзпет был разгромлен в самом буквальном смысле этого слова. Из-за повреждения грудной клетки он не мог дышать. Глубокий вдох, кашель, изменение положения тела, любая самостоятельная попытка сесть или лечь вызывали у него нестерпимую боль.

Понятно, что сюда привели меня для того, чтобы я позаботился о нем. Я даю ему выпить воды, помогаю принять удобную позу, зажигаю сигарету на двоих.

- Сколько дней я валяюсь здесь в одиночестве, но больше всего хотелось курить, как же хорошо, что тебя привели сюда, - слабо улыбаясь, говорит мой друг.

Сегодня я уже не помню, сколько времени мы провели в этой камере, но точно - не меньше 10-15 дней. За все это время к нам не подошел ни один врач, ни разу никто - даже надзиратель, не поинтересовался его самочувствием. Лишь приносили и молча отдавали завтрак, обед и ужин, испускающие тошнотворную вонь - больше ничего. Два раза в нашу камеру приводили двух разных зеков. Один из них остался с нами сутки, а другой провел ночь, и в полдень следующего дня его увели. Избитый, но не утративший острый ум Марзпет говорил:

- С их помощью они пытаются понять не умираю ли я?

Но присутствие этих двух зеков несколько облегчило мое положение. Пока они оставались рядом с Марзпетом, мне на несколько часов предоставлялась возможность немного отдохнуть. Особенно мучительно одолевали Марзпета клопы. Они ужасны даже для здорового человека, а человека, прикованного к постели, могут и вовсе довести до сумасшествия. Кусаются больно, атакуют группами. По ночам я пытался защитить Марзпета от них, либо прижимал рукой его грудную клетку, чтобы он смог прокашляться, либо помогал изменить положение тела.

Но однажды открылась дверь нашей камеры, и надзиратель потребовал, чтобы мы вышли. Марзпету было великодушно позволено опереться на меня. Выйдя из тюрьмы, мы встретили Самвела и Манучаряна. Вместе с несколькими уголовниками нас повезли на станцию, поместили в вагонзак и мы тронулись в путь в сторону Урала. В купе не было посторонних людей, сидели только мы - я, Самвел, Манучарян и Марзпет.

Ростовская тюрьма, оставившая жестокий след в нашей биографии, была уже позади, а впереди нас ждали волгоградская тюрьма и невероятно длинная дорога.

Волгоградская тюрьма

Путь из Ростова в Волгоград продлился недолго, но для нас он оказался чрезвычайно тяжелым. Расстояние Ростов — Волгоград даже на минимальной скорости поезд преодолевает часов за пятнадцать. Мы же провели в дороге, наверное, два-три дня. Мало было нам переживания в связи с состоянием Марзпета, так еще и у Самвела начались проблемы с желудком. Он не мог есть. Его постоянно тошнило, а после еды ему становилось только хуже. Мы решили, что ему и вовсе не стоит есть, и всю дорогу до самого Волгограда он ничего не ел.

Ухудшилось и состояние Марзпета - из-за простуды. В те летние и теплые дни он умудрился простудиться, и ему постоянно хотелось кашлять. Всю дорогу с утра до ночи я сидел на нижней полке купе. В любую минуту Марзпету могла понадобиться помощь. Он подавал знак рукой, и я понимал, что ему нужно покашлять, и тогда я

ладонью придавливал его грудную клетку. Только в этом случае ему удавалось покашлять или сделать глубокий вдох.

- Вардан, ты понимаешь, что ухаживаешь за тяжело больным? - после очередного приступа кашля, спросил Марзпет.

- Ой, какой же из тебя больной, - шутил я, - больные вон те, в соседнем купе, их там 10-15 человек на 7 мест, там дышать нечем, а ты тут разлегся важно и чихаешь!

Марзпету, который всегда отличался исключительным юмором и оптимизмом, на сей раз улыбка не удалась.

-Ах, Ишхан, Ишхан, что же ты наделал, - как-то обиженно произнес Марзпет.

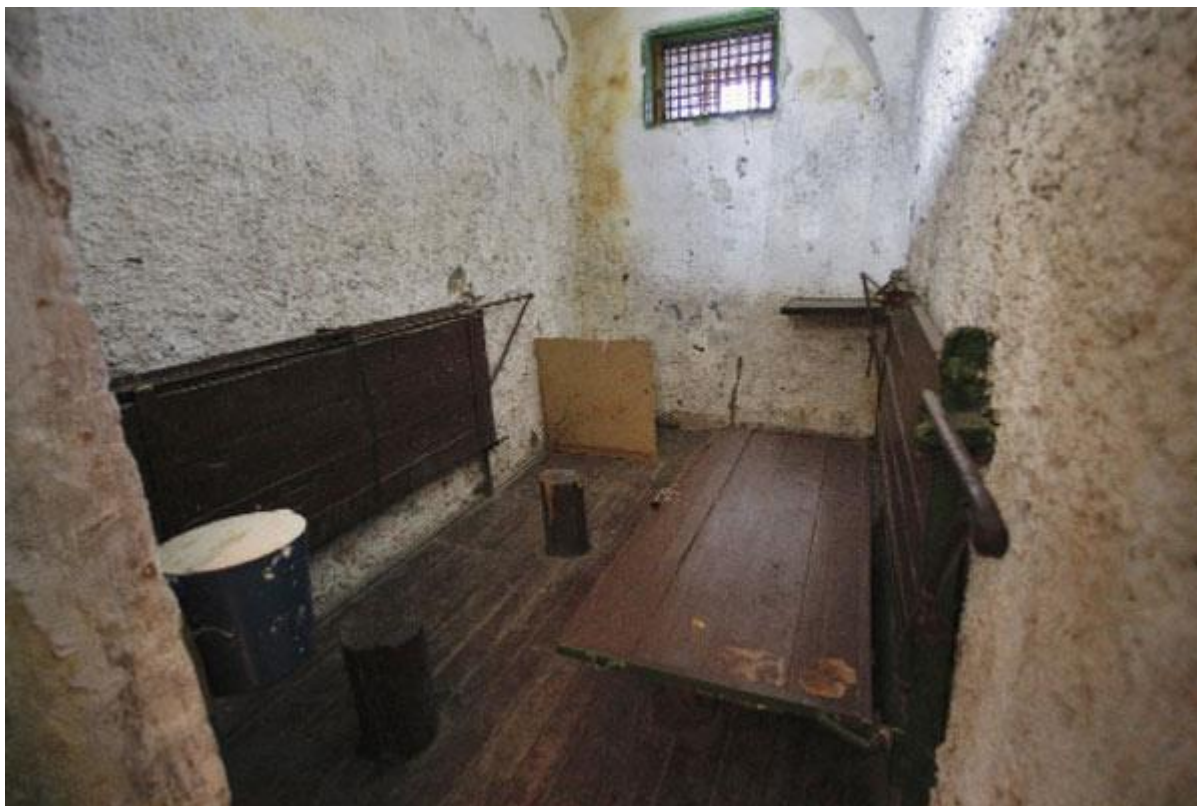
В той светлой камере, которая находилась на втором этаже ростовской тюрьмы, Марзпет мне рассказал о том, как они с Сандро Манучаряном (иногда Александра Манучаряна называли Сандро) отчаянно пытались уговорить Ишхана не бежать из тюрьмы, отказаться от этой бессмысленной затеи, но Ишхан был неумолим.

Долгие годы я пытался понять, почему Ишхан пошел на этот шаг, но я так и не смог найти объяснение. Если бы существовала некая программа, некая цель, важное дело ради которых стоило бы совершить этот побег, то было бы понятно. Но вот так - просто, бесцельно?.. Это был не только непостижимый, но и бессмысленный поступок. Вскоре после побега он был арестован вновь. Иначе и быть не могло. Впоследствии, сопоставив и связав все обрывки полученной информации, мне стало ясно, что в ростовской тюрьме мы содержались так долго именно из-за побега Ишхана – нас продержали там до тех пор, пока не нашли его, и пока не убедились на все сто процентов в том, что Марзпет и Сандро не имеют никакого отношения к этому побегу.

В течение всего предварительного следствия мы - я, Ишхан и Марзпет, всюду, где только было это возможно - на стенах, в бане, в туалете, в прогулочной камере, оставляли надпись: «МИВ». Это первые буквы наших имен. Мы таким образом и приветствовали друг друга, и сообщали, что мы - вместе, и мы сильны. Надзиратели нашу надпись вслед за нами удаляли, но мы, тем не менее, с помощью использованной спички, припрятанного карандаша (его иметь при себе запрещалось), откуда-то выкопанного острого предмета (так же запрещалось иметь при себе) с невероятным упорством продолжали выводить на различных поверхностях эти наши инициалы – «МИВ». На протяжении всего нашего пребывания в изоляторе КГБ, а мы там находились с мая 1980 года по май 1981 года - ровно год, там проводились ремонтные работы, и прогулочные площадки изолятора не функционировали. Вместо них на заднем дворе КГБ были сооружены из шифера две временные, небольшие и примыкающие друг к другу прогулочные дворики. Кто-то, то ли Марзпет, то ли Ишхан, настолько старательно нацарапал острым предметом нашу «метку» - «МИВ», что надзирателям так и не удалось от нее избавиться, она так и осталась там до конца.

В конце августа или в начале сентября я уже находился в колонии N 37 для политических заключенных в поселке Половинка, Пермского края, Чусовского

района. В скором времени, наверное, в конце сентября, меня впервые в качестве наказания отправили в штрафной изолятор (ШИЗО). Максимальный срок содержания в ШИЗО составляет 15 суток, но поскольку я прибыл совсем недавно и был наказан впервые, то мне дали 7 суток. Лето закончилось совсем недавно, снаружи было еще тепло, но в крохотной камере ШИЗО - шириной в 1,5 метра и примерно в 3 метра длиной, буквально дрожишь от холода. За дальнейшие года своего заключения я успел побывать во всех лагерях для политзеков Пермского края, и, разумеется, побывал в камерах штрафных изоляторов этих колоний, но самым холодным, самым чудовищным из них являлся именно штрафной изолятор 37-й зоны. Там было дико холодно и не было ни сортира, ни раковины. Умываться водили в специальную камеру с умывальником, а сортиром служила находящаяся во дворе ШИЗО деревянная будка, к которой выводили один или два раза в день. В случае острой необходимости выдавалась специальная тара - ржавая металлическая параша, высотой в 40-50 сантиметров, с ручками и крышкой. Уже с ранней осени и до конца весны находиться в этих камерах было невыносимо. В зимние месяцы ШИЗО отапливался. Согласно соответствующим требованиям закона, температура воздуха в камерах не должна была опускаться ниже 18 градусов, но в действительности, даже в лучшие дни она не поднималась выше 15-16 градусов. И даже если бы каким-то чудом эти требуемые 18 градусов были бы обеспечены, то все равно люди мерзли бы там от истощения и изнеможения.

Двухместная камера ШИЗО

В свое время о тяжелых условиях ШИЗО 37-ой зоны в выпуске 52 писала «Хроника».

Книги в штрафных изоляторах так же были запрещены. В какой-то момент стали разрешать, но потом вновь запретили. Весь день тебе абсолютно нечем заняться. Остается лишь топтаться в этих трех метрах, строить фантастические планы, мечтать и подпрыгивать, чтобы согреться. В камерах ШИЗО двух других лагерей - 35-й и 36-й, было относительно теплее, я повторю - относительно, и в тех камерах имелись хотя бы самые элементарные удобства - сортир и вода. В ШИЗО у зека нет возможности прилечь днем (там расположены откидные деревянные нары, которые днем прочно пристегиваются к стене), кормят через день - в день кормежки питание трехразовое, если это, конечно, можно назвать питанием, а на следующий день дают только воду и 450 гр. хлеба. Но самым ужасным является не голод, а именно холод. Ходишь, прыгаешь, делаешь зарядку, чтобы хоть как-то согреться. И вот пребывая в таком состоянии, ближе к вечеру, когда лучи уходящего солнца под определенным углом упали на запыленное окно камеры, я вдруг заметил на стекле выведенную пальцем надпись на армянском языке: «МИВ». Я не поверил своим глазам. Невероятно. Сначала я подумал, что мне показалось. Одним из тех, кто мог писать эти буквы и понимал их значение, был Марзпет. Он находился в той же зоне 37, но в отдельном от меня, в более маленькой зоне, и в тот период в ШИЗО не попадал. И даже если бы он был там, то в тот период, уже после предварительного следствия, писать эти буквы не было бы никакого смысла. Оставалась одна версия - Ишхан. Я понял, что Ишхана поймали, и он находится где-то в этих краях. По завершению семи дней наказания, выйдя на зону, я подошел к военному преступнику старику Бабушкину, который приносил еду в ШИЗО, и попросил, сказать мне, кто до меня находился в этой же камере штрафного изолятора. Он не имел права никому рассказывать о том, что видел, слышал, либо знал, но до того, как меня заперли в ШИЗО, я ему помог кое в чем, и, видимо, он считал себя моим должником. Старик сказал, что это был тощий, изнуренный армянин, которого по ошибке вместо 36-й зоны, сопровождающие привезли в 37-ю (эти две зоны находятся в 50-60 километрах друг от друга), и что в этой камере он пробыл совсем недолго, и вскоре был переведен в 36-ю зону. После побега Ишхана это были первые о нем вести. Я определенно путаю хронологию событий. Пытался восстановить с помощью сводок об Ишхане в «Хронике», но, выяснил, что события там запутаны еще больше. Хронологическая путаница бросается в глаза. И это вполне объяснимо. Из лагерей в «Хронику» вести попадали, преодолевая невероятные препятствия и часто - с большим опозданием, а люди, которые в условиях конфиденциальности занимались координацией и рецензией этой информации, вполне могли допустить хронологические ошибки. Словом, я решил при написании полагаться на собственную память.

Ишхана после побега арестовали и привели обратно в ростовскую тюрьму. Его и двух сбежавших с ним уголовников там днями пытали и истязали. Впоследствии, находясь уже на зоне, Ишхан рассказал своим друзьям, что один из тех уголовников, сбежавших с ним, не выдержав пыток, сошел с ума. Сам Ишхан, 23-летний молодой

здоровый парень, за короткое время превратился в болезненного и истощенного инвалида. Из ушей его время от времени сочился кровавый гной, он не мог нормально дышать, болели все суставы и кости. Но все это не мешало ему быть одним из самых активных политзеков на зоне.

... Состояние Марзпета становилось все хуже и хуже. Он ничего не ел и не пил. В волгоградскую тюрьму мы добрались днем. Нас поместили в довольно чистую и светлую камеру. В камере была вода, сортир, маленькая шайка и мыло. Наличие мыла для меня было подобно чуду. В те дни я не мог и представить себе большего счастья. Удобно уложив Марзпета немедленно приступил к своей стирке. Приготовил густую мыльную смесь и окунул в нее свои брюки и рубашку, потер их как следует, а затем стал мыться сам. Закончив, сел на кровать и стал беседовать со своими друзьями. Манучарян спросил, почему я не извлекаю из шайки свою одежду.

- Пусть побудет подольше в мыльной воде, чтобы вши вышли, - со всей серьезностью объяснил я.

Мои друзья хором рассмеялись. Даже Марзпет, который не мог глубоко дышать, и тот смеялся над моей наивностью.

- Смотрите внимательно, ребята, - говорил Манучарян, - сейчас вши Вардана начнут строем выползать из таза, - и они втроем залились хохотом.

Мне оставалось лишь присоединиться к общему веселью. Затем прополоскал свою одежду и развесил на кроватях сушить.

А из лабиринта коридоров, на протяжении всего нашего пребывания в этой тюрьме, доносились громкие женские голоса. Кому они принадлежали, не известно. Видимо, наша камера находилась недалеко от женского корпуса тюрьмы.

В этой камере волгоградской тюрьмы мы перевели дух и немного набрались сил.

Через несколько дней нас вывели из тюрьмы и снова посадили на поезд, и мы вновь оказались вместе в отдельном купе. Из-за побега Ишхана, сопровождающему конвою было строжайшим образом рекомендовано перемещать и содержать нас согласно нашему статусу, то есть - отдельно от уголовников. Такое распоряжение поступает не в устной форме, а пишется на папке личного дела зека, находящегося на этапе. Эта папка сопровождает зека в течение всего срока отбывания наказания. По всей видимости, именно побег Ишхана стал причиной появления на моей папке «красной полосы», которая означала «опасен» и «склонен к побегу». Такая полоса чертится красным на личном деле зека наискосок - от одного угла до другого. Личное дело зека помещается в конверт, а конверт клеивается и скрепляется печатью. Этот конверт должен содержаться в надлежащем порядке и не быть поврежденным. В случае повреждения составляется соответствующий акт, который закрепляется подписями командира сопровождающего конвоя и начальника тюрьмы, принимающей осужденного. Помимо этой папки для каждого заключенного уже на зоне, изготавливаются карточки, - напоминающие игральные карты, но чуть потолще и побольше размером, - на которых записываются данные

зека, и если на личном деле зека имеется красная полоса, то аналогичная полоса точно так же - наискосок, чертится и на этой карточке. С помощью этих карточек осуществляется надзирателями обязательный утренний и вечерний пересчет зеков, а также - пропуск в рабочую зону, и оттуда - в жилую. Эта полоса на моей карточке в течение всего срока отбывания и мешала мне, и временами - помогала. В колонии 37 большая и малая зоны работали посменно. Порядок требовал, чтобы «краснополосочник» возвращался в жилую зону не позже 22:00, то есть, все зеки продолжали работать в трудовой зоне, а я выходил оттуда уже к девяти часам вечера, и надзиратель сопровождал меня в жилую зону, где я мог отдыхать и заниматься своими делами чуть дольше, чем другие зеки. Мои друзья продолжали работать еще 2–3 часа. В наших зонах «краснополосочников» было крайне мало. Например, во всей 37-й зоне такую полосу имели только два зека - психиатр из Харькова Анатолий Корягин и я. А мешала эта полоса тем обстоятельством, что в условиях лишения свободы она подразумевала дополнительное усиление контроля. За хорошее поведение такая полоса со временем может быть снята с зека. На мне же эта полоса «висела» до самого момента моего освобождения. Однако, почему, столь «почетной» полосы было удостоено исключительно мое личное дело, я сказать не могу. Совершенно непонятно. Тем более, что во время истории с побегом Ишхана меня рядом с ним не было. Вовсе не исключено, что этим «подарком» по неким причинам меня решили «осчастливить» еще в Ереване - от лица Комитета Государственной безопасности Армении.

Как правило, пребывающие на этапе зеки, меньше времени проводят в пути и больше – в пересылках. С нами же все было наоборот. Причиной опять же являлся Марзпет, точнее - состояние его здоровья. Ни в одной тюрьме не желали, чтобы на их территории умер особо опасный государственный преступник. Вот нас и выдворяли отовсюду настолько быстро, насколько это было возможно. В дальнейшем, когда состояние Марзпета ухудшилось еще больше, нас и вовсе отказывались принимать. Но об этом - чуть позже.

Дорога в пермскую тюрьму

Из волгоградской тюрьмы нас вывели ночью в сопровождении собак и вооруженных автоматами солдат. Так как прошло слишком много времени, память моя, к сожалению, не позволяет вспомнить ни точную дату, ни другие подробности. Врезались в память лишь белые клыки немецких овчарок. Цель моя заключается не в восстановлении хронологии событий. Мне больше хочется рассказать о том, как в Советском Союзе происходил процесс транспортировки заключенных - этап, который всегда считался одним из самых драматичных эпизодов жизни зеков. Современному читателю следует помнить об одном: как бы то ни было, какими бы ужасными ни были сегодняшние тюрьмы и колонии, каким бы ни было сегодня отношение к осужденным, - все равно, сегодняшняя ситуация несравнима с ситуацией, которая царила в этой сфере в советский период. Сегодняшний заключенный имеет такие возможности, о которых и мечтать в советскую эпоху

было невозможно. Самым важным достижением современности является, безусловно, связь с внешним миром. Заключенный имеет возможность связаться со своими близкими хотя бы по телефону и сообщить о своем состоянии. Существуют адвокаты, которые имеют право и возможность интересоваться состоянием своего подзащитного. Существует множество вариантов для организации свидания. Сегодня есть возможность и существует право передавать родному человеку, оказавшемуся за решеткой, продовольствие и (поразительно!) – есть возможность протестовать, поднять волну протеста и сделать этот протест публичным. Самым важным приобретением все же является именно связь с внешним миром - связь и возможность поднять шумиху, возглашать и быть услышанным, и это именно то, что в Советское время АБСОЛЮТНО исключалось. Только если речь шла о политических заключенных, и если удавалось донести информацию до внешнего мира, то, пожалуй, дело на некоторое время получало огласку, благодаря западным радиостанциям, но во всех остальных случаях заключенный оставался один на один с унижающей, ломающей, уничтожающей и мощной репрессивной системой. Не было правозащитников, не существовало международных структур, не было государственных обязательств в гуманитарной сфере. Родственники заключенных могли днями, неделями, месяцами не получать никаких сведений о них. Заключенный мог месяцами находиться в одиночной камере, и никто бы не узнал, что с ним там происходит. Отсутствие связи очень выматывало и часто подавляло волю заключенного, толкало на экстремальные и нерациональные шаги. Люди вскрывали себе вены, объявляли бессрочные голодовки, наносили себе увечья лишь бы добиться связи со своими родными, получить от них весть, либо сообщить им о себе.

Нас повели на станцию тогда, когда другие зеки уже находились в вагонзаке. Мы подошли к поезду, помогли Марзпету подняться и, как и в предыдущий раз, сели в отдельное купе. Через некоторое время поезд тронулся.

Находящиеся на этапе зеки не имеют представление о том, куда они направляются. Их никто об этом не информирует. Так было всегда. Но у нас был другой случай, мы знали, что политические зоны находятся в Пермском крае, а уж в какой из лагерей попадет каждый из нас, было уже несущественно. Логика и география подсказывали, что в скором времени - через несколько дней, мы доберемся до места назначения.

Поезд взял направление на Пермь. Наша следующая остановка была в тюрьме города Кизел. От того полустанка, на котором остановился наш состав, до кизеловской тюрьмы было не далеко, ибо в тюрьму нас повели пешком. Это наше «шествие» оставило неизгладимое впечатление и никоим образом не стирается из моей памяти. Жителей этого края присутствием зеков на улицах не удивишь. При каждом районе и при каждом городе в этом крае существует несколько зон, в каждой из которых отбывают свои сроки несколько тысяч зеков. Некоторые обитатели края являются постоянными заключенными, некоторые - сотрудниками лагерей, а некоторая часть жителей трудится на огромных промышленных предприятиях этого края.

Итак, нас повели по городу вместе с уголовниками, и, видимо, наше шествие имело настолько необычный вид, что горожане, давно привыкшие к постоянному присутствию зеков, останавливались и с изумлением наблюдали за нашей процессией. Зеков было много - около 80–100 уголовников.

Дело было летом, и основная часть уголовников, если не все, шли в расстегнутых рубашках. Они шагали, вольготно размахивая руками, выставив напоказ свои покрытые татуировками тела. Их жесты, взгляды - весь их облик, явственным образом говорил о том, что эти люди являются отъявленными неисправимыми преступниками. Эту длинную колонну уголовников сопровождали четверо вооруженных автоматами солдат - двое шли впереди колонны, а двое - замыкали ее. А впереди всей колонны, и отдельно от нее - на расстоянии нескольких шагов, вели нас - четырёх политзеков скромного телосложения, в наручниках и в сопровождении дополнительного конвоя - двух солдат с автоматами. Картина была следующая: перед нами шли два солдата с автоматами, затем шли мы с Марзпетом и за нами - Александр Манучарян и Самвел Егиазарян. Нашу четверку замыкали вооруженные солдаты, которые шли впереди колонны уголовников. Мы четверо оказались в окружении четырёх вооруженных солдат. В руках, которые были закованы в наручники, мы сжимали наши баулы с вещами. Должно быть, со стороны это выглядело весьма забавно и странно: с какой стати этих четырех худосочных зеков ведут отдельно, да еще - в наручниках, когда вся длинная колонна уголовников вальяжно шагает по улице без наручников и без дополнительной охраны? Из нас четверых относительно высоким ростом обладал лишь Самвел. Он был выше 170 сантиметров, а мы трое были ниже этой отметки. Как бы то ни было, мы, наконец, дошли до тюрьмы, и нас вместе с уголовниками поместили в одну большую, наверное - мест на 20-30, камеру. Наше «триумфальное шествие» по улицам города возымело свой эффект. Уголовники относились к нам с особым пиететом и всячески старались нам помогать и содействовать.

Когда в камеру принесли еду, Манучарян с ужасом обнаружил, что оставил в вагоне поезда свои зубные протезы. У него, конечно, были протезы во рту, но второй комплект был резервным. Каждому зеку с зубными протезами хорошо известно, что необходимо иметь еще один запасной вариант протезов, ибо если повредятся имеющиеся во рту протезы, то до окончания срока зек останется без зубов - со всеми вытекающими последствиями. Мы очень переживали за Манучаряна, горе которого в тот момент не уступало по своей тяжести состоянию Марзпета.

Ночью в кизеловской тюрьме нам удалось спокойно выспаться, а утром после так называемого завтрака нас вновь вывели из тюрьмы и на автозаке доставили на железнодорожную станцию. И здесь произошло одно из тех чудес, которые время от времени происходили с нами в течение всего нашего пути. Мы, как того и требовало правило, были вновь отделены от уголовников. Манучарян, по старой привычке - он поступал так всегда, сразу поднялся на одну из верхних полок купе и лег. Весь путь он проводил наверху. Поднимался на верхнюю полку, чтобы ни мы ему не мешали, ни он - нам, и беседовал с нами оттуда. Рассказывал о своей профессии, которую очень любил. А занимался он литографией, живописью, искусством. Эти же

предметы он преподавал в институте. Свои антисоветские работы, из-за которых он и был осужден, он подписывал псевдонимом «Винар». В ходе всего предварительного следствия чекисты тщетно пытались понять, что означает псевдоним «Винар». Лишь после завершения следствия Манучарян сам согласился открыть им значение своего псевдонима. «Винар» являлся сокращением, составленным из начальных букв слов «литография», «живопись», «искусство». Положение Манучаряна было самым тяжелым. Из-за психических проблем его жена находилась в соответствующем диспансере, а его несовершеннолетние сыновья остались дома одни. Что с ними, как они справляются, есть ли у них попечитель, - Манучарян не знал. На эту тему он говорил мало и крайне редко, но было понятно, что очень переживает. И тут Манучарян вдруг закричал:

- Вот тебе и раз! Чудеса, да и только! Мои зубы...

И показал нам свои протезы, завернутые в бумагу. Фактически тот вагончик в котором мы были доставлены в Кизел, всю ночь простоял на полустанке, а на следующее утро мы вновь оказались не только в том же вагоне, но и в том же купе, в котором Манучаряна преспокойно ждали его зубные протезы. Все мы невероятно обрадовались. Для настоящей радости человеку не так уж много надо.

Бесконечная дорога в Пермь

Наш поезд вновь направлял нас в пермскую тюрьму. Судя по всему, мы несколько раз подъезжали к Перми и вновь отъезжали. Кизел находится от Перми на расстоянии 250 километров, эта дорога занимает от силы 5-6 часов. Но мы этот путь преодолевали невероятно долго. Из Еревана нас вывезли в первых числах июня, через несколько дней мы уже находились в ростовской тюрьме, а из Ростова в Пермскую тюрьму мы добрались лишь к концу августа. Все это время мы провели в поездах, которые таскали нас по станциям и полустанкам, большим и малым пересылкам Пермского края. На различных станциях из вангонзака выводили зеков и заменяли их новыми, а наш путь не имел конца. Мы спрашивали местных зеков, далеко ли до Перми. Нам отвечали, что не далеко, но наша дорога никак не заканчивалась. Нас просто перемещали со станции на станцию и ждали изменения состояния Марзпета. Но в то же время никто не подходил к нам и не интересовался ни нашим состоянием, ни самочувствием Марзпета. Никаких бесед между нами и сопровождающими не происходило.

Во время очередного такого путешествия в Пермь, в наше купе привели одного латыша, который также являлся политическим заключенным. Он был осужден и по этапу направлялся на зону. Это был очень известный в Латвии человек - Юрис Бумейстер. В дальнейшем, во время моего пребывания в 36-й зоне, мы с ним весьма сблизились, несмотря на большую разницу в возрасте. Его отец был активным участником социал-демократического движения в начале 20-го века и являлся основателем социал-демократической партии Латвии. Сын пошел по стопам отца и стал одним из лидеров латвийской социал-демократической партии - разумеется,

уже подпольной. Юрис Бумейстер родился в 1918 году. К тому времени ему было уже 63 года. По профессии он был инженером, кандидатом наук, был увлечен внедрением электроники в рыболовную промышленность. Так как его научная деятельность официально считалась секретной, то после разоблачения подпольной деятельности, Бумейстера обвинили не в антисоветской деятельности, а в измене родине, в результате чего, он был осужден на 15 лет лишения свободы. Это был первый повстречавшийся нам на этапе политзек. Через несколько часов, когда поезд достиг Перми, его увели, а мы вновь остались в купе вчетвером в ожидании очередного круга.

Спустя некоторое время, на очередном круге где-то возле Перми, мы повстречались со вторым политзеком. На этот раз нашим попутчиком был известный харьковский правозащитник, психиатр Анатолий Корягин. С Корягиным я в дальнейшем отбывал срок в моей первой - 37-й зоне. Я всегда избегал колхозов на зоне - совместного хозяйства, но в 37-й зоне мы с Корягиным имели совместное хозяйство. Суть такого хозяйства в объединении имеющегося продовольствия, то есть ты со своими друзьями создаешь общее хозяйство, и вы питаетесь вместе. Он обследовал Марзпета, пропальпировал грудную клетку и ребра, отекшее плечо и подтвердил наши догадки о том, что до тех пор, пока Марзпет не начнет выздоравливать, нас до зоны не довезут. Следующее медицинское обследование, которое Марзпет прошел через 7 лет - в конце 1987 года, в Соединенных Штатах, показало, что в результате перелома нескольких ребер, одно из них проткнуло легкие, нанеся серьезные повреждения. Когда мы добрались до Перми, Анатолия Корягина увели, а мы вновь продолжили свой путь, и провели еще одну ночь в тюрьме Кизела. Однажды, во время очередного нашего путешествия в Пермь, Марзпет крепко заснул и надолго. За все время нашего этапа такого еще не было. Проснувшись после глубокого и продолжительное сна, он вдруг заявил

- Все будет хорошо. Я буду жить.

Он произнес эти слова очень уверенным голосом. И действительно, потихоньку Марзпет начал смелее менять положение тела, предпринимать попытки встать, сделать несколько шагов самостоятельно. Таким образом, в очередной раз, когда наш поезд достиг Перми, нас, наконец, вывели из вагона и доставили в пермскую тюрьму. В тюрьме вместе с несколькими надзирателями нас встретил на удивление доброжелательный офицер. Он уже держал в руках наши дела. Появление политзек в пермской тюрьме ни у кого не вызывало удивления и не было никакой необходимости задавать лишних вопросов. Политзеки там были явлением совершенно обычным.

- Пусть отец с сыном будут в одной камере, - сказал офицер, учитывая тот факт, что у нас с Марзпетом была одинаковая фамилия, а еще то, что Марзпет выглядел старше своих лет из-за страданий и передвигался оперившись на меня. Так нас отделили от Манучаряна и Самвела. В следующий раз я встретился с ними спустя 7 лет, в 1988 году в Ереване, после моего освобождения.

В тюремной камере изо дня в день Марзпету становилось лучше. В этой тюрьме мы задержались надолго - до тех пор, пока Марзпет стал передвигаться совершенно самостоятельно.

После длительного путешествия нас в этой тюрьме один раз повели в баню. Баня была, конечно, грязной, но каждому из нас выдали по мизерному куску мыла, и мы с радостью вошли в это называемое баней помещение. Врезались в память лишь бесконечные ржавые трубы из многочисленных стыков которых обильно фонтанировала горячая вода и заплесневевшие стены. Вступив под струю воды, я мгновенно отпрянул и принялся дубасить по железной двери бани, чтобы сообщить о чрезмерно горячей воде, но никто не отреагировал. По всей видимости, надзиратель, заперев нас в бане, ушел и был намерен вернуться лишь для того, чтобы сопроводить нас обратно в камеру. Иного выхода не было. После столь длительного перерыва выкупаться было совершенно необходимо. Уже заканчивался август месяц, а мы, не считая неудачной попытки помыться в ростовской тюрьме, последний раз купались в мае - в ереванской тюрьме.

Купаясь, я не сводил глаз с Марзпета. Отек на его плече уже исчез, он довольно свободно пользовался руками, его беспокоила лишь боль при глубоком дыхании, но на это обстоятельство мы уже внимание не обращали.

Через пару дней нас повезли в город Чусовой. Именно в Чусовском районе и находятся политические зоны. Оттуда нас на автозаке повезли в находящуюся в поселке Половинка 37-ю зону и посадили каждого из нас в отдельную камеру штрафного изолятора - на карантин. Впервые нам выдали чистую постель, которую можно было постелить на деревянные нары. Явилась женщина врач, которую я немедленно оповестил о том, что на нас вши кишмя кишат. В результате этого этапа я приобрел какое-то грибковое заболевание, от которого лечился на протяжении нескольких лет, появились и другие проблемы с кожей, которые, однако, решились сравнительно быстро, но вши оказались для меня таким психологическим барьером, преодолеть который мне уже не удавалось. У нас забрали всю одежду, а нас самих обработали какими-то препаратами, в результате чего вши были вскоре уничтожены, затем нас повели мыться. Это было уже счастьем. В баню нас повели по-отдельности, потому что с момента вступления в карантин я и Марзпет считались заключенными разных зон. Правда, адрес у нас был общий, но встречаться и видеться мы не могли. Тридцать седьмая зона была разделена на две части - на маленькую и большую зоны. В маленькой зоне находился Марзпет, а в большой - я. С сентября 1981 года я уже не мог видеться с Марзпетом, но до конца 1982 года мы с ним время от времени пересекались в ШИЗО, куда и меня и Марзпета в целях наказания помещали. В ШИЗО мы содержались в разных камерах, но зато имели возможность переговариваться. Последний раз я виделся с Марзпетом в 1994 году, когда он приезжал в Армению. В 2000 году в США в возрасте 60 лет он скончался от рака.

В дни нашего пребывания на карантине в камере напротив моей находился Юрий Бутченко - известный на политзонах заключенный. Его должны были уже в скором

времени освободить. В карцер его поместили не в наказание за некое нарушение, а в целях изоляции. Он сидел в 35-й зоне с Паруйром. Узнав о том, что мы из Армении, Бутченко сообщил нам, что в отношении Паруйра возбуждено новое уголовное дело и рассказал нам некоторые подробности.

Вплоть до 1985 года меня переводили из одной зоны в другую, но эти путешествия уже нельзя назвать этапом, поскольку все эти зоны находились не далеко друг от друга. Расстояние между ними, как правило, не превышало 50-60 километров. Эти транспортировки занимали всего несколько часов.

Следующий серьезный этап в моей жизни имел место уже в 1985 году, когда завершился мой пятилетний срок на зоне и я должен был провести следующие три года в ссылке. Он начался в апреле 1985 года и завершился в июле того же года. Правда этот этап не был столь драматичным, как предыдущий, но и он не был лишен своего «очарования». Однако, об этом - позже.

37-я зона (большая)

На фоне нашего непрекращающегося этапа зона превратилась в этакую хрустальную мечту. Из многочисленных бесед с зеками-уголовниками, которые встречались на нашем пути, у меня сложилось некоторое представление о зоне. Зона представлялась местом мрачным и негостеприимным, но в то же время, она означала прекращение бесконечных скитаний по тюрьмам, она предоставляла возможность начать, наконец, переписку с родственниками, которые все это время, разумеется, чрезвычайно беспокоились обо мне и не получали никаких вестей, общаться с новыми, интересными людьми, а также начать относительно размеренную жизнь.

Но каково же было мое удивление, когда после карантина охранник вывел меня из камеры и повел по территории зоны к бараку. Прежде всего меня впечатлила сама территория. Она была не очень большой, но аккуратной и в полной мере просторной для прогулок. Барак удивил меня еще больше. Это было просторное, опрятное, залитое проникающим сквозь широкие окна солнечным светом помещение, в котором в три ряда стояли железные кровати (их было примерно 30), и они были вовсе не такие, на которых приходилось спать в пересылках, а мягкие, с пружинами.

Кровать в бараке

При каждой кровати была своя тумбочка и табуретка. Кровати были покрыты чистыми покрывалами. А это подразумевало и наличие чистого постельного белья. И оно действительно было чистым, ибо, как выяснилось, постельное белье регулярно – раз в неделю, отправлялось в прачечную. Пол в бараке был деревянным. Меня впечатляло и радовало все, что я видел. Охранник показал мне мою кровать, к которой затем прикрепил бирку с моей фамилией и удалился. Такие бирки прикреплялись к кровати каждого зека. Проходя по территории зоны заметил, что людей было очень мало, а в бараке встретил лишь двух пожилых мужчин. Лагерь пустовал, потому что зеки в это время находились в рабочей зоне. Один из находящихся в бараке пожилых мужчин сидел на табуретке у своей кровати, которая находилась прямо возле двери, и склонившись над тумбочкой, увлеченно читал книгу. Казалось, что он и не заметил вовсе не только моего появления, но и в целом не замечал ничего вокруг. А второй старик деловито расхаживал по бараку в странных, перевязанных на затылке веревкой очках, которые напоминали водолазные, с 5–6 миллиметровыми отверстиями, и ритмично размахивал какой-то пластмассовой посудой. Это было странное зрелище.

После того, как сопроводивший меня охранник удалился, второй пожилой мужчина, продолжая размахивать своей посудой, неспешно подошел ко мне и спросил:

-Грузин?

Я ответил, что являюсь армянином.

- Масло делаю, хочешь? - кивнув на посуду в руках, спросил он.

Пожилым и больным зекам на зоне выдавали по пол литра молока, и старик решил из предназначенного ему молока готовить масло.

Старик начал меня расспрашивать. Он был грузином. Превосходно владел русским языком и говорил на нем без характерного акцента. Мой пожилой собеседник являлся старожилом в политзонах. Это был батано Васо - Васо Елизбарашвили.

Батоно Васо

Так мы к нему обращались. Родился он в 1890-их. Являлся очевидцем великих потрясений 20-го века. Уже будучи зрелым человеком, видел Первую мировую войну, большевистский переворот, красный террор, сталинские репрессии, которые, впрочем, миновали его, затем во время Второй мировой войны в качестве химика был призван в армию в химические войска и, как и очень многие, попал в плен. Согласился сотрудничать с немцами. Служил в Германии, Италии и Франции. После войны стал жить во Франции. Бегло говорил по-французски. По его словам, немного говорил и на итальянском языке. На закате 1960-х знакомый грузин, проживающий во Франции, сообщает Васо, что в Советской Грузии его разыскивают родные и показывает ему объявление в газете. Батоно Васо не был наивным человеком, он прекрасно понимал, что в Стране Советов его ждут суд и суровое наказание. Он связывается со своими родственниками и делится с ними своими

опасениями. А родственники спустя некоторое время ему отвечают, что они уточнили во всех соответствующих инстанциях, в том числе - в КГБ, и ему абсолютно нечего опасаться. И как говорил сам батано Васо, он решает уехать и умереть на своей родине. К тому времени ему было уже за 75.

- Я решил, что после 75 лет мне следует умереть на родине, - говорил этот жизнерадостный, переваливший за девяносто старик, - но советская власть своим приговором обязала меня жить еще лет 15. А кто я такой, чтобы не слушаться? Теперь придется жить, деваться некуда.

До его освобождения оставалось несколько лет. Еще в Мордовских лагерях у него начало портиться зрение. С помощью оригинальных самодельных очков батано Васо удавалось сквозь эти отверстия видеть хотя бы то, что происходит у него перед самым носом. Он обладал грандиозным жизненным опытом и потрясающей проницательностью. В отличие от большинства военных преступников, которые сотрудничали с администрацией зоны, он в этом плане был вне всяких подозрений. Будучи почти слепым, он многое замечал.

Однажды у меня завязалась беседа с одним человеком, который пользовался на зоне дурной репутацией. Когда я дошел до нашего барака, то стоящий у входа батано Васо схватил меня за руку и спросил:

- Ты чего с ним ходишь?

- Батано Васо, как же так? А говоришь, что слепой и дальше метра ничего не видишь?

- Да, я слеп, но важные вещи вижу. Человек твоего разряда не должен общаться с ним. Не ходи больше с этим.

Когда я уже немного адаптировался к условиям и порядкам зоны, то как-то сказал ему, что хочу подтянуть свой русский язык, и попросил порекомендовать мне хорошего учителя на зоне.

- Ни к кому не обращайся. Начни читать Толстого. Лучшего учителя тебе не сыскать. А если что-то будет непонятно, то спрашивай у первого встречного.

Я так и поступил.

Батано Васо сдержал свое обещание. Он отсидел свои 15 лет, а затем в сопровождении приехавшего за ним 60-65-летнего сына, уехал в Грузию, где, прожив еще несколько лет, умер и был, как и решил когда-то, похоронен в родной земле. При его освобождении меня уже на этой зоне не было. О славном завершении долгой истории жизни Васо Елизбарашвили я узнал уже значительно позже - после своего освобождения.

Верующий Гаджиев

Другим старцем был Гаджиев. Он так же являлся военным преступником. Попал в плен и сотрудничал с фашистами. Он был верующим мусульманином из Северного Кавказа. На зоне он жил обособленно - сам по себе. Днями, месяцами он мог не проронить ни слова. Ни в одной беседе он не принимал участие более двух минут. Пять раз в день, как того требуют мусульманские каноны, он уходил под лестницу, ведущую на второй этаж барака (чтобы не мешать нам, и чтобы мы не мешали ему) и, усевшись лицом в сторону Мекки, где священная Кааба, совершал свой намаз. Все остальное свободное время он проводил за чтением Корана, сидя у своей кровати. Когда он по какой-либо причине выходил из барака, то оставлял Коран в открытом виде на своей тумбочке. Меня безумно интересовал Коран. Я подходил и тайком заглядывал в книгу. Меня завораживали инородные и непонятные буквы. Однажды, когда в бараке никого не было и я не рисковал быть застигнутым врасплох, я даже подошел и дотронулся до страницы книги. Я почему-то был уверен, что страница Корана должна быть непременно шероховатой, и мне казалось, что я почувствую все эти неровности подушечками своих пальцев, но поверхность оказалась совершенно обычной - гладкой. Много позднее, уже после освобождения, я приобрёл различные издания Корана, - они до сих пор лежат у меня в книжной полке, - прочитал их и сравнил, но того ощущения и предвкушения мистики, которое я испытывал на зоне, уже не было. Удивительно, но у верующих христиан Библию отбирали, ссылаясь на какую-то директиву 1929 года. Запрещали, словом. Православный священник, известный московский диссидент Глеб Якунин для того, чтобы получить конфискованную Библию обратно, был вынужден прибегнуть к длительной голодовке, но даже на фоне этой акции, не было предпринято никакой попытки забрать у Гаджиева Коран. Все это время Библия оставалась и у известного участника движения пятидесятников Николая Горетоя. Это говорит о том, что для обслуживающих зону чекистов и для начальства зоны, да и в целом - для советской власти, самым важным и решающим фактором являлись вовсе не какие-то там принципы, а необыкновенно избирательный подход. Им нужно было наказать диссидента и политзека Глеба Якунина, который на зоне боролся не только за свои права, но и за права других людей - они его наказывали, без зазрения совести ссылаясь на какой-то давно забытый и недействительный указ 1929 года. Когда же сверху поступило распоряжение вернуть Глебу Библию, они немедленно забыли об этой нелепой директиве.

Я вышел на территорию зоны. Последние 15 месяцев - начиная с армейской гауптвахты, я жил в тесных и грязных тюремных камерах, и территория зоны мне казалась чрезвычайно большой. Сделал небольшой круг. Встретил других пожилых мужчин, которые в силу возраста и хронических заболеваний не уходили трудиться в рабочую зону и весь день пребывали в жилой. Сроки наказания у всех были примерно одинаковые - 15 лет. Некоторые из них являлись военными

преступниками - они побывали в плену и сотрудничали с фашистами, некоторые - были «лесными братьями». Если нельзя сказать ничего хорошего о большинстве так называемых военных преступников - бывших пленниках, которые служили сначала коммунистам, затем - фашистами, а затем с тем же энтузиазмом стали служить и начальству зоны, бегая наперегонки в администрацию с доносами, то «лесных братьев» можно характеризовать исключительно с положительной стороны. В основном это были представители прибалтийских республик, которые с оружием в руках боролись с советскими оккупантами. Они назывались «лесными братьями», поскольку их партизанские отряды были в основном сосредоточены в лесах. Говоря о «лесных братьях», следует отдельно отметить украинцев. Эти люди сражались за свою родину сперва с немецкими оккупантами, а затем - с советскими. Они подвергались преследованиям, расстрелам и арестам как со стороны фашистов, так и со стороны сменивших их коммунистов, которые точно так же преследовали, расстреливали, арестовывали и осуждали их. И между прочим, осуждали по аналогичному обвинению. Украинцы несли свое наказание весьма достойным образом. Среди них были, осужденные на 25 лет. Это может показаться странным, поскольку в тот период максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет, но что касается украинцев, то тех из них, кого в свое время не расстреляли, приговорили - в 1950-х и в начале 1960-х, к максимальному сроку - 25 годам лишения свободы, а когда в дальнейшем были внесены поправки в уголовный кодекс, то в отличие от тысяч других приговоренных к 25 годам, назначенную меру наказания некоторым лесным братьям не пересмотрели, так что, несмотря на то, что максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет, эти люди продолжили отбывать свои когда-то назначенные 25.

Ближе к вечеру из рабочей зоны вернулись остальные зеки. Обо мне им уже было известно. Во-первых, о нас им рассказал находящийся здесь же Анатолий Корягин, с которым мы встретились на этапе, а во-вторых, были в курсе о моем прибытии и ждали моего появления, поскольку я неделю находился на карантине в ШИЗО. Они приготовили чай, и мы собрались небольшой группой. Я рассказал им о себе, о своем уголовном деле, о своих друзьях, о нашем полном разнообразных происшествий этапе, и таким вот образом мы познакомились.

На политзоне люди сидели по различным статьям, но все эти статьи относились к главе «Государственные преступления» советского уголовного кодекса. Большинство политзеков были осуждены по статьям «измена родине» или «шпионаж», за ними следовали политзеки вроде меня - осужденные за антисоветскую пропаганду и агитацию. Это обвинение в УК РСФСР предусматривалось 70-й статьей, которая соответствовала 65-й статье УК Арм.ССР. Именно осужденные по этой статье зеки и являются истинно политическими заключенными, и именно они создают на зоне соответствующую атмосферу. Однако необходимо также подчеркнуть, что некоторые из зеков, которые были осуждены за измену родине или шпионаж, проявили себя на зоне таким образом, что оказались куда более стойкими, активными и смелыми, чем многие политзеки, осужденные по 70-й статье. Таким политзеком, например, в 37-й зоне был Николай Ивлюшкин. В

дальнейшем его перевели в чистопольскую тюрьму - именно по причине чрезмерной его активности и нестигаемости. Таким был и Норик Григорян. Таких примеров отнюдь не мало. Не говоря уж о том, что многих чистых диссидентов вместо соответствующей статьи («антисоветская агитация и пропаганда») в Союзе осуждали по обвинению в измене родине (ст. 64, УК РСФСР). Например, по этой статье был осужден глава социал-демократической партии Латвии Юрис Бумейстер, о котором я уже писал ранее. А известный советский диссидент Натан Щаранский был осужден одновременно и по 64-й («измена родине») и по 65-й («шпионаж») статьям. По обвинению в измене родине осуждались также украинские и прибалтийские «лесные братья», и это при том, что Советский Союз не являлся их родиной.

Уголовные преступники на политзону попадали в исключительных случаях - либо случайно, либо их туда направляли с определенной целью. Их приводили с тем, чтобы каким-то образом нарушить размеренное течение жизни на зоне, а также - для организации скрытых или явных провокаций. Как правило, это были уголовники, «приговоренные» к суровой расправе за нарушение каких-то законов уголовного мира, и чекисты, спасая их от неминуемой кары, отправляли на политзону. А за такое спасение они были готовы выполнять любые их поручения. Такой уголовник по поручению мог пырнуть человека ножом, напасть, затеять драку, в результате которой, в карцер отправлялся, ясное дело, тот, на кого нападали, словом, такой уголовник мог неделями, месяцами терроризировать зону и держать всех в напряжении. От обычных стукачей и провокаторов они отличались своей открытостью. Делали все открыто, а порой - демонстративно. В 37-й зоне такую роль играл зек по кличке Монгол. Ему позволялось абсолютно все. В своих действиях он был совершенно свободен. Чекисты или начальство зоны показывали ему цель и тот приступал к действиям. В среде, основными обитателями которой, являлись представители интеллигенции и люди, весьма далекие от уголовных «понятий», он чувствовал себя как рыба в воде. Он с удовольствием выполнял свою миссию. Но однажды его коса нашла на камень, когда в маленькую колонию 37-й зоны, в которой орудовал Монгол, привели Марзпета. При первом же вспыхнувшем конфликте, выросший в ереванском районе Бутания (где драки и поножовщина происходили всегда) Марзпет, несмотря на состояние своего здоровья, не только оказал достойное сопротивление, но схватился за арматуру и явственным образом дал понять Монголу, что его жизнь также может оказаться в реальной опасности. Для Монгола это было впервые и совершенно неожиданно. Откуда ему было знать, на что мог пойти разгневанный Марзпет, к примеру, ночью, когда он крепко заснет. Мы - зеки большой колонии 37-й зоны, уже были в курсе о стычке между Монголом и Марзпетом. Время от времени Монгол приходил в нашу зону. В его обязанности, кроме всего прочего, входила посыпка хлора в сортирах. Когда через пару дней после упомянутого эксцесса Монгол вновь появился в нашей колонии и зашел с хлоркой в сортир, то я сказал стоящему рядом со мной Ивану Извекову, что дело Марзпета следует непременно продолжить и умножить, дабы Монголу впредь неповадно было. Взяв лопату, с помощью которой в тот момент работал, - нам

поручили копать для чего-то яму, - я зашел вслед за Монголом в туалет и закрыл дверь.

- У тебя какие-то проблемы с Марзпетом, Монгол?

Услышав мой голос, он резко развернулся, но заметив лопату в моей руке, оробел. Принялся оправдываться и обещать, что никаких проблем больше с Марзпетом у него не будет, затем пулей выскочил из сортира и быстро ретировался. Извеков смеялся:

-Ну, армяне, вы даете!

Мы думали, что за такой поступок меня непременно отправят в штрафной изолятор. Но Монгол был настолько напуган, что решил охранникам об инциденте не рассказывать. Однако в дальнейшем Монгол все же еще раз имел стычку с Марзпетом. Неизвестно, было ли это сделано по поручению администрации зоны, или по собственной его инициативе. Однако в результате и Марзпета, и Монгола привели в ШИЗО, где в одной из камер в это же время находился и я. Мы все трое сидели в отдельных камерах. Наши с Марзпетом камеры находились по левую сторону коридора, а камера Монгола - по правую сторону. Разгневанный Марзпет встал впритык к двери своей камеры и люто материл Монгола, а Монгол просил меня, чтобы я сдержал пыл своего друга. Сложилась невероятно смешная ситуация. Произошла самая настоящая рокировка ролей. Значительно позже, когда я уже находился в 35-й зоне, осужденный за шпионаж Александр Нилов, который являлся свидетелем их столкновения, рассказал мне о том, как ослабленному и малорослому Марзпету удалось не только пресечь наглую атаку Монгола, но и с помощью подвернувшейся какой-то палки или ножки от стула вынудить матерого уголовника спастись бегством.

Практически в каждой политзоне было по одному или двух такому психопату, и явному провокатору, которые, получив соответствующие распоряжения от начальства, с удовольствием брались за дело. Психопаты могли создавать напряжённость в относительно размеренной жизни зоны и вовсе без каких-либо указаний - исключительно по собственной инициативе. Однако эксцессы подобного рода не имели никакого существенного влияния в целом на обстановку в зоне. После временного напряжения жизнь лагеря возвращалась в свое обычное русло. На политзону, как правило, попадали состоявшиеся, принципиальные, независимые, цельные, образованные и культурные люди. Там редко происходили столкновения на почве идеологических или мировоззренческих разногласий. Априори считалось, что каждый имеет право на собственные убеждения и мнение, с которыми следует считаться, и к которым следует относиться с пониманием и уважением. Из всего сказанного, разумеется, не следует, что никаких конфликтов не возникало вовсе. Завязывались дискуссии и бурные дебаты, которые, порой, длились несколько дней. Вынужденное многолетнее сосуществование время от времени могло отмечаться и какими-то малоприятными проявлениями неводержанности. Но, как правило, зекам удавалось мирно жить - без лишних осложнений, и порой даже крепко дружить. Пятидесятники и православные священники, католики и протестанты,

националисты и космополиты, демократы и монархисты - все находили общий язык. Это обстоятельство является ярким доказательством того, что чем выше культурный, образовательный уровень людей, чем шире их кругозор и мировоззрение, чем более аутентичны их личности, тем терпимее общество, которое они образуют и тем комфортнее среда их обитания.

Посмотрите, насколько сложна наша жизнь сегодня. Уже прошло более 25 лет с того момента, когда мы объявили о своем твердом намерении построить демократический общественный строй, но в плане общественных взаимоотношений, в плане взаимосвязи человек-государство, человек-общество, мы застряли на прежнем советском уровне. А в некоторых случаях можно говорить даже о регрессе. При разработке модели общественного сосуществования акцент должен делаться на повышении образовательного ценза и расширении горизонтов мышления человека. Человек должен самым глубоким образом осознавать свои права и верить в то, что он лично представляет собой серьезную ценность, а также - помнить о том, что и человек, стоящий перед ним, обладает теми же правами, и что его собственные права ограничены правами этого человека. Это знание не должно оставаться на уровне обычного знания, а должно превратиться в убеждение, оно должно стать мировоззрением. Прививать это мировоззрение следует человеку с самых малых лет - со школьной скамьи. А в наших школах учат, наверное, многому, но только не тому, как стать гражданином.

Большая колония 37-й зоны, была немногочисленной. Там было всего около 20–30 зеков. Еще меньше зеков содержалось в малой колонии той же 37-й зоны. Число зеков обеих колоний, наверное, не превышало 50 человек. Зоны под номерами 35 и 36 были значительно больше, и они были многочисленнее. Но, как бы то ни было, в плане количества заключенных политические лагеря существенным образом уступали уголовным. В уголовных зонах содержалось по 2–3 тысячи зеков. Малочисленность политзоны способствовала соблюдению чистоты и порядка на территории лагеря. Когда на зоне мало человек, то становится намного легче поддерживать санитарно-гигиенические нормы. Большая колония 37-й зоны, фактически, была для меня первой, и запомнилась она намного лучше, чем все последующие. Изначально эта зона была самой пассивной из всех существующих. Активных зеков там не было. Акции протеста там не проводились. Если возникала необходимость изолировать какого-нибудь активного политзека из 35-й или 36-й зоны, но в тюрьму его посылать было еще рановато, то такого зека переводили, в 37-ю зону, где он окруженный пассивными зеками просто тосковал. Но в 1980-х в этот лагерь начинают привозить таких людей, которые, собравшись вместе, потихоньку меняют аморфное настроение зоны. Уже в 1981 году там собралось более десяти весьма активных политзеков. Если учесть, то обстоятельство, что на зоне было всего около тридцати зеков, значительную часть коих составляли старики, то становится понятно, какое серьезное качественное изменение там произошло. Под активным зеком подразумевался человек, который вопреки ожидаемым преследованиям был готов отстаивать как свои права, так и права других зеков, и не мог спокойно мириться с произволом и несправедливостью.

Обе части - большая и малая, 37-й зоны имели один общий штрафной изолятор и общую рабочую зону, в которой зеки из двух лагерей работали посменно. По сути, эта зона в свое время представляла собой один большой лагерь, но с целью решения неких оперативных задач, да и просто - для того, чтобы еще больше усложнить жизнь зеков, в 1978 году она была разделена на две неравные части. Однако благодаря общей рабочей зоне двум лагерям удавалось поддерживать тайную связь. Мы с Юрием Орловым - известным советским диссидентом, руководителем Московской Хельсинской группы, физиком, член-корреспондентом Академии наук Армянской ССР, находящимся в маленькой колонии 37-й зоны, работали в качестве токарей на одном станке, сменяя друг друга. Орлов очень сблизился с Марзпетом. Их дружба продолжалась и на воле, когда оба находились уже в США. Так вот, на общем нашем станке мы соорудили что-то вроде маленького тайничка, в котором можно было прятать записки, таким образом велась активная переписка, и между двумя частями нашей зоны поддерживалась постоянная связь.

История политзоны полна знаменательными эпизодами и яркими персонажами. Событиями и героями, о которых старожилы рассказывали новичкам и которые запоминаются на долго, и в дальнейшем становятся отличным материалом для мемуаров. К таким рассказам относится история Норика Григоряна. Пожалуй, это был первый захватывающий рассказ, который я услышал на зоне. Норик был осужден за шпионаж.

Норик Григорян

Отец Норика был высокопоставленным сотрудником министерства сельского хозяйства Армянской ССР и ортодоксальным коммунистом. В министерстве, как это случается постоянно, были обнаружены крупные хищения, и всю вину свалили на отца Норика, который к преступлению не имел никакого отношения. Норик же в этот период работал в Комитете государственной безопасности. Воспользовавшись имеющимися возможностями и связями Норик проводит собственное расследование и убеждается в том, что отец действительно не виновен. Он начинает предпринимать активные действия для пересмотра уголовного дела своего невиновного отца. В скором времени, однако, он понимает, что в Армении добиться справедливости невозможно, ибо, несмотря на то, что о невиновности его отца было известно практически всем соответствующим чиновникам, органам был необходим человек, которого следовало осудить и закрыть это скандальное дело. Тогда Норик едет в Москву. Встречается с различными высокопоставленными чиновниками и генералами КГБ, рассказывает им историю своего отца, и вскоре понимает, что и там не заинтересованы в пересмотре этого дела. Столкнувшись с советской действительностью и окончательно впав в отчаянье, Норик решает отомстить. По долгу службы ему нужно было следить за одним американским шпионом, который работал в СССР и в тот период посетил Армению. Он выходит на связь с этим шпионом и начинает работать на Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США. Нужно отомстить Советскому Союзу. Таким был его девиз и на зоне. В 1975

году Норика арестовывают и осуждают на 12 лет лишения свободы, из коих 3 года он должен был находиться под тюремным режимом - во владимирской тюрьме.

Примечательно, что после осуждения Норика, советские соответствующие структуры приступают к изучению дела его отца и, выяснив, что тот невиновен, освобождают его. Фактически, Норик добился пересмотра отцовского дела, но слишком дорого за это заплатил. Пару лет назад Норик написал мемуары, в которых изложил всю эту историю очень подробно, и опубликовал в социальной сети - Фейсбуке. Желающие могут ознакомиться с его книгой. Я уверен, что это будет интересное чтение.

В 1978 году, отсидев свой срок в тюремном режиме, Норика переводят на 37-ю зону. Еще во владимирской тюрьме сотрудники КГБ пытались оказать давление на Норика, чтобы склонить его к дальнейшему сотрудничеству на зоне, так сказать, «по старой дружбе», но Норик наотрез отказался от этого предложения. Однако попытки бывших его коллег продолжались и на зоне. Как-то возвращаясь с очередной «беседы» с чекистом, Норик замечает, как одного из молодых зекаов, Славика, ведут к контрольно-пропускному пункту лагеря. Пробыв там некоторое время, Славик возвращается на территорию зоны и заводит беседу с Нориком, а в процессе разговора начинает задавать собеседнику такие вопросы, которые вызывают подозрения последнего. Норик отводит Славика в сторонку, снимает с него бушлат, обыскивает его и обнаруживает микрофон с передатчиком. Славик, ясное дело, предстает перед позорным фактом. Вынужденно он признается Нориком в том, что работает на чекистов. А Норик понимает, что ему, наконец, подвернулся весьма подходящий повод раз и навсегда избавиться от назойливых притязаний чекистов. Он предлагает Славика рассказать о своей истории в присутствии всех собравшихся зеков. Добившись от подавленного Славика согласия, Норик собирает зеков и в их присутствии Славик признается в том, что его завербовали чекисты, подробно рассказывает о том, как он занимался наушничеством и доносительством, а также - заявляет о своем раскаянии и обещает впредь так не поступать. По всей видимости, образовалась соответствующая атмосфера. Выслушав признание Славика, поднимается зек из Петербурга и объявляет, что он так же завербован чекистами, и это обстоятельство всегда причиняло ему невероятную боль, но если раньше он не видел другого выхода, то вот теперь, услышав признание Славика, он понял, что выход есть. Это может показаться невероятным, но вслед за петербуржцем встает третий зек и выражает примерно аналогичную мысль. Для обслуживающего зону сотрудника КГБ более грандиозного провала и представить невозможно. Мало того, что в руки Норика попало подслушивающее устройство, так еще и сразу трое его агентов публично разоблачились и дали обещание больше не сотрудничать с ним. Прежде всего чекист просит Норика вернуть ему устройство в целости и сохранности. Норик, разумеется, возвращает. В качестве наказания Норика сначала отправляют в карцер, а затем - в 36-ю зону. Петербуржец и другой в дальнейшем стали очень правильными зеками, а Славика чуть позже перевели в Мордовию. Свои 12 лет Норик на зоне отсидел как честный и чрезвычайно активный зек. Каждый год в день своего ареста Норик писал письмо в Президиум Верховного Совета СССР с

заявлением об отказе от советского гражданства. Это была своего рода акция протеста, которую он придумал сам. Он участвовал практически во всех акциях на зоне. Я встретился с Нориком спустя два года в 35-й зоне, где мы стали близкими друзьями, а затем отбывали срок некоторое время вместе на 36-й зоне. В 1990-ие он умудрился три года отсидеть и в американской тюрьме. Сегодня он проживает в Ереване. Жизнь Норика Григоряна напоминает сюжет фильма в стиле захватывающего триллера.

Виталий Шевченко

Пан Виталий - так мы к нему обращались. Родился в 1934 году. Закончил факультет журналистики Киевского университета в 1956 году. После ареста редактора подпольного «Українського вісника» Вячеслава Чорновола в 1974 году за издание и тиражирование вестника взялся Степан Хмара. Позже к Хмаре подключились киевские журналисты Олесь и Виталий Шевченко. По натуре пан Виталий ярким борцом не являлся, он скорее был мыслящим человеком, вольнодумцем. Акции протеста, препирания и перепалки с администрацией зоны, длительные изоляции в ШИЗО — все это противоречило его естеству, однако будучи человеком бесконечно честным и благородным, он пользовался всеобщей любовью и уважением. Пан Виталий считал своим долгом помогать зекам, которые оказывались в штрафном изоляторе, непременно делился с ними своей едой, чтобы те поскорее набирались сил после ШИЗО. Умел хранить тайны и был очень надежным человеком. Он был совершенно не приспособлен к тем трудностям, которые преподнесла ему жизнь. Светлый и располагающий к труду кабинет редакции, а вовсе не зона, был его настоящим местом.

- Пан Виталий, если Вас отправят на необитаемый остров с целым ящиком консервов и консервным ножом, то Вы умрёте от голода, поскольку не сможете открыть эти банки, - шутили мы.

- Ну, что же тут поделаешь, - всплеснув руками, виновато улыбался он, - таков уж я. Все свободное время он проводил за чтением – читал, либо сидя в бараке, - когда было холодно снаружи, либо выходил с книгой наружу, когда становилось теплее.

-Пан Виталий, сколько же раз в год можно перечитывать Ивана Франко?

- Один раз в месяц, дорогой Вардан, чем же еще здесь заниматься?

Это было в 1992 или в 1993 году. Я находился в Киеве по какому-то делу. С последней нашей встречи прошло 10 лет. Я позвонил.

- Добрый день, пан Виталий, как Вы?

Он сразу узнал меня.

- Вардан, дорогой, где ты находишься?

- Пан Виталий, я в Киеве, остановился в гостинице «Украина», но для того, чтобы приехать к Вам, я слишком плохо знаю город. Вам придется приехать ко мне самому.

- Нет, нет! Приедешь именно ты, и - ко мне домой. Сегодня ты мой гость.

- Пан Виталий, в гостинице есть все условия, мне бы не хотелось ...

- Ни слова больше. Я жду.

Он подробно объяснил место и время нашей встречи. Мы встретились и провели весь день у него дома за беседой. Спать улеглись очень поздно - наверное, уже на рассвете. Через пару часов вместе вышли на улицу. Я - в гостиницу, а он - на работу. Он был ответственным секретарем православной газеты «Наша вера». Зайдя в метро, он вытащил из портфеля книгу.

- Пан Виталий, опять?

Улыбнулся виновато, как и прежде, и сказал:

- Нет, я начну читать, когда ты выйдешь. А чем же еще заняться - ехать-то долго.

Пан Виталий умер в 2012 году.

Когда я пишу «был осужден за шпионаж», то, возможно, читатель ассоциирует их с персонажами из известных шпионских фильмов или детективных романов. Были, разумеется, и реальные шпионы. Люди, которые работали в советских разведывательных структурах, затем - по различным причинам решили сотрудничать с разведкой США или других стран. Некоторых арестовывали, как арестовали, например, Норика, а некоторым удавалось сбежать за границу, и тогда советская разведка, пыталась этих людей вернуть - путем обмана, шантажа и других ухищрений. И когда им удавалось, наконец, вернуть этих людей, то на родине их, разумеется, осуждали. Как правило, таких шпионов приговаривали за измену к расстрелу. Однако если они владели серьезной секретной информацией, то, порой, благодаря этим сведениям, они спасали свои жизни - в обмен на информацию. Некоторые соглашались вести двойную игру - с помощью дезинформации путать и вводить в заблуждение соперника. Такое соглашение могло вполне служить надежным способом спасти свою жизнь. Например, именно таким образом Норика Григоряну удалось избежать расстрела. Точно таким же или примерно аналогичным образом спаслись и другие шпионы.

Но таких серьезных случаев было не много. Намного чаще в результате сфабрикованного обвинения в шпионаже на зону попадали молодые люди. Скажем, молодой человек работает на некоем закрытом или полусекретном предприятии и задумывает продать секретные сведения какой-нибудь разведке. Как правило, уже на самой ранней стадии сбора секретной информации спецслужбы устанавливают над этим молодым человеком наблюдение. Это делается легко. Во-первых, вокруг полно доносчиков, а во-вторых, сразу становится заметно, когда человек начинает слишком тщательно изучать или интересоваться неким процессом или предметом, который не входит в список его непосредственных служебных обязанностей. И вот тогда организуется встреча между предприимчивым молодым человеком и с

советским контрразведчиком, который бегло разговаривает на английском (или французском, немецком) языке. Затем наивного парня арестовывают и осуждают, как правило, на 12 лет. По непонятной мне причине, в этих случаях назначался именно такой срок заключения - 10–12 лет. Именно таким образом был осужден Юра Сугучев. Он встретился с бегло говорящим на французском языке «мсье Жаком», и эта встреча обошлась ему в двенадцатилетний срок. Советские спецслужбы, несомненно, могли с легкостью на самой ранней стадии предотвращать большинство подобных попыток. Таких молодых людей, как Юра, в Советском Союзе было много, и соответствующие советские структуры вполне могли ограничиваться превентивными мерами - например, вызывать их к себе и вести с ними профилактические беседы, объясняя, что так поступать нельзя, и подобный поступок чреват более жесткими последствиями. В конце концов, при необходимости они могли устанавливать специальный надзор за деятельностью этих молодых людей. И тогда на зону, да еще и - на столь длительные сроки, не попадало бы в таком большом количестве совершенно еще молодых людей. Но в таком случае Советский Союз не был Советским Союзом. Ведь вся суть системы заключалась в расправах и устрашении. А сотрудники соответствующих советских структур и органов, которые разоблачали молодых несостоявшихся «шпионов», разумеется, получали за это награды, повышались в чинах и мнили себя гениальными сыщиками и контрразведчиками.

Николай Ивлюшкин

За шпионаж был осужден и Николай Ивлюшкин - мой друг Коля. Молодого парня, находящегося на службе в армии, обвинили в том, что он «собирал информацию с целью передачи в одну из иностранных разведывательных служб». Виной всему послужили интерес солдата срочника к технике, импортные сигареты, индийский чай и газета британских коммунистов Morning Star, которую родители регулярно посылали ему для того, чтобы он, находясь в армии, не забывал английский язык. Едва ли в рядах советской армии в 1976–1978 годах нашелся бы солдат, вызывающий большее подозрение, чем Коля. Он был самым настоящим кандидатом в шпионы. Знает английский, курит «Мальборо», интересуется техникой, с которой ему предстоит работать два года, пьет кофе и индийский чай. Сослуживцы постоянно писали на него доносы, которые всплыли в ходе предварительного следствия и послужили основой для обвинения, а он своих сослуживцев постоянно угощал полученными из дома гостинцами - сигаретами, кофе и чаем. Пили чай, беседовали, шутили и смеялись, а затем расходились и писали доносы на Колю. Так следствию и не удалось выяснить, кому же собирался Коля передать информацию. Видимо, они и сами понимали, что дело не серьезное, поэтому и осудили его не на 12 лет, как это делалось обычно, а на 6 лет, из коих два года ему следовало провести в тюремном режиме. Вместе с Колей осудили и его друзей - Андрея Богина, который отбывал свой срок в малом лагере 37-й зоны, и находящегося в 35-й зоне Володю Богачева. В 1981 году, после двух лет тюремного заключения, Колю привезли в 37-ю зону.

Забегая вперед, сообщу, что еще во время существования Союза - в 1989–90 годах, по причине отсутствия состава преступления Колю Ивлиюшкина, Богина и Богачева оправдали.

Коля был одним из самых активных зеков лагеря. Участвовал во всех акциях протеста. Не боялся ни камеры ШИЗО, ни ПКТ (помещение камерного типа), где при желании начальства лагеря, людей могли держать до 6 месяцев. В 1982 году режим содержания Коли вновь ужесточили и его перевели в чистопольскую тюрьму. Колю должны были освободить в 1984 году, но за 4 месяца до этого, в августе, его вновь приговорили к трем годам лишения свободы по статье 188–3 – «несоблюдение требований администрации исправительно-трудового учреждения». В Уголовный кодекс эта статья была введена в 1983 году, когда главой СССР являлся Андропов. Несоблюдение требований администрации зоны, систематические нарушения на зоне – все деяния подобного рода с 1983 года стали квалифицироваться в качестве уголовного преступления и, несмотря на то обстоятельства, что за эти деяния осужденный уже отсидел соответствующие сроки в ШИЗО лагеря, был лишен свиданий и был подвергнут всевозможным наказаниям, после окончания своего срока наказания он мог быть вновь осужден на три года на основании одной лишь справки из администрации зоны или тюрьмы. Как только эта статья вошла в силу, ее сразу же стали применять в отношении политзеков. Она, несомненно, предусматривалась именно для политзеков. По всей видимости, советская власть надеялась таким образом избавиться от необходимости фабриковать многочисленные уголовные дела. До февраля 1986 года Коля отбывал срок в лагере Архангелской области. В горбачевскую перестройку этот его приговор отменяется. И вот наконец Коля, который в 1976 году отправился служить в армию на два года, возвращается домой - через 10 лет.

Был в лагере N 37 еще один активный зек - Иван Извеков (1958 года рождения). Министру обороны СССР Устинову в честь дня рождения вручили очередное звание Героя Советского Союза. На постаменте памятника Устинову - в его родном Куйбышеве, лежат свежие цветы. А на рассвете в городе раздается мощный взрыв. Взорван бюст Устинова. Но взрывную волну рассчитали неверно, и бюст не свалился с постамента, а повернулся на 45 градусов. Не сложно себе представить, каким хорошим поводом для насмешек стало это обстоятельство. Еще вечером, когда горожане ложились спать, бюст министра обороны смотрел строго на Восток, а как проснулись утром - он уже смотрит на Юг. Так и записали в обвинительном заключении Вани: «В результате взрыва бюст одного из членов Политбюро Советского Союза повернулся на 45 градусов». Иван принадлежал к числу людей, которые без поддержки, оставаясь в одиночестве, очень быстро теряются. Таких людей не мало. Когда на зоне стали развиваться события, вынудившие администрацию разбросать нас по разным лагерям, то его из 37-й зоны увезли в другой лагерь. На некоторое время он остался один. Что с ним произошло в этот период, неизвестно. Когда меня перевели в 35-ю зону, то я был очень рад прежде всего тому, что там же находился и Ваня. Но в очень скором времени

выяснилось, что он сильно изменился. Это был больше не тот Ваня, которого я знал. Он был сломлен, подавлен и стал совершенно обычным зеком, словом, мы отдалились друг от друга, перестали общаться. После своего освобождения Иван вернулся в родной город - Самару, где, к сожалению, умер.

Анатолий Корягин

Я уже писал ранее о том, что на этапе мы познакомились с Антолием Корягиным. Он был первым врачом, который осмотрел Марзпета. Корягин был психиатром. В советские время КГБ часто инакомыслящих отправлял в психиатрические больницы. В Стране Советов существовало убеждение, что психически здоровый человек не может быть против советской власти. Тысячи известных и неизвестных инакомыслящих были заперты в психиатрических клиниках. В Армении дважды в психиатрическую больницу был отправлен известный языковед и диссидент Эдмонд Аветян. В 1969 году туда отправили и Марзпета Арутюняна. На принудительное лечение в психбольницу была отправлена и член Армянской Хельсинской группы, правозащитница Сирвард Авагян. В Советском Союзе эта практика была весьма распространенной. Находящихся в психбольницах диссидентов подвергали, принудительному лечению и вводили им такие препараты, которые превращали совершенно здорового человека в тяжело больного. Психиатры послушно выдавали такие эпикризы, какие от них требовал КГБ. Но встречались и принципиальные врачи, которые рискуя карьерой, а порой - свободой, отказывались писать лживые эпикризы. К числу таких врачей и относился психиатр Анатолий Корягин. Он родился в 1938 году и работал в Харькове. Чекисты требовали от Корягина выдать такое заключение о состоянии здоровья диссидента Алексея Никитина, которое должно было послужить основанием для длительной изоляции диссидента в психиатрической больнице. Обследовав Никитина, Корягин приходит к заключению, что он является здоровым человеком, и отказывается писать ложный эпикриз. Более того, он пишет правдивое заключение, в котором утверждает, что данный человек абсолютно здоров. Эти сведения распространяют зарубежные СМИ. Затем Корягин пишет статью «Пациенты поневоле» и передает ее на Запад для публикации.

В феврале 1981 года Корягин был арестован за антисоветскую агитацию и пропаганду и в том же году по этой же статье был приговорён к максимальному сроку отбывания наказания - 7 годам лагерей и 5 годам ссылки.

Когда Анатолий Корягин находился в лагере Ассамблея Всемирной психиатрической ассоциации приняла резолюцию о присвоении ему статуса персонального почётного члена Всемирной психиатрической ассоциации. Помимо многочисленных правозащитных организаций, его защитой занимались так же американская, норвежская, шведская, французская психиатрические ассоциации. В самый разгар акций протеста на зоне - летом 1982 года, режим содержания Корягина ужесточили и его перевели в тюрьму в Чистополе. В 1987 году он вышел на волю и

переехал в Швейцарию. В 1995 году Анатолий Корягин вернулся в Россию, где и проживает по сей день.

Глеб Якунин

Глеб Павлович Якунин родился в 1934 году. Он был православным священником и самым знаменитым политзеком на нашей зоне. Священнослужителем он стал под влиянием Александра Меня. Свою диссидентскую деятельность Якунин начал в 1960-х. Занимался защитой прав верующих. Протестовал против гонений на церковь со стороны советской власти. В 1979 году был арестован и осуждён по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки. Ссылка Якунина находилась в Якутии, а моя - в Магадане. На бескрайних дальневосточных просторах, где тысяча километров - пустяковое расстояние, мы с Якуниным могли считаться соседями. Однажды я получил письмо из Якутии - из поселка со странным названием Ыныкчан. Оно было от Глеба Павловича. По своим московским каналам он разузнал о моем местонахождении и написал мне. Я ответил и попросил его прислать мне Евангелие. И вот по его поручению мне выслали из Москвы первую в моей жизни Библию. Это было в 1986 году. Секретарь компартии нашего поселка, узнав, по всей видимости, от сотрудников почты, о моей посылке, зашел как-то поздним вечером ко мне и попросил дать ему Библию на время - почитать. Начинался процесс становление коммунистов верующими. Я дал.

Глеб Павлович был невероятно искренним, эмоциональным и, в какой-то степени, наивным человеком. Иду я как-то по зоне спокойно, а он бежит навстречу, крепко обнимает и радостно сообщает:

- Вардан! Вардан! Поздравляю, скоро мы выйдем на свободу!

Я стою в удивлении. Оказывается - умер Брежнев и дорогой наш Глеб Павлович решил, что все – конец Советам. Хотя, в каком-то смысле он ведь оказался прав. Смерть Брежнева стала роковой и первой в череде смертей всех последующих генсеков, - сразу после этой череды явился Горбачев, а это было уже на закате советской империи.

В 1987 году Глеба Якунина освободили. Мой срок заканчивался в 1988 году, именно в 1988-м я и был освобожден. Я находился в Москве. Встречался с друзьями. Паруйр был вновь осужден, и я пытался создать международный комитет по его защите. Всего за пару дней был создан комитет, который немедленно выступил с заявлением. Американское посольство в Москве организовало аудиенцию, и я был приглашен в числе 3–4 бывших политзаключенных. Как только я переступил порог посольства, меня кто-то крепко обнял. Это был Глеб Якунин.

- Какие же вы, армяне, молодцы! Я был уверен, что ты не станешь писать прошение о досрочном освобождении.

Наивный Глеб не знал, что кроме меня другие армяне, которые в то время находились в зонах, давно писали прошения и вышли.

Позже он стал депутатом Государственной Думы России. Как-то - то ли в 1991 году, то ли в 1992-м, я вновь оказался в Москве и позвонил ему.

- Скажи, где ты находишься, я на машине, еду за тобой. Поедем ко мне.

Мы встретились, хорошо посидели у него в доме, выпили вина, побеседовали и разошлись. В начале 1990-х я несколько раз встречался с Глебом Павловичем, так как в первые годы Карабахского конфликта, мне приходилось часто бывать в Москве, где я встречался с азербайджанскими коллегами, общественными деятелями, и мы вели переговоры по поводу обмена пленными и обсуждали другие гуманитарные вопросы.

В 1994-м или 1993 году в Тбилиси проходила конференция. Армению на этой конференции представляли Азат Аршакян и я. Из России участвовали Глеб Якунин и известный правозащитник Валерий Борцов. После конференции мы вместе отправились в Ереван. Была зима. Мы ехали по дилижанской трассе, а он все глядел в окно, не отрываясь, и повторял:

- Боже мой, Якутия! Это же моя Якутия, как же здесь все похоже на Якутию!

«Кто услышал зов Востока, вечно помнит этот зов» - писал Киплинг. Я считаю, что эти слова в полной мере могут отражать и отношение к Дальнему Востоку. Ибо невозможно не полюбить этот край навеки и не скучать по нему, если хоть раз посчастливилось увидеть его чарующую и совершенно неповторимую красоту.

В декабре 2014 года в возрасте 80 лет Глеб Павлович Якунин скончался.

Марк Аронович Морозов

Марк Морозов был математиком, кандидатом наук. На долю этого человека выпали такие испытания, справиться с которыми он оказался не в силах. Возможно, он и сам не рассчитал свои силы, взвалив на себя непосильную ношу. Этот маленький, болезненный и невероятно истощенный человек был 1931 года рождения. В свое время он был весьма многообещающим ученым, но с какого-то момента больше не мог мириться с царящей в стране ситуацией и начал интересоваться, а затем и распространять самиздатскую литературу. В 1975-1976гг. Марк Морозов разворачивает активную деятельность в Москве. В скором времени он, разумеется, оказывается в центре внимания КГБ. Заняться Морозовым КГБ поручает сотруднику Виктору Орехову. По долгу службы Орехову приходилось часто общаться с советскими диссидентами, и ему всегда было любопытно, почему эти яркие, перспективные люди так рискуют, жертвуют своей карьерой, спокойной и обеспеченной жизнью, а порой - свободой. Специфика службы предоставила Орехову возможность читать самиздат. Словом, в результате всего этого происходит невероятное - в чекисте пробуждается ЧЕЛОВЕК. Единственным диссидентом, с которым Орехов мог встречаться, не вызывая никакого подозрения, являлся на тот момент именно Морозов. Ведь начальство само поручило Орехову завоевать доверие Морозова и поддерживать с ним постоянную связь. И вот через Морозова Орехов

начинает передавать диссидентам сведения об ожидающихся обысках и арестах. Конечно, в какой-то момент в КГБ начинают догадываться о том, что происходит утечка важной информации, но никак не удается выявить сам источник. В ноябре 1978 года задерживают Марка Морозова. Не каждый психологически готов к аресту. Далеко не все воспринимают арест как естественное продолжение своей диссидентской деятельности. Бывает и так, что, оказавшись впервые за решеткой, человек впадает в отчаяние и воспринимает эту ситуацию как провал, как личную катастрофу и конец света. Такие люди быстро ломаются. Они утрачивают способность рассуждать трезво и правильно оценивать, как собственное поведение, так и поведение других людей и последствия своих поступков. Они запутываются и теряют силу воли. Именно в таком состоянии находился Морозов во время первого своего заключения. Он потерял всякую способность защищаться и сопротивляться. В результате он дал все требуемые показания и выдал всех, с кем взаимодействовал. В том числе, естественно, выдал и Орехова. Военный трибунал приговорил Орехова к 9 годам заключения. Орехов отсидел весь свой срок и вышел на свободу в 1987 году, а в 1990-их годах эмигрировал в США. Морозова же приговорили к 5 годам ссылки и отправили в Воркуту. Однако в ссылке Морозов выходит из оцепенения и кардинально переоценивает свое поведение. Придя в ужас от собственного поступка заявляет, что осознает свою вину и искренне сожалеет о проявленном во время предварительного следствия и судебного разбирательства малодушии. Вновь принимается активным образом распространять самиздат. В 1980 году его арестовывают снова, а в 1981 году осуждают уже по второй части той же 70-й статьи и приговаривают к 8 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.

На зоне, конечно, все знали о его истории. И это обстоятельство играло несколько сдерживающую роль в плане общения, но мы старались проявлять снисходительность и не задавать лишних вопросов. В конце концов, этот человек раскаялся в своем поступке, и что важнее всего - тянул свой громадный срок, будучи очень больным. Он всячески старался принимать участие в протестных акциях, участвовать в противостоянии зона-администрация, постоянно вступал в конфликты с начальством лагеря. Спустя некоторое время его от нас увезли.

Я встретился с ним вновь уже на 35-й зоне. Его поведение, по сути, не изменилось. Точно такие же крайне напряженные взаимоотношения с администрацией. Точно такие же, не враждебные, но довольно прохладные взаимоотношения с политзеками. В отличие от 37-й зоны, здесь со стороны администрации его притесняли самым неприкрытым образом. Болезни довели его до полного изнеможения, но никто и не думал смягчать оказываемого на него давление. Очень часто Морозова отправляли в ШИЗО без какой-либо причины. С помощью своих агентов они всячески усложняли его и без того тяжелое существование. От отчаяния он часто прибегал к голодовкам. К нашим призывам побережь свои силы и не конфликтовать с администрацией на пустом месте он относился с пониманием, но сдерживать себя не мог. Такая у него была натура. Известный украинский диссидент Степан Хмара был стоматологом по профессии. Однажды мы с ним прогуливались по территории зоны, к нам подошел Морозов.

- Степан, у меня зуб разболелся, посмотришь?

Степан, воспользовавшись солнечным светом, взглянул ему в рот и мрачно констатировал:

- Марк Аронович, да у тебя во рту всего 5–6 зубов, и все - на удаление. Здесь и смотреть нечего.

Марк Аронович стоял, понурился.

- Марк Аронович, как же ты ешь?

- Вардан, разве я похож на человека, который ест?

Однажды Морозов в очередной раз вступил в перепалку с контролерами. Он был в ярости. А они специально продолжали провоцировать и подзадоривать его своей беспардонной грубостью и издевательскими придирками. Взбешенный и доведенный до отчаянья Морозов схватил что-то острое и полоснул острием по своим венам. Заметив конфликта, я направился в их сторону. Пока я дошел до них, Морозов уже вскрыл себе вены, и я не успел предотвратить этого. Охранник, который довел его до безумия, невозмутимо ретировался. Видимо за врачом. Я же пытался как-то перевязать руку Ароновича, но тот не позволял. Я понимал, что это не смертельный случай, но надо было остановить кровотечение, а Морозов отчаянно сопротивлялся. Его сопротивление лишь усиливало кровотечение, поэтому я решил прекратить свои попытки. По моим расчётам кровь должна была вот-вот свернуться, но она все текла и текла - медленно, не думая сворачиваться, а врача все не было. Один из зеков побежал к охранникам, вернувшись сообщил, что охранники стоят возле выхода беседуют, смеются и ждут врача, мол как тот появится, они с ним придут. Морозов стал слабеть. Голова его склонилась к груди, он медленно опустился на подушку. Наконец явился так называемый врач и Морозова уложили на носилки. Я не знаю, что чувствовал в тот момент Морозов, но приоткрыв глаза и увидев меня, идущего рядом, тихо прошептал:

- Вардан, я ухожу.

Он, конечно, не ушел. Выжил и продолжал вести себя точно так же, как и до этого случая. Невообразимо жестокими были советские чекисты. Я не знаю, какими сегодня являются их приемники, но жестокость тех чекистов порой просто вводила человека в ступор своей необъяснимостью. Их невероятная жестокость являлась самоцелью. Побуждаемые одной лишь жадной мести, они решили обречь Морозова на длительные годы мучения и медленную смерть. Задача эта выполнялась самым неприкрытым образом, и никто не мог препятствовать этому. Жизнь Морозова была сущим адом, но он никому не рассказывал о своих личных проблемах, никогда не жаловался на жизнь. Пожалуй, никто из нас не мог и представить, что творилось у него в душе.

Я часто заводил с ним беседу. Хотел, чтобы он не чувствовал себя одиноким. А он всякий раз радовался как ребенок, услышав от меня:

- Пройдемся, Марк Аронович? Есть разговор.

Но позже его режим ужесточили, и этого совершенно больного, истощенного человека, который не мог пройти и шага без палки, которого безумно терзала постоянная боль в позвоночнике, человека, который не имел возможности даже толком есть, переправили в чистопольскую тюрьму, в которой он и умер в 1986 году.

Пусть никто не мнит себя судьей. Кто может сопоставить его ошибку с теми муками, которые он пережил в результате этой ошибки? И сопоставимы ли они вообще? Если каждый человек должен платить за свои ошибки, то Марк Аронович Морозов заплатил за свою - сполна. Пусть душа его обретет покой так же, как успокоилось в августе 1986 года его измученное болезнями тело.

Аркадий Цурков

Аркадий Цурков - наш Аркаша, марксист, был из Ленинграда. Точнее – был марксистом до ареста. Являлся членом марксистского кружка. Когда в 2007 году я встретился с ним в Иерусалиме, он уже носил кипу, был верующим евреем и преподавал математику в одном из университетов Израиля. Родился Аркадий в 1958 году. В 1978 году был задержан, затем осужден за антисоветскую агитацию и пропаганду и приговорен к 5 годам заключения и 2 годам ссылки. Среди политзеков были марксисты, коммунисты и другие представители левых движений. Это были люди, которые верили в коммунистическую идеологию и считали, что советская власть предала идеи истинного марксизма и ленинизма и движется в совершенно ином направлении. Вообще в Советском Союзе было не мало приверженцев троцкизма, маоизма и иных подобных течений. Эти люди формировали подпольные кружки, организации, распространяли листовки и брошюры с соответствующим содержанием. Несмотря на отсутствие принципиальных идеологических разногласий, советская власть подвергала этих людей жестким репрессиям не в меньшей степени, чем прочих инакомыслящих. В 36-й зоне, например, находился токарь из Самары Григорий Исаев, 1943 года рождения. Он был убежденным марксистом, говорил о диктатуре пролетариата, о не советской, а настоящей коммунистической партии и так далее. В 1976 году Гриша вместе со своим товарищем и идейным лидером Алексеем Разлацким основывают в Куйбышеве (Самара) организацию под названием «Партия диктатуры пролетариата». Разлацкий писал программные статьи, а Гриша с другими членами организации распространяли их на заводах. Организовались даже забастовки. В 1980 году КГБ разоблачил эту организацию. В 1981 году лидеры подпольной организации Григорий Исаев и Алексей Разлацкий были задержаны и осуждены. Исаева приговорили к 6 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, а Разлацкина к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. Мы подружились с Гришей и очень часто беседовали друг с другом. Сегодня он проживает в родной Самаре, остался верен своим убеждениям, и мы поддерживаем связь с помощью социальной сети - Фейсбук. Даже фотография Гриши в профиле Фейсбука выдержана в пролетарском духе. Учитывая то обстоятельство, что он был токарем, я его в шутку называл

Бибелем. Август Бибель - крупнейшая фигура социал-демократического движения, как известно, так же являлся по профессии токарем.

В отличие от Гриши Исаева, для Аркадия Цуркова левые убеждения вовсе не являлись догматичными. Он был очень молод и восприимчив к новизне, не был против того, чтобы пересмотреть свои представления о коммунистической идее.

Долго я раздумывал над тем, как же мне описать этого почти двухметрового, медлительного, несколько рассеянного парня в очках с толстенными линзами так, чтобы читатель смог во всех красках представить весьма интересный его образ. И в этом мне в помощь поспешил Натан Щаранский. Пожалуй, невозможно описать Аркадия лучше, чем это сделал он. «Аркаша был неуклюжим парнем, он плохо видел, куда идет, на что наступает. Все в камере: и стол, и лавка, и нары – накрепко привинчено к полу, не сдвинешь, однако, когда по ней расхаживал Цурков, все гремело, тряслось, что-то падало и разбивалось. Я в такие минуты поспешно забираюсь с ногами на нары: как бы не зашиб! Впрочем, мне это даже нравилось: приятно было думать, что я далеко не самое неловкое создание на свете, как всегда утверждали мои близкие».

Таким был Аркадий на зоне. Но одно дело - лагерь, где полно пространства, и совсем другое - маленькая камера в тюрьме. В камере всегда присутствует определенная степень напряжения. Вынужденное сосуществование в очень ограниченном пространстве всегда приводит к некоторой напряженности. И лишь остается мечтать о том, чтобы твой сокамерник был настолько толерантным и великодушным человеком, чтобы равнодушно сносить все твои выходки и своеобразные привычки.

Почтовый ящик, в который мы бросали наши письма в открытых конвертах, ибо с содержанием письма до его отправки непременно должен был ознакомиться цензор, находился на втором этаже жилой зоны. Аркадий поднимается наверх с письмом в руках, подходит к почтовому ящику, чтобы опустить в него свое письмо, но оно никак не влезает в щель. Плохо видящий Аркаша пытается осмотреть щель для письма, дабы понять, что же там ему мешает. И тут он замечает, что из щели торчит краешек какой-то бумаги. Он вытягивает эту бумагу и - вот тебе на - выдворяет из недр ящика конверт формата А4. Такого на зоне быть никак не могло. Не существовало и не могло существовать конвертов и бумаг подобных размеров и форматов на зоне. А тем временем - на конверте красовалось: «КГБ». Все это происходило то ли в конце весны, то ли в самом начале лета 1982 года. Аркадий находит укромное местечко и вскрывает таинственный конверт. А в нем - письмо, адресованное редакции «Литературная газета». Молодежь, конечно, может и не знать об этом, но люди, жившие в Советском Союзе, должны помнить о том, что в «Литературная газете», публиковались так называемые коллективные открытые письма, осуждающие диссидентов. Там публиковались письма, осуждающие, например, Сахарова, под которыми подписывались представители советской интеллигенции, публиковались открытые коллективные заявления, осуждающие западный империализм, под которыми так же стояли многочисленные подписи

представителей интеллигенции. Существовала этакая стабильная группа «представителей интеллигенции», которая постоянно подписывала осуждающие коллективные письма и заявления подобного рода. В эту группу подписантов входили академики, писатели и поэты и прочие известные личности из разных республик Советского Союза. Разумеется, в этой группе были и так называемые представители армянской интеллигенции. Сейчас не хочется отвлекаться и упоминать их фамилии. Практически все советские газеты и издания решали задачу пропаганды, а «Литературная газета» шла в фарватере. И вот это самое письмо предназначалось как раз для этой газеты. Письмо было подписано Робертом Магдеевым. В 1976 году во время своей службы в пограничных войсках Роберт смог пересечь турецко-советскую границу. Он заявил, что сбежал из СССР, возвращаться не намерен и обратился с просьбой о встрече к соответствующим американскими службам. Американцы встретились с ним, помогли ему и поддержали. До окончательного оформления документов, которое, естественно, требовало не мало времени, его размещают в одной из гостиниц в Риме. А этот самый Роберт спустя некоторое время взял и связался с советским посольством. Сперва, это, видимо, было сделано просто из чистого любопытства. Но вскоре сотрудники посольства смогли завоевать его доверие и принялись уговаривать его вернуться на родину. Естественно, они пообещали ему, что, вернувшись домой, он будет находиться в полной безопасности и его не накажут. Американцы же предупредили Роберта, что он непременно будет отправлен в тюрьму. Они даже назвали примерный срок его заключения, но он больше склонялся к тому, чтобы верить послу СССР. Посол даже пообещал ему лично сопроводить его до самой Москвы и чуть ли ни передать из руки в руки родителям. Рейс Рим-Москва увенчался десятилетним сроком. Магдеев был озлоблен, но - не на себя, а на весь божий мир. А таких людей можно с легкостью и контролировать и вербовать. Он был на все готов, лишь бы поскорее оказаться на воле.

Как бы в тот период ни ужесточались бесконечные проверки и обыски, и как бы жестоко ни наказывались зеки и сколь бы ни лишались они свиданий, информация все равно просачивалась из 37-й зоны и попадала на страницы «Хроники» и зарубежной прессы. Эти сведения касались жизни на зоне, судеб зеков и существующих там трудных условий. Это чрезвычайно бесило чекистов. Любая такая утечка информации обходилась им довольно дорого. Можно только предположить, какие головомойки и выговоры они получали из Москвы. Но окончательно ликвидировать утечку информации и прекратить появление этих публикации КГБ так и не удалось. После случая с Григоряном Нориком, когда он нашел жучок в бушлате Славика, представителя КГБ на 37-й зоне сменили. В 1980–1981 гг. там уже орудовал некто Бурилов. И вот, в ответ на публикации в зарубежной прессе, из Москвы местному чекисту поступает распоряжение, организовать такую публикацию, под которой поставит свою подпись, находящийся на тот момент на зоне зек, и в которой в неллицеприятном свете будут представлены диссиденты, которых так усердно поддерживают и всячески защищают западная пресса и международные правозащитные организации. Дают видимо содержание

будущей статьи и Бурилов предлагает Магдееву написать текст и подписаться под ним. В письме поименно были перечислены активные и принципиальные зеки нашей зоны. Обычные будничные противоречия и споры были представлены в виде непримиримой вражды, отдельные личности были выставлены клеветниками, подлецами и манипуляторами. Цель была очевидна: показать Западу, каких недостойных людей они на самом деле поддерживают и защищают. Ну, а за это Магдееву, разумеется, сулили досрочное освобождение.

О существовании этого письма знало строго ограниченное число людей. Я, Николай Ивлюшкин, Анатолий Корягин, Глеб Якунин, Ваня Извеков и, разумеется, сам Аркаша Цурков. В ближайшие пару дней один из зеков должен был иметь свидания, и мы решили, что имеющаяся у нас информация в обязательном порядке должна быть вынесена из зоны и опубликована раньше, чем обнаружится, что мы перехватили письмо Роберта. Той же ночью, когда все зеки улеглись спать, Ваня Извеков вместе с Цурковым и Ивлюшкиным отправились в курилку переписывать письмо Магдеева. Пока наши товарищи занимались письмом, мы стояли «на шухере», заняв стратегически места. Анатолий Корягин находился в коридоре между жилой секцией и курилкой, Глеб Якунин занял позицию в самой жилой секции, чтобы подать знак Корягину в том случае, если кто-то из зеков проснется, я же находился снаружи, чтобы контролировать появление охранников. За ночь они были обязаны несколько раз заходить в жилую секцию и проверять спящих зеков. Заметив охранника, я должен был немедленно подать знак Корягину. В таком случае все мы должны были быстро разлечься по кроватям и прикинуться мирно спящими.

Переписав письмо, мы вложили оригинал в конверт Магдеева и бросили обратно в почтовый ящик. На волю была вывезена копия письма Магдеева, чтобы было ясно о каком письме идет речь, так же изложили собственную точку зрения к этому письму и, безусловно, другие сведения. Было ясно, что после того, как будут опубликованы наши сведения, КГБ больше не сможет использовать письмо Магдеева. Наш план сработал. Информация благополучно дошла до места назначения. Как только мы об этом узнали, а узнать было совсем не сложно - приехавший на свидание человек, сразу же по возвращению передает информацию соответствующим людям и отправляет своему родственнику, которого навещал на зоне, телеграмму о том, что он благополучно добрался, а в тексте этой телеграммы обязательно присутствует одно условное слово, которое и означает успешность завершения операции. А письмо Магдеева, учитывая возможности почтовой службы в те времена, и до Москвы не добралось.

Получив весть об успешном завершении нашего плана, мы собрали всех зеков зоны. Пришли все - и старики, и молодые, в том числе и сам Магдеев. Никто из них не знал, по какому поводу мы решили собрать их. Коля Ивлюшкин сказал, что недавно к нам в руки попало удивительное письмо, которое сейчас же и будет обнаружено. И Коля начал читать. Наступила гробовая тишина. Магдеев был в ужасе.

- Откуда у вас это письмо? - спросил он дрожащим голосом.

Встал Юра Сугучев, подошел к Магдееву и вlepил ему пощечину. Сказали, что Магдееву с этой минуты объявляется бойкот. Это было самым большим наказанием, какое можно только представить на политзоне. Бойкот означал, что с этой самой минуты с этим человеком никто не будет разговаривать, никто не будет сидеть с ним за одним столом, да и вообще никто не будет иметь с ним никакого дела. Он перестает существовать для других.

Конечно, в этом чекистском провале, виноват был сотрудник КГБ Бурилов. Он должен был сам явиться на зону и взять у Роберта письмо, но по какой-то причине он сделать этого не смог и поручил Роберту послать письмо по почте, что и привело к провалу их операции.

В дальнейшем каким-то образом чекистам удалось выяснить, как к нам попало это письмо и вычислить каждого из участников этой истории. В результате в течение одного года, но в разные месяцы, в чистопольскую тюрьму были переведены Аркадий Цурков, Анатолий Корягин и Николай Ивлюшкин. А чекиста Бурилова перевели на другую работу. Его сменил другой чекист по фамилии Гадеев.

Бойкот - это серьезная кара. Мало кто сможет выдержать такое испытание. И для спасения Роберта Магдеева его перевели в Мордовию. В прошлом все политические зоны находились именно в Мордовии. В начале 1970-х их стали переносить в Чусовской район Пермской области. Однако в Мордовии, тем не менее, остались две политзоны - женская и мужская. Вот в этой зоне и досидел свои десять лет Роберт Магдеев. Чекисты продолжали его использовать в своих целях, но попытку сбежать за границу и провал с письмом ему так и не простили. Он свое наказание отбыл до конца.

Владимир Свердлов

Не считая Роберта Магдеева, я так много положительных персонажей описал, что читателю может показаться, что в советских политических зонах находились исключительно хорошие во всех отношениях люди. Откровенно говоря, так оно и было - положительных людей было действительно очень и очень много, и с высоты минувших лет прекрасно запомнились мне именно они. А плохие вспоминаются с трудом. Их приходится выуживать из глубин памяти. Однако, как бы то ни было, отрицательные персонажи на зоне, конечно, были. Скрытые или явные предатели и стукачи. Они, кстати, были разные - грубые, топорные игроки и игроки, тонкие. Стукачи, относящиеся к последней категории, могли очень долго - до самого своего разоблачения, пользоваться доверием активных зеков, они могли и сами проявлять чрезвычайную активность, принимать участие в различных акциях, вступать в препирательства с администрацией, но в то же самое время - являться внедренными агентами КГБ и провокаторами. Вот таким человеком и являлся Володя Свердлов.

Я уже писал о том, что когда нас с Марзпетом привезли в 37-ю зону и поместили в камеры ШИЗО на карантин, то там же - в одной из камер, находился Юрий Бутчеко из 35-й зоны, которого к тому времени должны были вскоре освободить. Он

сообщил нам первую важную новость о том, что Паруйр Айриkyан снова задержан и находится в тюрьме в Перми. На мой вопрос по поводу обвинения, он ответил коротко:

- Жертва провокации.

Когда я вышел из карантееа и впервые встретился с вернувшимися из рабочей зоны зеками, то одним из самых активных, самых приветливых - был именно Владимир Свердлов. Он постоянно говорил и остроумничал. Было впечатление, что в этом узком кругу политзеков, собравшихся за кружкой чая, он пользуется полным доверием и уважением - ну, такой «свой в доску» парень. Именно тогда я и узнал о том, что Свердлов и Паруйр проходят по одному и тому же делу. Паруйра обвинили по 2-й части 174 статьи УК РСФСР (дача взятки). Согласно материалам уголовного дела, Свердлов вступил в контакт с сотрудником администрации зоны для того, чтобы получить посылки с продовольствием. Из этих посылок две - предназначались Паруйру, и для того, чтобы Паруйр их смог взять, они якобы дали взятку, подарив ему одежду, которая именно с этой целью была заранее помещена в посылку.

На следующий день Свердлов подошел ко мне и стал рассказывать подробности предварительного следствия по делу Паруйра. Он был в очень близких отношениях со всеми активными зеками. Постоянно обдумывал какие-то планы, обсуждал какие-то вопросы и перешептывался то с одним, то с другим. Такая его активность меня как-то отталкивала. Тогда его еще совсем недавно перевели из 35-й зоны в 37-ю.

В лагере номер 35 он оказался в 1978 году. Худощавый, высокий молодой - чуть за тридцать, человек - Володя, попав на зону тут же пытается завязать дружбу с активными зеками. Рассказывал, что работал в астраханском КГБ и был осужден за попытку передачи конфиденциальной информации в разведывательные службы Египта. На зоне удивились, ибо в таких случаях дают не меньше 10-12 лет, а Свердлов был осужден лишь на 6 лет. Но и эту нестыковку он оправдал обстоятельством наличия обширных и влиятельных связей в советских властных кругах. Предложил создать подпольную организацию в зоне и активизировать связь с внешним миром. Пытался выяснить, каким образом выносятся из зоны информация. С целью завоевания доверия, однажды он рассказывает находящемуся на этой же зоне с 1972 года (и приговоренного к 7 годам заключения в лагерях и 3 годам ссылки) украинцу Зиновию Антонюку свою историю, которая представляет собой этакий винегрет из полуправды и выдумки. Согласно откровению Свердлова, в армии его склонили к гомосексуальной связи, а затем завербовали в качестве агента КГБ. Признался, что чекисты его как гомосексуалиста использовали для решения своих оперативных задач, предлагая проводить время то одним, то с другим человеком. Затем он закончил академию КГБ и поступил на службу. Сказал, что и в данный момент он является их агентом, но принял принципиальное решение окончательно разорвать с ними все связи. И более того - теперь он мечтает лишь о возмездии, так что, если ему начнут на зоне доверять, то он сможет

предоставить чрезвычайно важную информацию для вывоза на волю. Сказал также, что зная стиль работы КГБ, и будучи опытным чекистом, он может быть весьма полезным на зоне человеком. Антонюк ему не поверил и сообщил о своих подозрениях друзьям. А Свердлов продолжал предлагать свои услуги «опытного чекиста» другим.

В 1979 или 1980 году Свердлов сообщает Паруйру, что ему удалось договориться с одним мастером, работающим по найму на зоне в металлообрабатывающем цехе, по поводу доставки в лагерь посылок с продовольствием. Словом, именно эти посылки в дальнейшем и стали причиной нового заключения Паруйра. Во время предварительного следствия именно Свердлов дал показания о том, что в посылках с продовольствием находились вещи, которые в качестве оплаты за предоставленные услуги должны были быть переданы работнику лагеря, что и было воспринято в качестве попытки подкупа.

Спустя некоторое время в 37-й зоне стало известно о том, что Свердлов дал нужные показания против Паруйра, и тогда зеки стали его сторониться. Но до этого он успел напелсти целую серию интриг, основной целью которых являлся раздор между зеками.

Удивительно, что Паруйр, будучи опытным зеком доверился Свердлову. Паруйра, конечно, осудили бы в любом случае, независимо ни от чего. Если не в самой зоне, то уж точно - во время ссылки. Они не могли допустить освобождения Паруйра. В тот период на зеков чьи сроки близились к завершению, как правило, «шили» новые дела, И Паруйр не мог являться исключением. В любом случае, его бы осудили по какому-нибудь другому сфабрикованному обвинению. Но в данном случае, принимая во внимание участие Паруйра в этой истории, дело оказалось не совсем сфабрикованной.

Были на зоне люди, которые даже считали, что Свердлов являлся не обычным стукачам и обычным зеком, а самым что ни есть кадровым сотрудником КГБ. В такое, конечно, поверить сложно, лично я эту версию отмечаю. Но порой всплывают такие шокирующие факты о советской действительности, что поневоле начинаешь верить и в самые невероятные вещи.

Павло Строцен

После осуждения люди часто меняют свое отношение к миру. Речь идет не о паре лет заключения. Хотя и в этом случае люди меняются. Мировоззрение человека, который должен провести в неволе длительный срок, так или иначе претерпевает некоторые изменения. Некоторые озлобляются, становятся слишком жесткими. Такие люди начинают видеть в окружающих только врагов или шпионов, перестают доверять людям, верить в бескорыстную дружбу. Это вовсе не значит, что они становятся плохими. Просто с такими людьми слишком сложно и трудно общаться. Их озлобленность в первую очередь и в большей степени отравляет их собственное существование. По каким-то пустяковым причинам они постоянно находятся в

состоянии конфликта не только с администрацией, но и со всеми окружающими его людьми. А уж пребывание в одной камере с таким человеком превращается и вовсе в настоящее испытание.

Но встречаются и такие люди, которые совершенно не озлобляются. Они продолжают жить прежней жизнью, но уже в новой реальности, которая называется зоной. Вот одним из таких не озлобившихся зеков и являлся Павло - Павло Строцен.

Павло был осужден на 25 лет. Он был бойцом Украинской повстанческой армии (Українська повстанська армія) (УПА). Как известно, УПА сражалась за независимость Украины против фашистской Германии, а после их отступления, когда в Западную Украину вошла советская армия, до конца 1950-х оказывали вооруженное сопротивление советам. Павло, несмотря на то обстоятельство, что всю войну провел в лесах, все же во второй половине 1950-х успел жениться. На тот период (конец 1950-х) число повстанцев, оказывающих сопротивление советским войскам, было уже довольно ограниченным, в отличие от 1940-х и начала 1950-х. И вот как-то он узнает о том, что у него родился сын. Местная советская власть понимала, как бы то ни было, Павло непременно найдет способ выбраться из леса и увидеть новорожденного сына. Они устраивают засаду возле дома жены Павло и не ошибаются. Однажды ночью Павло приходит домой. Он успевает лишь зайти в дом и в первый и последний раз обнять сына. Его тут же арестовывают и приговаривают к 25 годам лишения свободы.

Павло - этого честного и доброго человека, привезли в 37-ю зону из 36-й. До завершения его срока оставалось очень мало времени. За 25 лет своей неволи этот человек совершенно не озлобился. Наоборот. Всячески пытался помочь нуждающимся в помощи и поддержке людям. Нас - активных зеков, часто оказывающихся в ШИЗО, он просто любил. Когда меня лишали возможности отовариться, он всегда отдавал мне большую часть своих сигарет. Сам же чаще курил самокрутки с махоркой.

- Если не хватит до конца месяца, я тебе дам еще.

- Павло, парни мне тоже подкинут сигареты, это много.

- Ничего, держи, когда у меня не будет, я у тебя попрошу.

Его жесты, мимика, манера говорить - весь его облик излучали тепло и добро. В 36-й зоне рассказывали, когда впервые привезли в лагерь телевизор, - а это было, где-то около 1980 - ого, до этого в зонах телевизора не было, Павло все ходил вокруг него, осматривал и дивился: «Вот же, чудо-ящик!» А ведь и правда - ящик. Во всех лагерях телевизор хранился в специальном шкафу. Дверцу этого «ящика» запирали на ключ, а открывалась лишь в определенные часы и для просмотра определенных телепередач.

Писем из дома Павло не получал.

- Двадцать пять лет прошло, кто же мне писать будет? - с грустью говорил он.

Наверное, он чувствовал себя бесконечно одиноким. Сегодня я многое подзабыл, но насколько помню, Павло даже не имел представления, куда ему ехать после своего освобождения, кто его встретит и ждут ли вообще его.

Однажды, когда до его освобождения оставались уже считанные дни, его повели к пропускному пункту. У меня были плохие предчувствия, я стоял и ждал его. Через некоторое время вижу: возвращается Павло. Таким я его ни разу не видел. Павло сиял от счастья. Оказывается, его сын, которому к тому времени было соответственно 25 лет, не забыв о дате освобождения своего отца, будучи шофером, устроил свой рейс таким образом, чтобы в этот день находиться в Перми и на своем грузовике лично отвезти отца домой. К сожалению, я не видел, как Павло покидает зону. Не помню, почему именно. Может находился в ШИЗО.

В конце 1980–81 годах большая 37-я зона больше не являлась тем безмятежным местом, каким была до 1980-го. Она была более чем активной. Кроме уже упомянутых мною политзеков там находились такие честные и активные диссиденты, осужденные за антисоветскую агитацию и пропаганду, как: эстонец Тийт Мадиссон, грузин Вахтанг Читава - исключительно благородная личность. Там же находился и латыш Морис Ликьянович. Позже - после того, как перевели Мадиссона, привезли эстонца Хейки Ахонена. С ним несмотря на то, что сидел очень мало времени, хорошо сдружились. А в малой 37-й зоне находились: Марзпет Арутюнян, Юрий Орлов, затем, уже позже, - ленинградец Вячеслав Долинин, украинец Олесь Шевченко и грузин Тариел Гвиниашвили.

Интересных и достойных людей было очень много - всех не перечислишь. Жизнь каждого из них была полна удивительными приключениями, невероятными историями, парадоксальными фактами.

Советским органам госбезопасности удалось вернуть на родину и осудить студента мединститута Виталия Поздеева, который угнал самолет из Симферополя в Турцию. Захваченный им самолет благополучно совершает посадку в Турции, и он уже находится у американцев и ждет визу, когда представители Советского Союза просят американцев передать Виталию кассету с аудиозаписью. А на кассете записаны рыдания мамы Виталия и заклинания отца. Родители плачут и умоляют любимого сына Виталия вернуться на родину, и заверяют его, что власти обещали не наказывать его слишком строго. Будет назначено лишь символическое наказание, а затем - великодушно простят его, и он продолжит учебу в родном медицинском институте.

Сам Виталий рассказывал, что он каждый раз выключал магнитофон и принимал решение больше никогда не включать его, но рыдания матери и дрожащий голос отца не давали ему покоя, и он снова включал магнитофон, и снова, и снова. В конце концов, если не будут судить строго и простят, то можно ведь и не причинять

столько боли родителям, можно и вернуться, - думает Виталий и говорит американцам, чтобы они его сдали. В результате он, разумеется, получает огромный срок. В нашу зону он прибыл из Мордовии. А его родители продали дом в Симферополе и переехали на Урал, чтобы находиться поближе к сыну. Вот такая судьба. Виталий не относился к числу активных зеков, он смиренно работал в медпункте, но всячески нас поддерживал и по мере возможности помогал нам. Он рассказывал, как однажды на зоне в Мордовии, сидели вечером в курилке и вспоминали своих недавно освободившихся товарищей. Вспоминали и о Паруйре. - И вдруг на следующий день, - смеясь продолжал Виталий, - глядим - Паруйра ведут!

История Виталия похожа на историю Миши Дюкреева из 35-й зоны. Двадцати семи – тридцатилетний ростовчанин Миша также, находясь на службе в армии, нелегально пересек советско-турецкую границу. Точно так же, как и Виталий, и Роберт Макдеев, он обратился к американцам за поддержкой. Однако в отличие от Виталия и Макдеева, ему все же удалось проявить терпение, дождаться оформления документов и перебраться в США. Там он получил возможность жить легально и работать. Однако, семьи он не создал, никаких серьезных привязанностей и увлечений не имел. Прожив в Штатах более пяти-шести лет, он не умел даже толком говорить по-английски. Однажды от безделицы он спьяна взял и позвонил в посольство СССР. Как он сам говорил, чтобы «по-русски поболтать». А в посольстве сразу же смекнули, что надо налаживать связь. Они охотно и тепло побеседовали с ним и предложили продолжить общение, а в процессе выяснили личность позвонившего. Некоторое время спустя сотрудник советского посольства встречается с Мишей и у них завязываются приятельские отношения. Мише было сказано, что при желании, он может спокойно вернуться на родину. В ответ на высказанные Дюкреевым опасения по поводу ожидающего его наказания и суда, советский дипломат смеется и говорит:

- Да, что ты такого сделал, чтобы судить тебя? Ну, подумаешь, совершил глупость по молодости, — вот и все. Столько времени уже прошло! Никакого наказания не будет - я это тебе лично, как посол, обещаю.

И Миша принимает решение возвратиться. Наручники на него надели прямо на трапе - сразу после того, как самолет совершил посадку в московском аэропорту.

Он был осужден на 10 или 12 лет - сейчас уже не помню точно. Ему было ужасно тяжело отбывать срок. Он едва терпел. Постоянно писал прошения о помиловании. А получив очередной отказ всякий раз впадал в депрессию. Не разговаривал с людьми неделями. Затем к нему являлся лагерный чекист, который видимо говорил ему примерно следующее: «Если будешь вести себе хорошо и делать то, что от тебя требуется, то в следующий раз, возможно, получишь положительный ответ на свое прошение».

Нам он, конечно, открытым текстом об этом не говорил, но по его обрывчатым рассказам и намекам, было вовсе не сложно догадаться.

После очередного, - бог его знает, какого по счету, - отказа, бедного Мишу нашли в дальнем углу металлообрабатывающего цеха - повешенным.

Зона управляется со стороны администрации, во главе которой стоят начальник колонии и три его заместителя - по оперативной, режимной и политической частям. На двенадцать часов, в лагерь заступает дежурная смена охранников - прапорщиков, которая управляется офицером - дежурным помощником начальника колонии (ДПНК). Среди представителей администрации зоны встречались люди, которые получали удовольствие от страданий людей. В этом плане особо выделялся заместитель начальника колонии по режимной части - майор Мелкомуков. Заместители по оперативной части и по политической - тоже не отличались добрым нравом, но Мелкомуков был совершенно уникальным случаем.

Заместителя начальника зоны по политчасти перевели к нам из уголовной колонии. Для них перемещение из уголовной зоны в политическую считалось почетным событием и большой удачей. Но этого (фамилию не помню) майора перевели к нам в качестве компенсации как пострадавшего. Он работал в уголовной колонии и занимал должность заместителя начальника зоны. Начальник той колонии и три его заместителя своим садистским поведением зеков довели до того, что те подняли бунт. Явившихся на переговоры начальника и троих его заместителей зеки-уголовники схватили и повели на кухню, в которой находились огромные чаны с кипящей водой. И вот на глазах у этого самого майора его начальника и двоих его сослуживцев кинули в эти чаны с кипятком. По всей, видимости, наш герой все же отличался относительной терпимостью, потому что зеки решили кинуть его в котел с холодной водой. Но сам майор об этом не знал - не знал, что вода в котле холодная и он не сварится. Словом, от пережитого ужаса он стал сильно заикаться.

Заместитель начальника по политчасти не мог выговорить с одного раза ни слова, и одному лишь богу известно, как он должен был проповедовать заключенным принципы марксизма-ленинизма. И вот, в качестве компенсации за пережитые страдания или благодаря каким-то связям, его перевели на политзону. Здесь можно было проявлять жестокость, но за это в этой среде шансы угодить в котел с кипящей водой стремились к нулю.

Мелкомуков являлся самым настоящим, самодуром и клиническим садистом, который гордился своим положением и был совершенно уверен в том, что за проявленные жестокость, произвол и, по сути, нарушение закона, его не только не накажут, но и наоборот - поощрят. Совершенно безосновательно он мог, к примеру, лишиться человека права отовариваться в ларьке. Каждый зек имел право тратить до пяти рублей ежемесячно на покупки в ларьке. Этих денег хватало на 15-20 пачек сигарет без фильтра «Прима», одну банку джема и на покупку еще какой-нибудь мелочи. И вот любой зек без каких-либо причин мог быть запросто лишен этого или вдруг оказаться в камере ШИЗО - опять же, без какой-либо на то причины. Однажды во время обеда Мелкомуков был в столовой. На обед обычно давали первое - суп, и второе - кашу или пюре. Я неприхотлив в еде, ел все, ну вот пшенку

есть не мог. Совершенно не переносил запаха этой каши, ни тем более - вкуса. В те дни, когда на второе давали пшенку, я предпочитал оставаться полуголодным. Об этом знали все, в том числе и охранники. И вот, в тот самый момент, когда я встал из-за стола и направился к выходу, ко мне обратился Мелкомуков:

-Аругюнян, нарушаем, да?

-Какое нарушение, начальник? - переспросил я, понимая, что тот уже что-то задумал.

- Кашу не съели.

-Я наелся, и каша мне уже не понадобилась.

- Вот это и есть нарушение режима. Согласно распорядку дня, вы обязаны обедать, а обед состоит из каши в том числе. Вы обязаны ее съесть.

Он потребовал, чтобы я вернулся за стол и съел кашу, чего я, разумеется, не сделал. Я бы ни в коем случае не вернулся по его приказу, а уж тем более – для того, чтобы есть кашу. И это послужило для него отличным поводом отправить меня в ШИЗО. Такие невообразимо идиотские случаи и совершенно непропорциональные наказания стали явлением вполне обычным на зоне, и нельзя было все это оставлять без ответа.

Напряжение росло с каждым разом. Мы постоянно писали заявления-жалобы, которые, конечно, не давали никакого результата. Осенью мы перешли к более радикальным мерам и объявили забастовку. Наше требование было предельно ясным: убрать Мелкомукова. Они начали всех нас наказывать. Мы были готовы к этому и прекрасно понимали, на что идем. Главное, что к нашей акции присоединились многие в том числе и не совсем активные зеки. Мелкомуков мешал всем. Камеры ШИЗО были переполнены, и всех наказать одновременно они никак не могли. Пока часть зеков находилась в ШИЗО, другая часть отдыхала на зоне - никакой работы и никаких забот. Такая ситуация выводила администрацию зоны из равновесия. Образовалось своеобразное посменное дежурство. И мы, и администрация зоны прекрасно знали, кто из зеков вскоре должен выйти из карцера, и кто его в этой камере заменит. Мы даже знали о том, что за наши новые нарушения нам не станут добавлять сроки, чтобы освободить камеры ШИЗО для тех, которые находились в зоне. В тот период нам только начали разрешать литературу в ШИЗО. Несмотря на то, что было голодно и холодно, зато была возможность читать, к тому же нас там было много, и мы проводили дни довольно интересно и весело. Спустя некоторое время книги вновь запретили.

В те дни произошел еще один интересный случай. У нас находился ленинградский диссидент Герман Обухов. Он родился в 1949 году и был осужден по 70-й статье (антисоветская агитация и пропаганда). Это была чисто политическая статья, и осужденные по этой статье, за редкими исключениями, были весьма активными на зоне. Каждый раз с появлением нового такого зека, в лагере становилось на одного яркого и принципиального человека больше. Однако Герман с первых дней своего появления дал всем понять, что он не намерен вступать в ряды борющихся.

- Вы мне неровня, - примерно так он и говорил.

Его сразу устроили на хорошую работу. Работал - электриком. В рабочей зоне имел свою отдельную комнату. Все остальные зеки трудились в основном в качестве токарей. Несколько раз я заходил в его комнату побеседовать с ним и понять его мотивацию. Друзья говорили мне, что это бессмысленно, но я все же пытался.

Когда мы уже окончательно обговорили все нюансы и наш план по проведению забастовки был окончательно готов, то есть - этап секретности был уже позади, то за день до начала нашей акции я вновь подошел к Герману и предложил ему присоединиться к нашей акции. Было бы стыдно, если бы он продолжал работать, когда все активные и даже пассивные зеки бастуют. Но он отказался. И вдруг, в один прекрасный день, открывается дверь и в нашу камеру ШИЗО заводят Германа. Он в полном недоумении и очень зол, а мы хохочем.

- Герман, что такое? Тебя-то з что?

Много позже, уже в наши дни, звонит мне как-то Герман:

- Привет! Помнишь ШИЗО, в котором мы были с тобой вместе?

- Конечно, помню! Я многое помню, но и о многом забыл. Хотя, если напоминают, то начинаю вспоминать.

- Ты меня примешь, если я приеду в Ереван?

- Конечно, приму, что за вопрос!?

Приезжает. Несколько дней проводит в Ереване. Мы много беседуем. Я не вспоминаю о былом. О нем вспоминает сам Герман.

-Если бы я проявлял активность тогда, то мне бы не удалось вывести на волю свои записи.

О каких записях говорил он, и смог ли, наконец, вывести их на волю, я, честно говоря, не знаю. И не важно это. Важно то, что Герман, таким вот остался в моей памяти. Сегодня он активно выступает в защиту Украины, против Российской агрессии. Живет в Киеве. Время от времени мы встречаемся.

Администрация зоны оказалась в тупике, они не знали, что делать. С какого-то момента они стали вызывать нас на «беседы». Все представители администрации, кроме Мелкомукова, приходили к нам и беседовали, но мы не соглашались ни на какие их условия и повторяли: уберите Мелкомукова, и мы прекратим нашу забастовку. По всей видимости, уже и КГБ начал давить на администрацию зоны, мол сами заварили эту кашу, сами и расхлёбывайте.

Сегодня я уже не помню, сколько именно дней продлилась эта наша забастовка, но она дала свой результат. Мелкомукова больше не было. Он как-то незаметно исчез. Нам, конечно, не сказали, что его отсутствие является результатом удовлетворения нашего требования, но Мелкомуков в лагере больше не появился. Это вовсе не означает, что все вопросы утряслись и никаких проблем с администрацией у нас больше не возникало. Мелкомуков унес с собой лишь свою часть проблем. А успешность нашей кампании лишь еще больше раздражила администрацию. Через

несколько месяцев произошло то, о чем я рассказывал ранее: наш Аркадий Цурков случайно обнаружил письмо Роберта Магдеева, адресованное «Литературной газете», которое нам удалось использовать как надо. В результате сотрудник КГБ Бурилов лишился работы, и его заменил другой чекист - Гадеев. Провокации и притеснения ничуть не сократились, наоборот - получили новый импульс. Нам, разумеется, никто не собирался прощать историю с этим письмом. В конце весны или в начале лета 1982 года суд ужесточил режим Аркадия и его перевели в чистопольскую тюрьму. У нас была маленькая баночка красной икры. Не помню, кому из зеков она принадлежала, ее прислали в посылке. По завершению половины срока, каждый зек имел право получить из дома посылку весом до 5 килограммов. Мы придержали ее для особого случая. Когда настанет этот «особый случай», мы не знали, но все же придержали баночку. И вот мы эту банку положили в вещмешок Аркаши. Более «особого случая» и представить было нельзя. Летом аналогичным образом поступили с Анатолием Корягиным. Его так же перевели в чистопольскую тюрьму. Напряженность все больше и больше усиливалась. По выдуманным или совершенно пустяковым причинам людей лишали свиданий, возможности покупать продукты, получать посылки из дома, отправляли в карцер. За все время своего пребывания на зонах я ни разу не имел свидания. Был лишен этой возможности всегда. Карцер в ту весну и в то лето стал для нас почти постоянным местом пребывания – с небольшими перерывами. Уже ближе к осени, без каких-либо серьезных причин на шесть месяцев в ПКТ были отправлены Глеб Якунин и находящийся в малой зоне Юрий Орлов. Стало понятно, что некоторых было решено запереть в ПКТ, некоторых - в чистопольской тюрьме, а остальных таскать по ШИЗО и просто, бесконечно притеснять. Именно таким образом они решили мстить нам за провал операции с письмом в «Литературную газету».

Мы стали задумываться о проведении более серьезной акции протеста. Наша цель заключалась уже не в решении конкретных вопросов на зоне. Нам больше не нужно было, просто менять или увольнять того или другого из администрации. В ноябре мы - зеки малой и большой 37-й зоны, окончательно пришли к выводу о необходимости выдвинуть требования о признании за нами статуса политического заключенного. Что такое забастовка, знают, пожалуй, все, но термина «статус политического заключенного» надо объяснить.

Всеобщая декларация прав человека исключает преследование людей по политическим мотивам. Она была принята ООН в 1948 году, и после этого наличие политических заключенных и политических репрессий на территории стран, подписавших этот документ, было неприемлемым. До появления этой декларации во многих странах мира политические преследования допускались на законодательном уровне. В тюрьмах различных стран помимо уголовных преступников, содержались так же заключенные, которые назывались политическими преступниками. В царской России политические арестанты имели официальный статус. Скажем, в 1904 году министром юстиции был утвержден «Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов». Были и другие страны, в которых так же признавали наличие

политзеков, которых называли политическими преступниками. После принятия Всеобщей декларации прав человека, даже страны, осуществляющие массовые репрессии, упорно заявляли, что у них не существует политических заключенных. Начиная с тоталитарных стран с самым диктаторским режимом, и завершая относительно свободными странами. Таким образом намного проще пресечь все разговоры и закрыть любую тему о наличии в стране политзеков. Так поступали в СССР, так поступают сегодня и во многих несвободных странах. Они публично принимают Всеобщую декларацию прав человека и берут на себя соответствующие обязательства, однако продолжают осуществлять политические преследования, не забывая при этом утверждать, что все имеющиеся у них заключенные являются исключительно уголовными.

В Великобритании до 1976 года заключённым, осуждённым за действия в ходе конфликта в Северной Ирландии, давали так называемый Special Category Status. Это был особый статус, который подразумевал определенные права. Но в 1976 году британское правительство отменило понятие Special Category Status, и в марте 1981 года находившиеся в тюрьме представители Ирландской республиканской армии (ИРА) выступили с требованием о присвоении им статуса политических заключенных и объявили голодовку. Участники голодовки выдвигали 5 требований:

- 1) право не носить тюремную одежду;
- 2) право не делать тюремную работу;
- 3) право на свободу связи с другими заключёнными и право на организацию образовательных и развлекательных мероприятий;
- 4) право на один визит, одно письмо и одну посылку каждую неделю;
- 5) полное право на помилование.

Британские власти на уступки не пошли. Но и заключенные не были намерены отступить. В свое время, это событие имело широкий общественный резонанс. Весь мир внимательно следил за ходом событий. В результате голодовки скончались десять ирландских заключенных. В 2008 году об этих событиях был снят совместный британо-ирландский фильм «Голод».

Требование признать статус политического заключенного и действия, направленные на достижение этой цели - это максимум возможностей политзека. Первыми об этом должны были объявить я и Тийт Мадиссон. А через несколько дней к нам должны были присоединиться и остальные зеки. Почему мы так решили, я сегодня уже не помню. И вот настал этот самый день. Утром началась обычная процедура переключки зеков. На площадке выстраиваются зеки, а ДПНК в сопровождении одного из охранников по очереди громко читает фамилию и имя зека. Как я уже отметил, эта процедура проводится на зонах каждое утро и каждый вечер.

В русской транскрипции моя фамилия, начинается на первую букву русского алфавита - Арутюнян, следовательно, и озвучить ее должны были в числе первых. Когда ДПНК произнес мою фамилию, то я вышел из строя, сорвал с груди нашивку со своей фамилией и, швырнув ее в направлении ДПНК, заявил:

- Такого заключенного здесь нет.

Не реагируя на окрики ДПНК, я направился в жилую зону. Точно так же вслед за мной поступил и Тийт.

Зеки носили (и носят) специальную темную форму, а на груди нашивался специальный ярлык с фамилией зека. Такие ярлыки были как на зимней, так и на летней одежде заключенного.

Сорвать с себя такой ярлык означало перестать быть одним из обычных заключенных страны. Наше требование по поводу признания статуса политического заключенного в первую очередь предусматривало:

- а) не подчиняться правилам лагеря;
- б) не носить одежду заключенного;
- в) не выполнять лагерную работу.

Одежда заключенного

Срывая нагрудную нашивку, мы тем самым, выполняли второй пункт наших условий – «не носить одежду заключенного». А первый пункт означал: делай все, что заблагорассудится, игнорируй все требования администрации. Ну, и третье - не выходить на работу. Мы с Тийтом демонстративно улеглись на кроватях в жилой секции, что по внутренним правилам строго воспрещалось. Следом за ними явились охранники. Уже через 20 минут мы находились в ШИЗО. Нас поместили в разные камеры. Прекрасно помню, как Тийт громко пел эстонский военный марш. С этой минуты начался невероятно тяжелый, но и в то же время, насыщенный период нашей лагерной жизни. До истечения нашего 15-дневного срока в карцере к нам по очереди стали присоединяться остальные политзеки. Красиво было задумано: акцию начинают не все вместе - разом, а с каждым днем присоединяются все новые и новые зеки. Таким образом администрация постоянно находится в напряжении, ибо не знает, насколько масштабный характер носит эта акция, сколько зеков присоединится к ней, и когда этот поток присоединяющихся зеков прекратится.

Не хочу долго рассказывать историю с нашей борьбой за статус. На этот раз нас было не так много, как во время забастовки. Некоторых увезли в чистопольскую тюрьму, некоторых - в другие лагеря. В 36-ю зону увезли Тийта Мадиссона. По окончании 10–15 дней наказания мы на день-два выходили из штрафного изолятора и тут же возвращались туда. Вскоре перевели и Извекова. На сей раз место в ШИЗО хватило на всех участников акции, и нас оттуда не выводили. Несмотря на слабое здоровье к нашей акции присоединился Марзпет, и мы вновь встретились в штрафном изоляторе. Там ему стало очень плохо и его в больницу увезли. Во второй половине декабря в чистопольскую тюрьму увезли Николая Ивлюшкина. И, пожалуй, в самый раз сейчас сообщить, что все эти нюансы моей истории о жизни и событиях 37-й зоны я смог восстановить лишь с его помощью. В одиночку я бы наверняка не вспомнил так много. И уж тем более я не смог бы восстановить хронологию событий. Все это стало возможным лишь благодаря Коле. После того, как увезли Колю я остался в штрафном изоляторе совершенно один. Глеб Якунин и Юрий Орлов находились в ПКТ, а я – в ШИЗО. По истечению 10–15 суток мне тут же добавляли новый срок. Требовали лишь одного: нашить нагрудный ярлык и выйти на зону. Я отказывался. У меня была одна задача: совершать как можно больше нарушений и ускорить мою отправку в чистопольскую тюрьму. Тюрьма мне тогда казалась спасением. Сначала охранники протоколировали все мои нарушения, но с какого момента они перестали это делать. Стало понятно - поступило соответствующее распоряжение. Если бы они продолжили фиксировать мои демонстративные нарушения, то однажды им пришлось бы провести свое фиктивное судебное заседание и отправить меня в Чистополь. Но было очевидно, что они не желают оправлять меня туда. Причина, видимо, заключалась в том, что в той же тюрьме находились Ашот Навасардян и Азат Аршакян. Они всячески старались сделать так, чтобы мы - армяне, не встречались, не группировались. Прошел Новый год. Уже заканчивался январь, а я все еще находился в карцере. Долгое время я чувствовал слабость, но никоим образом не желал этого показывать. Очень переживал за меня Глеб Якунин. В конце января открыли дверь камеры и

вывели меня. От свежего воздуха у меня сильно закружилась голова, я оперся на дверь изолятора. Один из охранников спросил:

- Пойдете, или помочь?

- Сам пойду, начальник, сам.

И дошел сам до жилой секции. Меня поместили в медпункт зоны. Там работал Поздеев Виталий. Через пару дней я уже вполне поправился, но упорно продолжал отказываться от нашивки. На той зоне я бы ни за что ее не нашил - это было совершенно точно. Даже женщинам-врачам было поручено в дружеских беседах убедить меня.

Я родился 15 декабря 1960 года, но в моих документах указана другая дата рождения - 3 февраля 1961 года. Чекисты, ясное дело, знали лишь о неверной дате - по документам. И вот однажды, 3 февраля, приходит ко мне чекист Гадеев и заводит теплую беседу. Действительно, очень уж задушевную. Он не требует, чтобы я нашивал нагрудный ярлык, не шантажирует меня, даже не пытается устрашать карцером. Расспрашивает об Армении, говорит о всяких невинных пустяках, а под конец встает и кладет на тумбочку возле моей кровати пачку чая.

- А это - Вам. У Вас сегодня день рождения, поздравляю!

Я удивлен. После того, как чекист удаляется, я беру эту пачку и выхожу в коридор. В курилке довольно много зеков. Я отдаю им пачку чая, сообщаю, что ее принес чекист, и что сегодня мой день рождения. Кто-то из парней заваривает чай, мы пьем его и празднуем мой день рождения. Не прошло и двух часов после чаепития, как мне было велено немедленно собрать свои вещи. Первое, о чем я подумал - чистопольская тюрьма. Этот вариант меня бы вполне устроил. Но меня лишь перебросили на 35-ю зону.

Спустя много лет после событий, которые разворачивались на 37-й зоне, мой друг Николай Ивлюшкин в адресованном мне письме, по поводу тех событий, подвел следующий: «Знаешь, одной из причин того, что нас «разогнали» по разным зонам-тюрьмам было то, что они видели, что у нашей компании не было СТРАХА - так мы были вместе и так поддерживали друг друга, что если не разогнать, то остается только убить... Редкое качество - они понимали, что ни с кем отдельно нельзя договориться, так мы были привязаны к друг другу и так верили и доверяли друг другу (помимо всех прочих зековских дел), что предательство было равносильно смерти». И я согласен с его оценкой.

35-я зона

Как бы не пытались изолировать зоны друг от друга, сведения доходили довольно быстро. В 35-й уже знали о нашей истории со статусом и о моей одиссее в штрафном изоляторе. Из-за очередного обострения болезни Марзпета еще в декабре перевели из ШИЗО в больницу, а она как раз находилась на территории 35-й зоны. Он рассказал лежащему с ним в одной палате зеку о нашей эпопее, а тот, в свою очередь, вернувшись на зону рассказал другим. Здесь же находился и Ваня Извеков, наш друг, который был вместе с нами в ШИЗО на 37-ой. Очень скоро выяснилось, что Иван Извеков больше не является прежним зеком. Что произошло с ним, и какие с ним велись беседы, о чем с ним договорились, - я и знать не хотел. Просто я стал крайне редко с ним общаться, а со временем наше с ним общение ограничивалось лишь формальным «привет, как дела». Вскоре отпала и эта необходимость.

35-я зона совершенно не была похожа на 37-ю. Во-первых, она была больше и живописнее. Если, конечно, можно использовать слово «живописный» в данном случае. Просто часть леса была отделена колючей проволокой и запреткой и превращена в лагерь. Внутри самой зоны - в одной из ее частей, оставались деревья, да и вся территория зоны была весьма зеленой. Правда, эти самые деревья тоже были изолированы колючей проволокой, дабы зеки не вздумали под ними отдыхать или гулять, но само их присутствие было приятным. Предыдущая 37-я зона также находилась в лесу, но в свое время на этой территории осуществлялись какие-то горнодобывающие работы - возле лагеря все еще сохранилась вышка и вход в шахту с соответствующим сооружением. На территории же самой зоны росли лишь недавно посаженные невысокие ели - других деревьев не было, не считая единственной небольшой березы. И все-таки самым приятным обстоятельством в 35-й зоне являлся простор. Да и зеков было здесь значительно больше. Человек примерно шестьдесят-семьдесят. Заключенные в лагере были размещены по разным секциям жилой зоны.

После этапа в эту зону попали Егиазарян Самвел и Александр Манучарян. Из-за моего перевода в 35-ю зону их в тот же день перевели в 37-ю. Охранник показал мне мою кровать. Я познакомился с зеками из моей секции. Дело было поздним вечером, все уже готовились ко сну, однако поглядывали на меня с подозрительным любопытством - особенно пожилые зеки. На следующее утро, проснувшись и умывшись, я, возвращаясь к своей кровати, вновь почувствовал на себе эти странные взгляды. И тут в секцию вошел Александр Нилов, который знал меня еще с 37-й. Он был на малой зоне.

- Ну как спалось, дурных снов не видел?

А я отлично выспался и ни о каких дурных снах не могло быть и речи.

-Видишь ли, до твоего приезда умер старый зек, который спал на этой самой кровати. Бытует мнение, что спать на кровати новопреставленного небезопасно. Покойник может явиться и прогнать незваного гостя, нагнать на него ужаса.

Тогда-то я и понял смысл этих взглядов и перевел все в шутку:

- Нет, прошлой ночью покойник ко мне не являлся. Но если он явится, то мы уж как-нибудь с ним договоримся по поводу кровати.

Помимо стариков - военных преступников и прибалтийских «лесных братьев», в этой же секции находились осужденные за антисоветскую агитацию и пропаганду грузин Зураб Гогия и еврей Лева Шефер. Зеков распределяли по секциям согласно их трудовой деятельности. Например, швеи (шили рукавицы) находились в одной секции, а токари и слесари – в другой, кочегары и другие мастера - в третьей, и так далее. Через какое-то время мне было велено трудиться в котельной - кочегаром, и я переселился в соответствующую секцию жилой зоны. Однако на этой работе я долго не задержался. Произошло какое-то недоразумение. Красная полоса (напомню, это значит опасен и склонен к побегу) на моем личном деле исключала трудовую деятельность в ночную смену. Так что из котельной меня перебросили в столярную мастерскую. В этой секции, так называемые, военные преступники также составляли большинство. Из политзеков, осужденных за антисоветскую агитацию-пропаганду, насколько помню, там были только я и Анатолий Марченко.

Зураб Гогия

Настоящее имя Зураба - Сулико, но он не любил это имя. Для всех - и в Грузии, и на зоне, он был Зурабом. Зураб Гогия и его товарищи - Вахтанг Читава и Важа Жгенти, основали подпольную организацию и занимались распространением в Рустави, Тбилиси, Гори и других грузинских городах листовок, призывающих к освобождению Грузии. Зураб был журналистом, родился в 1946 году. Вахтанг был филологом, родился в 1939 году. А Важа был математиком и родился в 1938 году. Любопытно, но все трое до своего ареста (в апреле 1980 года), являлись членами КПСС. Зураба приговорили к 5 годам лишения свободы, Вахтанга - к 5 годам лагерей и 2 годам ссылки, а Вазу - к 6 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. Все трое были очень достойными людьми. Вахтанг, который находился в 37-м лагере, отличался рассудительностью, объективностью и смелостью.

Зураб был невероятно жизнерадостным человеком с великолепным чувством юмора. Его остроумие шутки остались не только в моей, но и в памяти всех тех, кто знал его. Он был, к примеру, убежден, что у армян все не так как у других людей. У них все наоборот. Даже крестятся наоборот. Со всей серьезностью он заявлял:

- Вы не поверите, но во всем Советском Союзе только в Армении существует завод, на котором производят болты и гайки с левой резьбой!

Зеков постоянно отправляли в карцер из-за пустяковых нарушений. Для облегчения своей задачи предприимчивая администрация решила ввести новый запрет: отныне зекам запрещалось курить, где попало - они должны были курить только в специально отведенных местах. Для этого были развешены в соответствующих местах таблички с надписью: «Место для курения». А курильщики, разумеется, курят там, где вздумается. Однако заметив курящего зека, бдительные охранники тут же строчат рапорт и все – 10 или 15 суток в ШИЗО ему обеспечены. Но Зураб

спокойно курил, где хотел. И только значительно позже выяснилось, что он изготовил для себя точно такую табличку «Место для курения», и когда у него появлялось желание покурить, он просто вытаскивал эту табличку и вешал на ближайшую стену. Охранники, заметив табличку, спокойно проходили мимо. Сегодня я, к сожалению, уже не помню, каким образом была обнаружена эта хитрость Зураба, но он все же угодил из-за этого в карцер.

Как-то Стапану Хмаре, Зурабу Гогия и мне поручили выкопать глубокую канаву. Ее уже начали копать до нас, и нам следовало продолжить работу. Каждый день троих поручали копать эту бесконечную канаву. Охранник отмерил шагами расстояние и на одном из находящихся вдоль предполагаемой канавы столбов сделал лопатой метку.

- Вот до этого столба и копайте, - распорядился он и ушел.

Ласково грело весеннее солнце и трудиться не было никакого желания. Мы со Степаном стали прикидывать варианты, как уменьшить объем работы. А Зураб молча взял лопату и нацарапал ею точно такую же метку на ближайшем столбе, а ту метку, которую оставил охранник небрежно замазал грязью. В течение дня грязь засохла и этот столб уже невозможно было отличить от остальных точно таких же заляпанных грязью и потрескавшихся столбов, так что с отметиной остался единственный, ближайший столб, который выбрал Зураб. Ближе к вечеру явился охранник и стал недоумевать: канавка не так уж увеличилась в размере, работа стоит, но тем не менее, земля прорыта именно до отмеченного им столба.

Однажды Зураб прочитал в каком-то журнале, что некий весьма состоятельный британский ученый тщетно потратил полжизни на то, чтобы расшифровать древнейший клинописный текст. Вконец отчаявшись и обезумев, старик объявил о том, что готов завещать все свое состояние человеку, который сможет расшифровать эту клинопись. В журнале была напечатана и фотокопия этого клинописного текста. И вот Зураб, увлекшись этой идеей, целыми днями сидел, склонившись над фотографией и все пытаясь расшифровать древний текст.

- Зураб, - говорю я, - ты занимаешься чепухой, никто тебе никаких денег не даст, и вся эта история - сказка.

- Таких скептиков, как ты, на свете полно. Иди отсюда и не мешай мне. Вот получу я эти деньги, тебе ни копейки не дам.

Охранники, конечно, вскоре замечают, что Зураб целыми днями что-то пишет. И во время очередного обыска, который проводился по любому дурацкому поводу, а иной раз - и вовсе без повода, они конфискуют у Зураба все его записи, и что самое обидное - забирают фотографию с клинописным текстом. Зураб в отчаянии:

- Верни страницу из журнала, начальник! Там лишь клинопись, больше ничего нет!

А охранник-таджик Алик Атаев, который крайне плохо владел русским языком, говорит:

- Ничего, Гогия, не переживайте! Расшифруем, проверим и, если там ничего антисоветского не будет, вернем.

Каждый зек получал примерно по одной чайной ложке сахарного песка в день. Я не использовал сахар и собирал его. У меня имелась довольно большая банка с притертой крышкой, ее мне еще в 37-й зоне подарил Анатолий Корягин - после свидания с женой. Это, наверное, было его первое и последнее свидание. Он мне тогда подарил одну деревянную ложку и вот эту банку. И эта банка у меня всегда была заполнена сахарным песком. Я часто оказывался в ШИЗО, и часто был лишен возможности отовариваться в ларьке. Другие мне давали сигареты и продукты. А я, решив собирать сахар, благодарил их с его помощью. Всегда с радостью отсыпал сахар, когда кому-то было нужно. Норик Григорян в своих мемуарах вспоминает: «Вардан Арутюнян умудрился мне в карцер передать аж целую банку сахара, оказывается, он сахар не ел, а копил в банке, но мне эта банка сахара очень помогла».

Подходит как-то ко мне Зураб:

- Вардан, сколько у тебя сахарного песка?

Он знает, что у меня его предостаточно. А взять он хочет весь сахар.

- Понимаешь, я вино делаю. Потом будем пить.

Весна была в самом разгаре. Вся территория зоны и окружающий лес утопали в цветах. Зураб собрал огромную охапку одуванчиков со сладким нектаром. Эту охапку он был намерен бросить в заранее приготовленную тару с кипятком и высыпать туда же весь сахар, а затем спрятать ее подальше от глаз - в теплом и надежном месте.

- Дней через 10–15 будем вино пить, - воодушевленно заявил он.

Посуду с потенциальным вином он спрятал на чердаке. Туда никто не поднимался. Раскаленная от палящего солнца крыша превратила чердак в настоящую парилку. Вино пить будем, однозначно.

И вдруг совершенно неожиданно и некстати, двух эстонцев - одного из «лесных братьев» и другого - по моложе, отправляют работать на чердак. Эстонцы, безусловно, народ надежный, им можно довериться. Зураб рассказывает им о припрятанном будущем вине и молодому эстонцу поручает проследить за процессом брожения, чтобы в нужный момент сообщить Зурабу о готовности напитка.

И вот, однажды собрались на площадке перед вечерней проверкой зеки. Там же находится Зураб и один из охранников. Ждут ДПНК. Неожиданно открывается дверь, из нее высовывается эстонец и, совершенно не оглядываясь вокруг, громко с характерным эстонским акцентом объявляет:

- Зураб, твое вино бродит!

Зураба увели в карцер. А вино, наверное, выпили сами. Ни посудину эту, ни вино мы так и не увидели. Жалко только, сахар пропал.

Позже Зураба перевели в 36-ю зону, там же находился и я. Так что, наша дружба продолжилась. А после освобождения я встретился с ним уже в Грузии в его квартире в Рустави. Он очень обрадовался, когда узнал, что я нахожусь в Тбилиси, немедленно повез меня к себе домой. Приехал и Важа, и мы всю ночь беседовали втроем и вспоминали наши приключения. Вахтанга не было. Это был период, когда Гамсахурдия лишился власти и был вынужден прятаться со своими соратниками в горах. Вахтанг был одним из его соратников. Долгое время он провел в подполье и только в конце 1990-х вернулся. К сожалению, Вахтанг уже умер. А Зураб погиб в результате автокатастрофы в 1990-х. Из трех товарищей сегодня жив лишь Важа Жгенти.

Степан Хмара

Степан был одним из самых бескомпромиссных людей, каких я когда-либо знал. Он и сегодня нисколько не изменился. Зародившаяся на зоне наша дружба, продолжается по сей день. При случае, когда я бываю в Киеве, а я там бываю часто, мы всегда встречаемся. Начиная с 1990 года, он несколько раз избирался депутатом в Верховную раду Украины. С 2006 года является Героем Украины. Этим самым почетным званием страны награждены несколько украинских бывших политзеков: погибший в карцере лагеря Пермь-36 особого режима поэт Василь Стус, известный диссидент Вячеслав Черновол, который погиб в результате автокатастрофы, Юрий Шухевич, который провел на зоне более 30 лет, а также проведенный в общей сложности 26 лет в заключении Левко Лукьяненко.

Степан родился в 1937 году, по профессии он стоматолог. С 1960-х занимался распространением самиздата. В 1972 году, после ареста Вячеслава Черновола, берется за выпуск подпольного журнала «Український вісник», который основал Черновол. К нему присоединяются журналисты однофамильцы Олесь Шевченко и Виталий Шевченко. В 1974 году они не только выпускают журнал, но и переправляют на Запад фото пленку изданного журнала. На Западе журнал издается на украинском языке, а затем - и на английском, и сразу же становится одним из самых серьезных источников информации о происходящих в 1970-х годах в Советском Союзе политических репрессиях. Им удается собрать достаточно материалов для выпуска следующего номера журнала. В 1975 году КГБ пытается арестовать Степана, но им ни коим образом не удается получить доказательства, подтверждающие обвинение. И лишь в 1980 году КГБ, наконец, получает неопровержимые доказательства о том, что выпуском «Український вісник» занимаются именно Степан Хмара, Олесь и Виталий Шевченко. Приговор Степана являлся «чисто украинским», его приговорили к максимальному сроку наказания, предусмотряемого статьей - к семи годам лишения свободы и к пяти годам ссылки.

В этом плане украинцы отличались от остальных политзеков. Нас - армян, также приговаривали к большим срокам, тем более после взрывов в метро в 1978 году, но и

тем не менее, в этом плане у украинцев не было «конкурентов». Как правило, диссиденту-украинцу назначалась максимальная мера наказания.

Украинцев в советских лагерях было очень много, и все они, как правило, были весьма активными. Редко встречались представители украинского национального движения, которые оказавшись на зоне не приобрели бы репутацию активного зека. В лагере особого режима, где сидели политзеки - рецидивисты именно украинцы составляли большинство. Из армян там находились только двое - Ашот Навасардян и Азат Аршакян.

Они как правило прибывали на зону на огромные сроки и с твердым намерением продолжать борьбу в условиях неволи. Степан был одним из блестящих носителей таких «чисто украинских» принципов.

Мы встретились со Степаном на 35-й зоне и почти мгновенно сблизились. Спустя некоторое время меня на очень короткое время -, на пару месяцев, перевели в малый лагерь 37-й зоны, а затем - в зону номер 36, куда из 35-й уже был доставлен Степан, и стало быть, мы снова были вместе.

Анатолий Марченко

Об Анатолии Марченко я знал еще до нашего с ним знакомства. Мы знали, что в результате очередного осуждения, он с декабря 1981 года находился на 35-й зоне. Самые близкие отношения на 35-й зоне у меня сложились со Степаном Хмарой и Толиком Марченко. Мы не любили и не признавали коллективное хозяйство в лагере. Но вот чай пили вместе. А еще мы собирали весной и летом различную зелень, готовили салаты и вместе ели. Должны же были хоть как-то восполнить дефицит витаминов. Степан готовил невероятно вкусный салат.

Начиная с первых дней моего пребывания на зоне - еще в 37-й зоне, я каждую свободную минуту посвящал чтению. Разработал для себя программу и установил сроки. Согласно этой программе, к определённому сроку я должен был завершить одну тему и приступить к следующей. Первое время я в основном читал русских классиков. Однако постепенно рамки стали расширяться. В какой-то момент я решил, что, являясь непримиримым врагом коммунистов, я должен более тщательно изучить их идеологию. Поэтому, наряду с другими книгами, я стал читать корифеев социал-демократического движения. В итоге я затеял непростое дело: прочитать все тома Ленина - от первого до последнего. Я знал, что наиболее интересны последние тома его сочинений, начиная с 45-го, но решил все же проявить последовательность и, начиная с первого тома, прочитать все 55. К тому времени, когда меня перевели в 35-ю зону, я уже порядком продвинулся. Все свои свободные часы я проводил в бараке, сидел на маленькой табуретке за своей трансформированной в письменный стол кроватью, уткнувшись в томик Ленина. Я спешил. Нужно было довести до конца это тяжелое дело. Ведь мне еще предстояло осилить Маркса и Энгельса. Но, слава богу, до этого не дошло. Из опусов Маркса и Энгельса я прочитал лишь самые примечательные части, пропустив процентов восемьдесят огромной массы

опубликованного материала. Когда Толик заходил в жилую секцию и снова заставлял меня, склонившегося над томом Ленина, то, обращаясь ко всем присутствующим, он громко возвещал:

- Тихо, народ! Арутюнян «Отче наш» читает!

Толик говорил, что, находясь в Мордовии, он и сам пытался читать их труды, но осилив лишь часть, отказался от этой пустой затеи.

В целом армянскому читателю крайне мало известно о советском диссидентском движении и слишком мало известно (либо не известно вовсе) об одном из самых светлых представителей диссидентского движения советской эпохи - Анатолии Марченко. Этот честный человек, хороший товарищ, правильный зек родился в 1938 году. В 1958 году, когда ему было 20 лет, он был впервые арестован за участие в драке и был приговорён к двум годам заключения. После года отсидки ему удается бежать из лагеря. Долго скрывается, а в 1960 году решает перейти советско-иранскую границу, но его задерживают, и в 1961 году Верховный Суд Туркменской ССР приговаривает Анатолия Марченко к шести годам заключения по статье «измена родине». В качестве уже государственного преступника Марченко отбывает наказание в Мордовии - в лагере для особо опасных государственных преступников, в котором содержатся и другие политзеки. В этой среде он окончательно формируется как диссидент. В 1966 году он выходит на волю и в 1967 году издает книгу «Мои показания», в которой рассказывает о советских политических лагерях и тюрьмах пост-сталинского периода. Эта книга была переведена на многие европейские языки. В 1968 году Марченко арестовывают по обвинению в нарушении паспортного режима и приговаривают к одному году заключения. Затем по завершению срока ему добавляют еще два года. На сей раз - уже по обвинению в «распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй», основой которому послужила книга "Мои показания". В 1971 году Анатолий Марченко выходит на свободу. Однако в 1973 году его вновь приговаривают к 4 годам ссылки за «нарушение правил административного надзора». И наконец, в 1981 году его осуждают еще раз по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» и приговаривают к 10 годам заключения в лагере строгого режима и к 5 годам ссылки.

Марченко был осужден шесть раз, в общей сложности его сроки составляли 21 год – в лагерях, и 9 лет в ссылке, из коих 16 лет он отбыл в лагерях и 4 года провел в ссылке. Является автором трех книг - «Мои показания», «Живи как все» и «От Тарусы до Чуны». Сам он в шутку говорил: «срок - книга, книга – срок».

Из-за болезни, приобретенной в лагерях, и отсутствия надлежащей медицинской помощи он потерял слух. Носил слуховой аппарат в виде очков.

- Ты даже не представляешь, как это здорово - быть глухим, - говорил он, - посмотри, сколько глупостей ты вынужден выслушивать в течение дня. А я слушаю только то, что мне нужно. Снимаю очки и дело с концом.

Некоторые из обслуживающих зону высокопоставленных офицеров КГБ, такие как, к примеру, начальник управления Помаз или его заместитель Афанасьев, сделали всю свою карьеру, как выражался Марченко, на его глазах. Они были еще начинающими молодыми лейтенантами, когда Толик появился на политзоне. Они хорошо знали Толика, а Толик хорошо знал их.

- Вот ты, например, когда впервые оказался на зоне, то что ты делал? - улыбаясь спрашивает Толик.

- Да, ничего, смотрел по сторонам удивлённо, - отвечаю.

- А вот я, пока зеки находились в рабочей зоне, шел вдоль кроватей и искал на бирках знакомые фамилии, - смеясь объясняет он, - вот, что значит быть бывалым зеком.

На трудовой зоне нам с Толиком однажды поручили вырыть какую-то яму. Толик находился в яме и раскапывая землю откидывал ее наверх, а я собирал ее в кучу, находясь наверху. Яма была довольно глубокая. И тут появляется начальник управления КГБ Помаз. Совершенно непонятно, зачем он явился тогда на зону, да еще и один. Так вот, подходит к нам, здоровается и, заметив Толика в яме, с какой-то веселой улыбкой, как улыбаются старому знакомому, спрашивает:

- Марченко, а что это Вы там роете?

- Могилу для коммунизма рою, начальник, могилу, - смеясь, отзывается Толик.

В течение 1983 года нам удалось переправить на волю довольно много информации. У нас была небольшая читальня, окна которой выходили на территорию зоны. Наши роли были распределены предельно четко. Толик, сидя за столом, писал текст. Снаружи, сидя на лавке лицом к окнам читал свои любимые экономические журналы Степан Хмара. По периметру разгуливал Андрей Шилков. Андрей не мог не заметить опасность. А опасность заключалась в появлении на территории охранников. В таком случае он должен был подать знак Степану, а увидев этот знак, Степан должен был снять с головы шапку. А я, стоя у окна читальни, должен был немедленно предупредить Толика. Эта наша система работала совершенно четко, без каких-либо осечек. После благополучной отправки пакета с информацией мы приступали к набору новых сведений. У Андрея Шилкова было право на свидание, которое должно было состояться в скором времени. Были опасения, что о дате проведения свидания Андрею скажут лишь в самый последний момент. В таком случае он бы уже не успел подготовиться и забрать с собой на свидание готовый пакет с собранной информацией. А единственным способом принести этот пакет с собой на свидание (речь идет, разумеется, о длительном свидании - до трех дней) и переправить его на волю, являлся организм, тело человека или точнее - его прямая кишка, анус, проще говоря. Сведения записывались на очень тонкой бумаге. Металлические резки для токарного станка, во избежание появления ржавчины заворачивались в специальную, тонкую промасленную бумагу. Мы эту бумагу кипятили, в результате чего бумага полностью очищалась от масла, и на ней можно было писать. Весь текст с информацией записывался на этой бумаге кратко и

чрезвычайно мелким почерком. Затем мы тщательно сворачивали бумагу, заворачивали ее в полиэтилен и туго перевязывали. Получался небольшой компактный пакет, который прятался в вышеупомянутом месте и в других, порой, самых невероятных местах. Мне, например, рассказывали, как один зек, привязав длинную и прочную нитку к пакету, проглотил его, и привязал нитку к зубу, а во время свидания, буквально вытянул пакет из горла. Словом, есть много реальных и выдуманных историй на эту тему.

И вот для того, чтобы нас не застали врасплох, Андрей решает постоянно носить готовый пакет в прямой кишке. Это наверняка причиняло Андрею невероятный дискомфорт. И этот период продлился довольно долго. И вдруг однажды ему заявляют, что он лишается права свидания. У Андрея повредилась кишка, началось кровотечение. Его состояние было настолько тяжелым, что засуетилась даже администрация, понимая, что нужно что-то предпринять. Андрея отослали в больницу. Однако окончательно он вылез из больницы лишь после освобождения, когда получил нормальное лечение. Пакет вернулся к Толику. Его надо было спрятать в очень надежном тайнике. Толик решил спрятать его в кочегарке, в двухметровой вертикальной заваренной трубе. Об этом знали только мы с Толиком. Он приделал к пакету кольцо и закинул пакет в трубу. При необходимости этот пакет можно было вытащить из трубы, подцепив кольцо длинной проволокой. Однако события стали развиваться слишком стремительно. Продержав меня довольно долго в ШИЗО в начале, насколько помню, осени 1984 года, из 35-й зоны меня перевели в малую 37-ю, а вместо меня в 35-ю привезли Марзпета. Степана перевели в 36-ю зону. Незадолго до моего перевода в малый лагерь 37-й зоны туда же из больницы перевели и Андрея Шилкова. Некоторое – недолгое, время мы находились там вместе. Толик находился в 35-й, вместе с Марзпетом Арутюняном и Вячеславом Долининым. Спустя некоторое время - уже после того, как меня перебросили на 36-ю зону, Толика перевели в 37-ю.

Значительно позже, уже в 2000 годы, 35-й лагерь посетил Иван Ковалев. Он рассказал мне, что в музее при зоне он увидел текст, который нашли в тайнике, и который, по его мнению, был написан рукой Толика. Не исключается, что это и был тот самый наш пакет. Хотя, Толик, конечно, мог уже без нас смастерить и спрятать новый пакет с информацией.

Толик был против курения.

-Видишь ли, - говорил он, - речь ведь идет не только о здоровье. Ты ставишь себя в зависимость. Когда тебя желают наказать, то лишают сигарет, и ты уже чувствуешь себя наказанным. Ты не должен давать такие рычаги своему противнику.

Меня в очередной раз лишают права делать покупки. Толик пообещал мне: вопреки своим принципам купит для меня пару пачек сигарет. Был теплый, погожий день. Я стою возле столовой. Размахивая пачкой сигарет в поднятой руке, и держа несколько пачек - в другой, он направляется ко мне быстрым шагом и радостно кричит:

- Смотри, я купил тебе сигареты!

И вдруг со столба, стоящего возле крыльца столовой, срывается ворона и, подлетев к Толику, выхватывает из его вытянутой руки пачку сигарет. Мы стоим как вкопанные. Ворона благополучно совершает посадку на крыше медпункта и пытается поудобней ухватиться клювом за свою добычу, но пачка падает и скользит вниз по крыше. Мы кидаемся к цели, все трое - я, ворона и Толик. Мы с Толиком оказались проворней и схватив пачку победили ворону. А ворону ту звали Фросей, была ручная. Она всегда усаживалась на столб возле столовой и брала с наших рук еду. Я и знать не знал, кто ее приручил. А еще на нашей зоне жил кот Вася, которого мы тоже подкармливали. В основном о нем заботился один старик по фамилии Аксенов. Рассказывали, что еще задолго до моего появления, на этой зоне было много котов и кошек. Однако кто-то в администрации решил, что с помощью котов, зеки, каким-то образом закрепив свои записки, или еще как-то приспособив этих животных, переправляют на волю информацию. В результате администрация зоны распорядилась переловить всех кошек и котов и сжечь в кочегарке. Старик Аксенов рассказывал, как эти несчастные звери - горящие, но все еще живые, совершенно обезумев от боли, метались по раскаленной топке. Не исключено, что они убили и нашу Фросю. Во всяком случае, до моего отбытия, Фрося все еще была жива.

Зимой, если кто-то из зеков находился в ШИЗО, то, работающие в кочегарке зеки по ночам перекрывали на некоторое время горячую воду, которая поступала из зоны в поселок, и тем самым направляли ее в трубу ШИЗО, чтобы находящийся там наш голодающий друг получил возможность хоть немного согреться. Наша котельная отапливала и поселок, и нашу зону. Автором этой идеи являлся Толик. Перекрывали на некоторое время воду, затем открывали вновь, и так - несколько раз за ночь. Днем ничего подобного мы сделать, разумеется, не могли. Однажды ночью на этом деле поймали Марченко и отправили его в карцер. Ввиду своей глухоты Толик не услышал шагов приближающихся охранников, которые обнаружив у себя в комнатах холодные трубы, решили проверить кочегарку.

В 1985 году из 37-й зоны, несмотря на состояние здоровья, Толика сначала запирают в ПКТ, затем, сменив режим содержания, отправляют в Чистополь. 4 августа 1986 года Анатолий Марченко объявляет голодовку с требование освобождения всех политических заключенных. Его голодовка длится 117 дней. 8 декабря 1986 года, Толик умирает.

Евгений Андрюшин

Женя Андрюшин родился в 1951 году, был физиком, кандидатом наук из Москвы, также изучал философию, очень образованный, разносторонне развитый, эрудированный человек. Срок он отбывал за антисоветскую агитацию и пропаганду. В 1982 году был приговорен к 3 годам лагерей и 2 годам ссылки.

В 35-ю зону я прибыл совсем недавно. Мы с Андреем Шилковым ходим по территории зоны и беседуем об истории Армении. Андрей - историк и довольно

хорошо знает историю армянского народа. Мы говорим о Геноциде, об утерянных армянских территориях. К нам подходит Женя. Андрей коротко пересказывает ему содержание нашей беседы. Женя присоединяется к нам и, мы беседуем и гуляем уже втроем. С первых же минут я начинаю понимать, что Андрюшин - чрезвычайно интересный собеседник, и решаю - чаще буду беседовать с ним.

Он знает, что я занимаюсь самообразованием, к тому же - изучаю марксизм-ленинизм. Все это он уже проходил - еще в студенческие годы. Некоторое время спустя он приносит две книги - про Альберта Швейцера и «Письма из Ламбарене» Швейцера, которые я читаю с огромным удовольствием.

Следующие дни мы вместе составляем для меня новый список необходимой литературы. Список получается неимоверно длинный. Он никак не вмещается в срок моего заключения.

- Пиши заявление в КГБ Армении, пусть тебе добавят срок, - смеется Женя.

Составленный нами список был роскошным и длинным, плюс наши продолжительные и интересные беседы. Этот период своей жизни я могу со всей уверенностью назвать периодом преобразования. Сегодняшний Арутюнян Вардан - это в большей степени продукт 1983 года, ибо именно тогда мое сознание, моя личность подверглись весьма существенным изменениям.

В 1985 году с разницей в несколько месяцев меня и Женю отправили в ссылку. Меня - в Магадан, а Женю - в автономную область Коми. Мы активно переписывались. В 1987 году Женя был освобожден, а через год освободился и я. Он знал, что домой я буду возвращаться через Москву и пригласил меня к себе домой в гости. Это были беспокойный, но, в то же время, чрезвычайно интересный исторический период - 1988 год. Я провел в доме у Жени, наверное, больше недели - пока улаживал кое-какие дела в Москве. И по сей день не оборвалась наша с ним связь. Дружбу с Женей я считаю одним из больших своих приобретений.

Андрей Шилков

Андрей Шилков, Андрюха - двухметровый мой друг, которого уже нет с нами сегодня. Я так благодарен судьбе за то, что она предоставила мне возможность встретиться с ним еще один раз перед его смертью. В декабре 2007 года я поехал в Израиль, посетил Иерусалим. Андрей жил со своей семьей именно в Иерусалиме. Он не просто проживал в Иерусалиме, он был влюблен в этот город и знал его лучше любого экскурсовода. Он мог днями водить человека по таким интересным местам, в которые их не повел бы ни один опытный экскурсовод. Очень любил он крыши

Старого города и имел множество уникальных фотографий, которые сам же и сделал из этих крыш.

В ноябре 2008 года я получил от Ирины - супруги Андрея (и дочери активистки еврейского диссидентского движения Аси Лащивер, которая поддерживала меня своими письмами во время моей ссылки) короткое письмо: «Андрей Шилков умер».

Это тот случай, когда, услышав страшную весть, ты цепенеешь не от ужаса, а в первую очередь от изумления. Быть такого не может. Это невозможно. Но, увы - в этой жизни происходят порой и совершенно невозможные вещи. Андрею было 56 лет.

Мы познакомились в 35-м лагере и очень быстро подружились. Затем недолго находились вместе в малой 37-й зоне. В апреле 1985 года, после трех лет отбывания наказания, Андрей был сослан в Томск, а я в июле того же года был сослан в Магадан. Мы непрерывно переписывались.

Андрей носил невероятно большого размера обувь, - наверное, 46-го, или даже большего. Как-то осенью отправился он в магазин за зимними ботинками, а ему там сказали, что нет в магазине обуви такого размера, да и вряд ли когда-либо они ее получат. Пошел я в магазин. Выяснилось, что в магаданских магазинах есть такого размера ботинок. Выбрал самые тёплые и пригодные для сурового Магаданского края ботинки, купил их и послал Андрюхе. Через пару дней получаю от него письмо с фотографией: на кровати лежит Андрей с довольной улыбкой, а у изголовья важно красуются новенькие ботинки. И надпись:

- Буду хранить их исключительно у изголовья.

Андрей очень хорошо разбирался в литературе. Речь идет не только о русской литературе, а о мировой. Начиная с японцев, и заканчивая европейцами и американцами, включая все периоды времени и течения. С ним было очень интересно беседовать. Особенной его страстью была поэзия. Он ее и любил, и прекрасно декламировал, и великолепно в ней разбирался. Я тоже знал не мало стихотворений наизусть. Сидя вдвоем в курилке мы часто подбадривали друг друга, декламируя поочередно любимые стихи.

Настоящих ценителей, знатоков литературы и поэзии на наших зонах вообще было много. Марк Морозов в 37-й колонии все твердил, что хочет заняться со мной математикой. Говорил, что я в этом плане перспективный. Для пущей убедительности он сравнивал математику и поэзию. С воодушевлением отмечал о сходстве этих совершенно разных миров. Однажды в ходе очередного разговора на эту тему, он совершенно неожиданно для меня начал для наглядности декламировать стихотворение Блока «В ресторане».

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на жёлтой заре - фонари.

Он с таким чувством прочитал эти стихи, что я был просто потрясен. Я знал много стихотворений Блока наизусть, но столь глубокая, столь эмоциональная декламация в исполнении совершенно истощенного, беззубого, больного, едва передвигающегося Морозова, поразила меня и навсегда отпечаталась в моей памяти. И по сей день, каждый раз, читая Блока, я непременно вспоминаю Морозова.

Андрей не заучивал наизусть понравившиеся стихи, он запоминал их автоматически и с упоением зачитывал. Целые части поэм, а порой и всю поэму. У него было очень красивое произношение. Никто не читал стихи так, как это делал он, и я до сих пор не слышал чтеца лучше.

В то время я знал много стихотворений наизусть (сейчас уже постепенно забываю). Правда, до Андрея мне было очень далеко, но я часами и с удовольствием декламировал стихи. Поэзия всегда была со мной и поддерживала меня. В грязных и вонючих тюремных камерах, в холодных штрафных изоляторах в самые тяжелые моменты своей жизни я всегда читал в уме стихи, и тем самым жизнь моя казалась светлее, мне становилось легче на душе. А когда улыбалась удача и я оставался в одиночестве, тогда читал стихи вслух.

- Пусть отгороженные от мира и миром забытые эти грязные стены, видевшие тысячи известных и неизвестных страданий и жестокостей, эти стены видевшие искалеченные жизни, услышат стихи Терьяна. Пусть услышат Терьяна и от этого станут чище.

Я также никогда не пытался намеренно заучивать стихи наизусть. Если мне нравилось произведение, то в результате неоднократного прочитывания, оно запоминалось и становилось «моим», и тогда я мог в любую минуту просто декламировать его. И на русском языке, и на армянском. Помню, у кого-то на зоне был сборник стихотворений Кипплинга. Я взял эту книгу на некоторое время. Тогда я впервые прочитал «Баллада о Востоке и Западе». И настолько она мне понравилась, что я решил непременно переписать ее в свою тетрадь. Владельца книги могут в любой момент увезти из зоны, и тогда будет очень жаль, что в свое время не переписал. Однако в процессе переписывания оказалось, что я уже знаю его наизусть.

Удивительно, но встречались и такие стихотворения, которые очень нравились мне, но никак не запоминались. Например, я переписал и при каждом удобном случае перечитывал «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, но так и не запомнил

ее наизусть. Я и сейчас иногда перечитываю ее, но это творение для меня относится к категории произведений, которые мне следует именно читать, а не декламировать.

Любое новое и сколько-нибудь значительное произведение - независимо от объема, я получал и из Армении. У меня есть две сестры - Нарине и Карине. По ночам, покончив с повседневной рутинной, они аккуратно переписывали из книг и журналов довольно объемные тексты и посылали их мне. Я регулярно получал увесистые письма от моих сестер. Они мне присылали не только то, что я просил, но и то, что сами находили интересным или полезным.

В дальнейшем, когда я уже находился в ссылке, Андрей с помощью своих московских связей сумел организовать для меня бесперебойную доставку самой лучшей литературы.

В 1987 году Андрей был досрочно освобожден. В Москве Сергей Григорянц начал выпускать свой журнал «Гласность». Андрей стал работать в редакции этого журнала. А еще через некоторое время он с семьей переехал в Израиль.

На 35-й зоне отбывали свои сроки очень многие достойные упоминания, яркие и известные деятели диссидентского движения. Там находился представитель Украинской Хельсинской группы **Микола Матусевич**. Матусевич родился в 1947 году. Был арестован в 1977 -ом вместе с Мирославом Мариновичем. Их приговорили к максимальному сроку заключения – к 7 годам лагерей и к 5 годам ссылки. Из-за мятежного поведения, проявленного на зоне, Миколу на 3 года перевели в чистопольскую тюрьму. Мы с ним познакомились, когда, отсидев свой срок в тюрьме, он возвратился на 35-ю зону. До сих пор чудесным образом у меня сохранились две иронично подписанные фотографии с изображением домашнего питомца Миколы - кота. Если бы на этих фотографиях был сам Микола Матусевич, то их бы у меня, разумеется, конфисковали.

В 35-м лагере также находился **Иван Ковалев**. По той же статье - по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, были осуждены и его отец - известный московский диссидент Сергей Адамович Ковалев (умер в августе 2021г.) и жена Ивана - Татьяна Осипова. Отец был арестован в 1974 году и приговорен к 7 годам лишения свободы и к 3 годам ссылки, жена Ивана - Татьяна, была арестована в 1980 году и приговорена к 5 годам лишения свободы и к 5 годам ссылки. Сам Иван был арестован в 1981 году и также был приговорен к 5 годам зоны и к 5 годам ссылки. Вот такая замечательная семья узников совести. Я всегда думал, в каком же тяжелом положении пребывали все оставшиеся на воле члены этой семьи. Ведь совершенно точно, что ближайшие родственники семьи заключенного порой переживают арест своего сородича намного тяжелее, чем сам заключенный.

Иван очень часто попадал в ШИЗО. Даже более чем часто. Я сейчас не в состоянии вспомнить все причины и поводы, но Иван и Валерий Сендеров в этом плане являлись неоспоримыми лидерами. Ивана запирали в ШИЗО из-за какой-нибудь мелочи, по совершенно дурацкому поводу. Хорошо помню один случай. Меня приводят в ШИЗО, а там в одной из камер уже пару дней сидит Иван. Я кричу:

- Ваня, за что?

- Черт их знает! Понятия не имею, - отзывается Иван.

В 1985 году, когда меня до перевода в ссылку в целях изоляции привезли из 36-й зоны в больницу, я встретился с Иваном вновь. Все три политзоны обслуживала одна больница, которая находилась на территории 35-го лагеря.

Мы переговаривались с ним через окно. Он дал мне московский номер телефона некоего надежного, как он сказал, человека, которому я позднее позвонил из ссылки. Однако, ответив на звонок, и узнав, кем я являюсь и откуда я, этот человек в жесткой форме потребовал, чтобы я никогда больше ему не звонил. После того, как я уехал в ссылку, с Ваней произошли какие-то драматичные метаморфозы. Он пошел на стовор с КГБ. Как потом сам объяснял – для спасения Тани, которой грозил новый срок. Ситуация, конечно, не из простых. Тут каждый сам должен искать приемлемый выход для себя. Вариантов мало. Ваня, видимо, иного выхода не нашел. Жаль конечно, очень жаль!

На 35-й зоне я также очень подружился с эстонским диссидентом **Арво Пести**. Арво был филологом, специалистом в области русской литературы. Из-за ареста прервалась его учеба в университете, но после своего освобождения он продолжил учебу и закончил университет. Родился Арво в 1956 году, а в 1983 году был арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы и к 2 годам ссылки.

Наша дружба с Арво продолжалась и на воле. После 1988 года, то есть - после моего освобождения, мы постоянно поддерживали связь. В апреле 1989 года в Эстонии организовали съезд представителей национальных движений. И меня пригласили. Прибыв в Эстонию, я переночевал не в гостинице, а в доме у Арво. Мы, разумеется, всю ночь беседовали.

В 2010 году Арво опубликовал книгу о диссидентском движении в Эстонии. Он писал, что весь тираж изданной книги был продан всего за один день. Вот насколько велик интерес в Эстонии к этому периоду собственной истории. Пожалуй, это одно из существенных отличий между нами и эстонцами. Арво постоянно советовал мне бросить все и начать писать. Я же объяснял ему, что не могу позволить себе этого, ибо наша страна переживает непростые времена и все слишком сложно, и в сложившихся обстоятельствах я не могу оставаться в стороне от этого глобального процесса и заниматься писательством. В ответ он написал мне: «Да, все это дурно

пахнет. Ведь у вас два таких замечательных соседа - Россия и Азербайджан. Как же вы можете жить там? Никогда не будет у вас мира.» Он все уговаривал меня перебраться в Эстонию.

В 2010 году я получил письмо, отправленное от электронной почты Арво: «Вашего друга Арво больше нет». Арво скончался во сне, а сообщала мне об этом его супруга.

Гаврилюк

По утрам зеков из жилой зоны впускают в производственную путем подсчета и переключки. ДПНК или простой охранник зачитывает фамилии зеков, после чего зеки проходят в трудовую зону. При необходимости зеков обыскивают, как при входе на трудовую зону, так и при выходе из нее - в жилую. Прибыв на 35-ю зону, я с удивлением обнаружил, что эту самую переключку здесь осуществляет один пожилой зек по фамилии Гаврилюк.

Он был военным преступником. О себе сам ничего не рассказывал, но о нем рассказывали много разных историй. И согласно всем этим историям, Гаврилюк во время войны переметнулся к фашистам и даже занимал у них какие-то ответственные посты. На оккупированных территориях он занимался выявлением евреев и коммунистов. Участвовал в массовых убийствах.

После отступления фашистской армии он с помощью поддельных документов и под вымышленным именем остался на советской территории и вскоре нашел работу. Стал верным коммунистом и должностным лицом.

Однако в 1968–1969 гг. его разоблачили, арестовали и приговорили к 15 годам лишения свободы. Изначально его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, но затем каким-то чудом мера наказания была смягчена.

На зоне Гаврилюк служил администрации согласно своей сущности, то есть – с той же скрупулёзностью и с тем же энтузиазмом, с какими когда-то служил фашистам и коммунистам. Весной 1984 года, где-то ближе к лету, заканчивался его срок заключения. Он уже приготовился к своему освобождению. Собрал все свои вещи, попрощался с теми, с кем общался. На следующий день должен был покинуть зону. За день до выхода решил напоследок как следует помыться. С этой целью он явился в кочегарку, в которой постоянно была горячая вода. А наличие пара предоставляло возможность не только помыться, но и попариться. Зеки, трудящиеся в кочегарке, часто пользовались этой прекрасной возможностью. Гаврилюк снял с себя одежду в раздевалке, зашел в баню и больше оттуда не вышел.

Спустя некоторое время двери бани открывают и обнаруживают бездыханное тело Гаврилюка.

Несмотря на возраст физически Гаврилюк был здоровым и очень крепким человеком. Абсолютно все были уверены (я уверен до сих пор) в том, что в кочегарке его убили. Это было очевидно. Да и нас никто особо и не пытался разубеждать в этом. Пятнадцать лет назад советская власть приговорила этого человека к казни, по каким-то причинам отложила это дело, но не забила и вот спустя 15 лет тот приговор был приведен в исполнение.

У многих военных преступников были интересные истории. Например, белорус Барковский рассказывал, что во время своей службы на стороне фашистов он занимался захоронением тел расстрелянных соотечественников. Он всякий раз подчеркивал, - что не участвовал в расстрелах, а именно предавал земле убитых. Он так же рассказывал, что в отведенной в центре Минска огромной территории погребали немецких военнослужащих, которые погибли в результате боевых действий. Таким образом, довольно большая территория в центре Минска была, фактически, превращена в кладбище солдат и офицеров вермахта.

После войны молодой Барковский стал активистом-комсомольцем и по поручению вышестоящих товарищей, вместе с другими членами ВЛКСМ принял участие в работах по демонтажу этого огромного кладбища. Он рассказывал, как они ломали надгробия и выравнивали землю, сажали там деревья, строили парк.

Затем уже совсем взрослый Барковский, водил своих детей в этот самый парк - гулять и играть. В ответ на мой наивный вопрос: «Но ты же знал, что там под землей - немцы, которых ты сам же хоронил, о чем ты думал?», - он совершенно искренне удивился: «Так ведь это же парк. Куда же еще детей водить?»

Не менее любопытной была история, которую поведал старик Бабушкин из 37-й зоны. Он приносил еду в ШИЗО, поэтому мы называли его баландером. Баланда — это тюремная похлебка, очень жидкий суп. Сам по себе Бабушкин особого интереса не представлял. Случай у него был вполне обычный. Когда началась Вторая мировая война он учился в школе – в десятом классе. В результате советской пропаганды, совершенно не осознавая всю серьезность предпринимаемого шага, он, так же, как и тысячи его сверстников, отправляется со своими одноклассниками в военкомат и пишет заявление для поступления в ряды добровольцев. Молодых ребят немедля принимают на военную службу и отправляют на фронт. В ходе первого же боя некоторые из них сразу погибают, а выжившие ребята попадают в плен. В плен попадает и Бабушкин вместе с двумя своими товарищами. Немцы предлагают юношам сотрудничество, и все трое соглашаются. В рядах фашистской армии их служба заключалась в охране различных объектов - складов и мостов. Однажды один из друзей Бабушкина заметил у немецкого офицера красивые часы. И вот в один прекрасный день, этот парень наряду с другими вещами, крадет эти часы и пускается наутек. Немцы устремляются за ним в погоню, очень быстро ловят нерадивого вора и вешают за воровство на сколоченной в самом центре деревни виселице. Во второй половине 1960 годов по обвинению в измене родине в СССР

осудили огромное количество бывших военнопленных. Как правило, их приговаривали к 15 годам лишения свободы. Бабушкин был одним из них.

- На этапе предварительного следствия меня возили по тем деревням, в которых мне пришлось служить в качестве немецкого солдата. По местам боевой славы, - смеясь говорил Бабушкин, - вдруг в одной из деревень гляжу - стоит памятник моему другу, который спер часы. А на постаменте того памятника надпись: Герой Советского Союза.

Вот такие были герои в стране Советов.

На зоне серьезно обстояли дела с личной литературой. Правда, существовала в лагере довольно богатая библиотека, которая образовалась благодаря зекам, которые на протяжении нескольких десятков лет оставляли на зоне свои книги. Люди оставляли не только книги, но и самодельные книги, сшитые собственными руками из различных газет и журналов. Каждому зеку разрешалось иметь при себе не более 5 книг одновременно. Лишняя книга сдавалась в администрацию и хранилась вместе с другими вещами на складе, который находился за пределами зоны. Для того, чтобы получить доступ к такой книге, зеку приходилось писать специальное заявление на имя начальника зоны и потом еще ждать целую вечность, пока ее либо принесут зеку, либо нет.

Мы также имели возможность покупать книги с помощью довольно распространенной в советское время службы - «Книга-почтой». Для этого нужно было заполнить соответствующую квитанцию, послать ее по адресу книжного магазина, и если книга в этом магазине в наличие была, то покупатель ее получал.

В 1983 году - весной или летом, из города Чусовой привезли на зону огромное количество литературы - на продажу. Ясное дело, в тех местах читающих людей обитало не много, книжки залежались на полках магазинов и складов. Видно, какого-то умника озарила мысль продать эти книжки зекам. В этих бескрайних просторах читающая публика в основном обитала на зонах. Наша книжная ярмарка продлилась всего один день. Книги были выставлены в столовой. Мы подходили, выбирали книги и записывались у бухгалтера зоны, а она уже позже вычитала стоимость книги из нашего лицевого счета и высылала необходимую сумму в книжный магазин.

За работу на зоне нам платили мизерный процент от заработной платы. Эти деньги не представляли собой существенную сумму, но накапливались на счетах. Кроме того, на наших счетах хранились и те деньги, которые нам присылали наши родственники. Перевод можно было тратить на покупку канцелярских товаров и книг, но нельзя было на них покупать продукты. Среди книг, которые были привезены в лагерь на продажу, можно было найти очень хорошую и интересную литературу, предлагались, в том числе, и все тома «БВЛ» - («Библиотека Всемирной Литературы»). Мы сделали крупные и организованные покупки. Организованные в том плане, что не покупали одни и те же книги, а по предварительной

договоренности покупали разные и нужные книги, которыми потом обменивались. В результате в лагере появилось довольно много интересной и полезной литературы.

Я завел такую привычку: книги, которые были мне нужны (если они были не слишком большими и, если исключалась возможность их приобрести) я переписывал в толстую тетрадь. Если произведение было слишком объемным, то я переписывал лишь самые важные и интересные части. Зеки могли иметь при себе любое количество тетрадей, в этом плане не было никаких ограничений. Поэтому у меня было довольно много тетрадей. Три толстые тетради хранятся в моем архиве по сей день. Две из них относятся к злополучным томам Ленина и социал-демократической классике. В эти тетради я переписал и отметил самые примечательные, на мой взгляд, эпизоды, которые, как я считал тогда, могли бы пригодиться мне в будущем. Вот одна страница из этих тетрадей:

1901 г. . . . 201 руб
1902 г. . . . 202 руб
1903 г. . . . 208 руб
1904 г. . . . 213 руб
1905 г. . . . 205 руб

в 1906 г. . . . 231 руб
в 1907 г. . . . 241 р.
в 1908 г. . . . 242 р.
в 1909 г. . . . 236 р
в 1910 г. . . . 242 р.

Том 23 [Перечитатъ]

Рабочий класс и национальный во-
прос. в 1913 г. «Чтобы разные нации свобод-
но существовали вместе или расходились (когда
удобнее), составляют разные государства,
то необходимо полный демократизм,
полной привилегии, ни для одной нации,
и одного языка! Ни малейшего привесе-
ния, малейшей несправедливости к нации
или меньшинству! — вот принципы рав-
ноправия.

Проект платформы к IV съезду с-д партии
1913 г. — «Национальный вопрос» — написана
в августе 1913 г.; напечатана в августе 1913 г. на
русском языке. — Говорит о том, что августовская
конференция ликвидаторов 1912 г. признала
лозунг «культурно-национальной автономии»
вопреки решению II съезда, а лозунг «объединения
рабочих и помещиков одной нации». Дальше
говорит: «Мы безусловно демократы, враждебны
всякому, хотя бы малейшему, угнетению какой-
либо нации, всякой привилегии той или иной на-
ции. Мы требуем, как демократы, свобод-
ного определения нацией в политической
жизни — в рабочем отделе

А третья сохранившаяся тетрадь посвящена поэзии. Все остальные мои тетради, к сожалению, конфисковали и уничтожили. Об этом я напишу позже, если, конечно, не забуду.

Охранники и их информаторы постоянно бродят по территории зоны и, заметив что-нибудь подозрительное, тут же докладывают в администрацию. А самым подозрительным действием на политзоне является писанина - осуществление каких-то записей, заметок. Если ты все время усиленно что-то пишешь, притом делаешь это открыто, то будь готов к обыску, который произойдет в самое ближайшее время. Всю твою писанину у тебя заберут и заявят: «Проверим - вернем, если там нет ничего антисоветского». Я старался не писать на армянском языке, иначе потребовались бы месяцы для, так называемой, проверки. Им пришлось бы отправить мои заметки в Армению, где их должны были проверить и дать свое заключение, и только после этого здесь должны были решить, стоит ли мне их возвращать.

И вот однажды попадает мне в руки маленький сборник стихов Франсуа Вийона. Прочитав книжку я стал просить владельца, чтобы тот подарил или продал мне этот сборник. Предлагал ему даже в обмен за книжку чай - самую конвертируемую на зоне валюту, а он все смеялся в ответ, да не соглашался. И я понял: придется переписывать. Переписывал несколько дней. Знал, что скоро придут обыскивать. Явились. Обыскали. Изъяли и унесли. Ну, и как полагается, пообещали вернуть, если в записях не будет ничего антисоветского.

Был у нас на 37-й зоне один капитан ДПНК по фамилии Романов, если не ошибаюсь. Не самый гнусный, кстати, персонаж. Его продвинули по должности и перевели в 35-й лагерь. Тут он был отрядным и как должностное лицо имел собственный маленький кабинет. Увидев меня в этом лагере, он так обрадовался, словно встретил родного человека. Не упускал случая подойти и поговорить со мной. И вот через несколько дней после обыска, подходит ко мне этот капитан и приглашает на беседу. Вид у него мрачный.

- Арутюнян, Вы же серьезный человек. От Вас я такого не ожидал. Как вы можете такую похабщину писать? Как вам не стыдно?

И бросает на стол конфискованные у меня бумаги.

Я удивлен:

- Что такое, начальник, что случилось?

А он тычет пальцем в балладу Вийона «Жалобы прекрасной оружейницы», в которой есть такие строки:

Где белизна точеных рук
И плеч моих изгиб лебяжий?
Где пышных бедер полукруг,

Приподнятый в любовном раже,
Упругий зад, который даже
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?

Я пытаюсь объяснить ему, что это стихотворение было написано примерно в 1450–1460 годах, и лично я к этому не имею никакого отношения, но все тщетно - он крайне взволнован и разочарован мной до глубины души. Ничего не желает слышать.

- Мы это уничтожим и дело с концом. И знайте, что не к лицу Вам это, не к лицу! - назидательно заявляет капитан.

Вот такая вот нелепость.

37-я зона (малая)

Мое возвращение в 37-ю зону из 35-й было довольно странным. О предстоящем этапе зека никогда заранее не предупреждают. Не прошло и двух часов после того, как я вышел из ШИЗО и только принялся что-то с удовольствием жевать, как меня вызвали на беседу с обслуживающим зону чекистом. Очень часто я, как и другие, отказывался от бесед с чекистом. Но бывало, что и соглашался. Не было никакого желания обострять и без того крайне напряженные отношения. Я пошел на эту беседу, и в ходе нее чекист сообщил мне, что в скором времени меня ожидает этап. Куда именно, он не сказал. По его словам, можно было догадаться, что далеко. Об этой беседе я рассказал Степану Хмаре и Анатолию Марченко. Мы поразмышляли и пришли к выводу, что в чистопольскую тюрьму меня скорее всего не повезут, поскольку, несмотря на то, что я имел многочисленные нарушения и довольно часто попадал в ШИЗО, но все же в течение текущего года не сидел в ПКТ, а именно это последнее обстоятельство и являлось одной из важнейших предпосылок для дальнейшей отправки зека в Чистополь. Оставался Ереван. Мы решили, что меня повезут в Ереван - на профилактику. Существовала такая практика. Зека отправляли туда, где он был осужден, и проводили с ним, так называемые, «беседы», в ходе которых настоятельно советовали «одуматься» и отказаться от «ложного» пути, а затем, разумеется, возвращали на зону. Этакая профанация, которую они называли «профилактической работой». Но весь ужас заключался не в самой «беседе», а в том, что из-за этой глупости лишний раз отправляли на этап, причем, дважды - туда и обратно. Снова бесконечные пересылки, снова вши и клопы, снова пребывание в неведении. Однако во всей этой истории самым удивительным, точнее - невероятным, фактом являлось то, что чекист меня заранее предупредил о предстоящем этапе. Этого никогда не делалось. Не стоило долго думать и гадать, было и так понятно, что предупредили меня специально для того, чтобы я успел подготовиться и попытаться забрать с собой пакет с информацией, дабы каким-то образом на этапе переправить сведения на волю. А они, разумеется, были намерены меня перед этапом обыскать и этот самый пакет обнаружить. Это было элементарно. Мы поняли, что ни в Чистополь, ни в Ереван чекисты меня отправлять не намерены. Их цель заключается в том, чтобы сострять на меня новое дело, но таким образом, чтобы у них на руках были отобранные у меня антисоветского содержания материалы. Следовательно, мы решили, что мне ничего с собой брать нельзя. Через несколько дней, как и обещал чекист, за мной пришли и поручили собирать вещи. Минут через десять я был готов. Меня повели в отдельную комнату - на обыск. В обыске, в числе других, принимал участие и врач лагеря. Они проверили все мои вещи и всю одежду, каждую мелочь, тщательно прощупывая каждый сантиметр, затем к делу приступил врач. Точнее - к телу. Словом, проверил все внешние и внутренние органы. И ничего не нашел. Так и стояли удивленные и

обескураженные. Как же так? Им было сказано, что обыск непременно будет результативным, но они ничего не нашли.

Меня перебросили на 37-ю, где все было уже таким знакомым. Я уже не помню, по какой надуманной причине меня сразу же, не выпуская в зону, закрыли в ШИЗО. В тот самый изолятор, в котором я в свое время сидел бесчисленное множество раз. Злились видимо, что их примитивный чекистский план провалился. А еще через несколько дней из 35-й зоны перевели в 36-ю Степана Хмару. Из нас троих в 35-й остался лишь Анатолий Марченко. Где-то во второй половине сентября 1984 года я уже находился на малой 37-й зоне. Там же на тот момент находились: Андрей Шилков, Юра Сугучев, Сигитас Тамкявичус, Олесь Шевченко, Тариел Гвиниашвили. Тридцатое октября был день политзаключенного и, разумеется, этот день следовало ознаменовать голодовкой. В этот день такая акция проводилась в обязательном порядке, и не было никакой необходимости предупреждать об этом политзеков, а уж тем более – уговаривать их. Но в тот год в малой 37 зоне к нашей голодовке присоединились далеко не все политзеки. Много у меня со временем выветрилось из памяти, но этот случай я забыть не могу. На той зоне я встретил Новый год (1984–1985), но уже в самых первых числах января я находился уже в 36-й.

Олесь Шевченко

Олесь родился в 1940 году. Диссидентской деятельностью начал заниматься в 1960 годах. Был подельником Виталий Шевченко и Степана Хмари. Вместе они издавали «Український вісник». Был членом Украинской Хельсинской группы. В 1980 году суд приговорил Шевченко к 5 годам лишения свободы и к 3 годам ссылки. Сразу после осуждения его по этапу привезли на 36-ю зону. За участие в акциях протеста в лагере Олесь был отправлен в ШИЗО, после чего его увези в Киев - на профилактику. После, так называемой, профилактики его вернули на зону, но уже в 37-ю. Все то короткое время, когда мы с Олесем находились вместе, он болел. Передвигался с трудом, с помощью трости.

После своего освобождения я встретился с ним в 1989 году на площади в самом центре Киева. На площади проходил многотысячный митинг, и я подошел к трибунам, чтобы посмотреть, нет ли там моих знакомых. В отличие от ереванских митингов, на трибунах митингов, проходящих в Киеве, всегда было много бывших политзаключенных. Людей было очень много, обстановка на площади была воодушевляющая. Олесь - здоровый, бодрый и окрыленный, заметил меня и подошел первым. Позже он стал депутатом Верховной Рады Украины.

У меня до сих пор хранится открытка с новогодними пожеланиями, которую он подарил мне. Она не подписана. Я как-то спросил его:

- Олесь, а где же твоя подпись?

- Так на открытке – портрет Тараса Шевченко, нет никакой необходимости ее подписывать.

Мы до сих пор поддерживаем связь и встречаемся на различных конференциях или во время моих визитов в Киев.

Священник Сигитас Тамкявичус

Сигитас - литовский католический священник, родился в 1938 году. В 1962 году он окончил семинарию и начал служить в церкви. В 1968 году вступил в орден иезуитов, который был запрещён на территории СССР.

Всем известно, что советские власти вмешивались в дела церкви, и церковь всегда находилась под их непосредственным контролем. Сигитас рассказывал, что, начиная с 1961 года, КГБ постоянно пытался завербовать его, однако - безуспешно. В Советском Союзе контроль над церковью осуществлялся в том числе и с помощью завербованных священников, а незавербованные священники, как правило, подвергались репрессиям.

Вместе с другими священнослужителями Тамкявичус составил и подписал петицию против репрессивных действий, которая осуществляется советская власть в отношении Каунасской семинарии. В результате этой петиции советская власть запретила ему в течение года осуществлять своё священническое служение.

В дальнейшем он завязал знакомства с московскими диссидентами и начал передавать информацию о нарушениях прав человека в Литве в «Хронику текущих событий».

С 1972 года Сигитас Тамкявичус начал издавать в подполье «Хронику Литовской Католической Церкви» и занимался этим до 1983 года. Кроме того, он являлся одним из основателей Католического Комитета по защите прав верующих.

В 1983 году он был арестован и приговорен к 6 годам лагерей и 4 годам ссылки. В 1985 году, когда Сигитас находился на зоне, в Литве была составлена петиция в его защиту, которую подписали 50 000 человек.

Он был освобожден в 1988 году. В 1989 году Сигитас Тамкявичус был назначен ректором Каунасской семинарии. Был рукоположен в епископы, а затем стал митрополитом Каунасской архиепархии.

36-я зона

Я так и не понял, почему не позволили мне завершить свой срок в малой 37-й зоне. Всего-то оставалось досидеть месяцев пять-шесть.

Сразу после нового года, 2 или 3 января, меня и находящегося в большой 37-й зоне Иосифа Бегуна в одном автозаке повезли в 36-ю зону и сразу же заперли в штрафном изоляторе. Мы сидели в одной камере. В том же изоляторе находился тогда и Ишхан. Он вместе с Алексеем Смирновым и Вячеславом Евдокимовым находился в ПКТ. После стольких лет у меня впервые появилась возможность поговорить с ним. Он очень волновался за меня.

-Будь осторожен, здесь часто поклепы возводят. У тебя заканчивается срок, и тебя привезли сюда специально, чтобы завести новое дело, - беспокоясь обо мне предупреждал Ишхан.

Эти наши короткие переговоры стали последними.

Мы с Иосифом отсидели свои 10 или 15 суток в ШИЗО и вышли, а Ишхан все сидел в ПКТ, и должен был сидеть там еще долго. За систематические нарушения ему ужесточили режим на 6 месяцев. Он находился в ПКТ - помещении камерного типа. Одно было ясно: пока я нахожусь на этой зоне, Ишхан сюда не выйдет. Мы были уверены, что его либо отправят в Чистополь, - поскольку нарушений было много, а срок содержания в ПКТ подходил к концу, - либо перебросят в другую зону. Тогда никто из нас не мог даже представить себе, что 24 апреля 1985 года Ишхана обнаружат повешенным в его камере. В 1989 году появилась возможность привезти его останки в Армению. Могила Ишхана сегодня находится на одном из холмов, окружающих родное его село Саратак, Артикского района.

36-я зона была разделена на две части. Под этим же номером находилась и зона для особо опасных рецидивистов. Этот отдельный участок колонии начал действовать с 1980 года. На той зоне отбывали свои сроки политзеки-рецидивисты. Из армян там находились Ашот Навасардян и Азат Аршакян. Наша зона находилась в 500 метрах от особой. Администрация и чекисты у нас были общие. Особая зона отличалась от зоны строгого режима (в которой находились мы), тем, что зеки особой зоны содержались в камерах, а не в бараках, и носили не обычную черную зековскую одежду, а полосатую робу.

Из камер их выводили лишь на пару часов на прогулку, которая проводилась в специальной большой камере без крыши. Другой возможности дышать свежим воздухом зеков в особой зоне не было. Если зек себя вел хорошо с точки зрения администрации, то есть - не принимал участия в акциях протеста, не совершал никаких нарушений, выполнял все требования администрации, то с какого-то момента он, в пределах той же зоны, мог быть переведен с особого режима на общий. Это означало, что он мог заниматься такой трудовой деятельностью, которая

Полосатая одежда

не предусматривает исключительно камерные условия. Например, мог работать кочегаром. Такие зеки могли проводить весь день снаружи, но ночью были обязаны возвращаться в камеры.

Новая моя зона существенным образом отличалась от всех предыдущих. Прежде всего, территория этой зоны была намного больше. На территории 36-го лагеря было довольно много строений: отдельная баня, отдельный медпункт, отдельная столовая и так далее. Она отдаленно напоминала, возможно, 35-ю зону, но не могло быть никакого сравнения с первой моей зоной - 37-й. Там была металлообрабатывающая, столярная мастерская, был небольшой цех, в котором изготавливались детали и электрические провода для утюгов. Сама зона находилась на берегу реки Чусовая, поэтому весной там часто случались большие и малые наводнения. Кроме того, в этой зоне было значительно больше людей. И еще одно важное обстоятельство: в жилой зоне существовала самая настоящая аллея из деревьев. Я уже писал о том, что деревья были и в 35-й зоне, но они были отделены от территории зоны колючей проволокой, ими можно было любоваться, прогуливаться рядом, но находиться непосредственно под ними было невозможно. А здесь можно было пройти по аллее до столовой, или медпункта. Мы с удовольствием прогуливались по этой аллее.

Аллея 36-ой зоны

Это было красиво и удивительно. Согласно действующей инструкции, вся территория зоны должна была быть хорошо обозримой, а всякого рода мешающая

обзору «эстетика» считалась абсолютно неуместной и лишней. В 1953-1972гг. на этой зоне отбывали сроки бывшие сотрудники МВД и КГБ. Видимо, к ним проявлялось некоторое снисхождение – разрешили сажать алею, а позже, когда на этой же зоне стали содержать уже таких особо опасных государственных преступников, коими являлись мы, решили не вырубать.

Из диссидентов на тот момент на 36-й находились: Александр Огородников (Москва), Ростислав Евдокимов (Ленинград), Алексей Смирнов (Москва), Зорян Попадюк (Львов), Григорий Исаев (Самара, о нем я писал ранее), Михаил Мейлах (филолог, Ленинград), Валентин Погорилый (музыкант, Ленинград), Фрайманис Гунар (поэт, Латвия), Альфонсас Сваринскас (литовский католический священник), Борис Черных (писатель, Иркутск), Вахтанг Дзабирадзе (Тбилиси), Юрис Бумейстер (инженер, Латвия, о нем я писал ранее), Владимир Беликов (Киев), Лубман Леонид (Ленинград) – которого, кстати, сперва обвинили по статье антисоветская агитация и пропаганда, а позднее сменили на статью «измена родине», только потому, что он являлся инженером и якобы имел доступ или отношение к секретной документации. И это, безусловно, далеко не полный список, есть полно забытых мною фамилий. Из моих старых друзей, с которыми я сидел еще на 35-й зоне, здесь – на 36-й находились Норик Григорян, Зураб Гогия и Степан Хмара. К тому времени, когда я туда прибыл, 36-ю зону покинули такие известные диссиденты, как Генрих Алтунян (Харков, перевели в чистопольскую тюрьму), Виктор Некипеов (Москва, поэт, перевели в чистопольскую тюрьму) и Мирослав Маринович (Львов, отправился в ссылку).

Альфонсас Сваринскас

Отец Альфонс - так мы обращались к этому высокому, статному и необычайно светлому человеку. Он родился в 1925 году. Вера всегда была его поддержкой и опорой. Именно благодаря вере он преодолел и продолжал преодолевать невероятные трудности на своем жизненном пути.

Первый раз отец Альфонс был арестован, когда ему было всего 20 лет - в 1946 году, по обвинению в связи с антисоветским подпольем. Под «антисоветским подпольем» советская власть подразумевала вооруженное партизанское сопротивление и движение за независимость Литвы, которое началось в 1943–1944 годах и продолжалось вплоть до конца 1950-х годов. Это партизанское сопротивление, первоначально называвшееся Фронтом литовских активистов, в 1949 году было переименовано в «Движение за свободу». И представителей литовского движения за свободу, и представителей западноукраинского и прибалтийского партизанских движений условно называют «лесными братьями».

И вот из-за связи с «лесными братьями» или под предлогом якобы существующей такой связи, и арестовали еще совсем молодого Альфонсаса и приговорили к 10 годам лагерей. В 1954 году в заключении он был тайно рукоположен в священник сан и с того момента начал свое служение. Через 10 лет - в 1956 году, он выходит на

свободу. А еще через два года - в 1958 году, его снова арестовывают по обвинению в хранении газет и журналов, которые, были изданы до 1940 года, и приговаривают к 6 годам лишения свободы.

В 1964 году, после своего освобождения, он продолжает свое служение в качестве священника, а также становится членом Католического комитета защиты прав верующих и пользуется большим авторитетом среди верующих.

В очередной, третий раз Альфонсаса Сваринскаса арестовали в возрасте 58 лет - в 1983 году, и осудили за антисоветскую агитацию и пропаганду, приговорив к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. Когда я познакомился с ним, ему было уже 60 лет.

Он тайно проводил на зоне причастия и обряды крещения. Причем было совсем неважно к какой церкви относился тот или иной верующий. Он относился с любовью и глубоким уважением к последователям любой церкви и с большой готовностью выполнял свою службу.

Между прочим, это был далеко не уникальный случай на зоне. В большой 37-й зоне было очень любопытно наблюдать за дружбой пятидесятника Николая Горетоя и православного священника Глеба Якунина. Я был свидетелем того, как они вдвоем в скрытом уголке тайно крестили одного молодого зека, обратившегося в веру.

- Тяжело первые десять лет, потом уже сидеть легче, - шутя говорил отец Альфонс и улыбался совершенно необыкновенной, только ему присущей улыбкой.

Советская власть освободила его в 1988 году. Однако освободили его под условием, что он немедленно покинет территорию СССР, и Альфонсас Сваринскас уехал за границу. Однако события стали разворачиваться столь неожиданным образом, что советская власть больше была не в силах препятствовать его возвращению на родину, и в 1990 году отец Альфонс вернулся в Литву.

В Литве он был избран членом Сейма - высшего законодательного органа страны. Затем настоятельствовал в ряде церквей.

Отец Альфонс скончался в 2014 году, удостоившись высших наград литовского государства и, полагаю, что ушел он с чувством удовлетворения результатами своей многолетней деятельности.

Александр Огородников

Александр Огородников был одним из самых активных зеков на зоне. Он постоянно вступал в перепалки с администрацией. Был всегда готов на самые решительные шаги защищая как собственные права, так и права других зеков.

Огородников родился в 1950 году в городе Чистополь, то есть там, где находилась тюрьма, в которую отправляли самых непокорных политзеков. Окончив школу, он был увлечен идеями марксизма и коммунизма. Поступил на философский факультет Екатеринбургского университета. В этот период он начинает плавно

отходить от марксизма и больше склоняться к вольнодумству и религии, за что его и исключают из университета.

В 1974 году с группой единомышленников он организовал христианский семинар, на котором изучали богословие и христианскую философию. С этой же группой единомышленников он начинает в 1976 году выпускать самиздатский религиозный журнал.

В первый раз Саша был арестован в 1978 году и осужден на год по надуманному обвинению (ст. 209 УК РСФСР – «тунеядство»). Ровно через год в день предполагаемого освобождения он был вновь обвинен, но уже по статье антисоветская агитация, и приговорен к 6 годам лагерей строгого режима и к 5 годам ссылки.

В 1985 году его вновь приговаривают к 3 годам лагерей, на этот раз - по обвинению в оказании сопротивления представителям администрации колонии. Таким образом, его срок наказания увеличился до 8 лет - в лагерях и 5 лет - в ссылке.

Во время горбачевской перестройки - в 1987 году, Сашу досрочно освобождают. Обосновавшись в Москве, он начинает заниматься общественной и политической деятельностью. Издает религиозные журналы, основывает Христианско-демократический союз России и занимается благотворительностью.

После моего освобождения мы с Александром восстановили нашу связь. Мы встречались, когда я бывал в Москве. Несколько лет назад он гостил у меня в Ереване.

Грузины

После 1983 года среди политических заключенных на зонах резко увеличилось число грузин. Грузины встречались на политзонах всегда. В 1960-х их было не мало в мордовских лагерях, а в 1970-х – в пермских, но именно в 1984 году их число существенным образом увеличилось. Летом 1983 года и в начале 1984 года в Грузии были раскрыты сразу две крупные подпольные организации – «Национальное освобождение» и Республиканская партия Грузии. В связи с этим по статье «антисоветская агитация и пропаганда» были осуждены 8 человек, и в 1984 году все они уже отбывали сроки в лагерях. В начале 1980-х в Грузии существовало мощное движение сопротивления, многие представители которого осуждались либо по уголовным статьям, либо по статье «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а осужденные по этим статьям отбывали свои сроки не на политзонах, а в уголовных тюрьмах и колониях, которые, как правило, находились на территории их республики.

Из организации «Национальное освобождение» я был знаком с отбывающим срок в малой 37-й зоне Тариелом Гвиниашвили. Тариел был 1960 года рождения. Вместе со своими товарищами - Закарием Лашкарашвили (1954 г.р.) и Гурамом Гогбаидзе (1949

г.р.) они наладили печать и распространение листовок в Тбилиси, Кутаиси и других крупных городах Грузии. Содержание листовок в основном относилось к Георгиевскому трактату, который был заключен в 1783 году, и на основе которого Грузия вступила под покровительство России. В 1983 году этому документу исполнялось 200 лет, и руководство Советской Грузии планировала отметить этот день с большой помпой - в знак торжества нерушимой и вековой русско-грузинской дружбы. Вот это торжество с помощью своих листовок и испортили Тариел и его товарищи.

Тариела и Гурама Гогбаидзе приговорили к 4 годам заключения, а Закария Лашкарашвили - к 5 годам лагерей и к 2 годам ссылки.

Из членов Республиканской партии Грузии я был знаком с Вахтангом Дзабирадзе. Он сидел в 36-й зоне. Вахтангу (1953 г.р.) вместе со своими друзьями-братьями Леваном (1953 г.р.) и Давидом (1960 г.р.) Бердзенишвили, Вахтангом Шония (1955 г.р.) и Фридоном Чачанидзе удается издать несколько номеров подпольного журнала «Самрекло» («Колокол»). В результате Вахтанг был приговорен к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы. Леван Бердзенишвили и Вахтанг Шония получили по 3 года, а Давид Бердзенишвили и Фридон Чачанидзе - по 2 года.

Вахтанг и Давид, в числе других бывших грузинских политзеков, в дальнейшем стали членами парламента Грузии.

Иосиф Бегун

В 36-ю зону в самом начале января 1985 года меня привезли вместе с Иосифом Бегуном. Несмотря на разницу в возрасте, мы с ним очень сблизились. В целом, разница в возрасте особой роли на зоне не играла. Намного важнее были человеческие качества. Люди могли иметь противоположные мнения, могли придерживаться различных идей, но при этом быть честными, благородными, готовыми отстаивать свои права и права других, не падать духом и не ломаться. Именно такие качества играли решающую роль во взаимоотношениях.

Иосиф был кандидатом технических наук, работал в качестве старшего научного сотрудника в одном из НИИ, однако позже - в начале 1970-х, увлекшись пропагандой еврейской культуры ушел из НИИ и стал преподавать математику. Организовывал кружки по изучению еврейской культуры и иврита, пытался эмигрировать в Израиль, однако - тщетно, поскольку не смог получить разрешение на выезд из СССР. Столкнувшись с новой реальностью, он, наряду с пропагандой еврейской культуры и языка, начал активно заниматься правозащитной деятельностью, главным образом, направленной на защиту прав «отказников» (так в Советском Союзе называли людей, которым государство отказывало в праве выезда за рубеж). Начиная с 1972 года, Иосифа время от времени арестовывали, однако

первый свой серьезный срок он получил в 1977 году. В марте 1977 года по сфабрикованному делу он был обвинен в тунеядстве, осужден на 2 года ссылки и был сослан в Магаданскую область, в Буркандью – в тот самый поселок, в который намного позже был сослан и я. Когда он рассказывал мне о Колыме и Буркандьи, мы, разумеется, и знать не знали, что я после зоны туда попаду. По окончании срока ссылки Иосиф вновь был осужден уже на три года и вновь был сослан в Магаданскую область. А в 1982 году он был осужден к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки за антисоветскую агитацию и пропаганду. Изначально он находился в 37-й большой зоне, а затем его вместе со мной перевели в 36-ю зону. В 1985 году, после того, как я покинул зону, ужесточили режим содержания Иосифа, вследствие чего его перевели в чистопольскую тюрьму. Оттуда он и был освобожден.

Позже, когда я прибыл в ссылку и оказался в том самом поселке, в котором несколько лет назад находился Иосиф, то в числе первых полученных мною писем было письмо его жены. Связь с семьей Иосифа не прерывалась до 1987 года, то есть до тех самых пор, когда он был освобожден досрочно и эмигрировал в Израиль. Освободившись, Иосиф написал мне письмо, в котором сообщил о своем намерении уехать в Израиль и передать мне существенную часть своей библиотеки. Потом я долгое время раздумывал о том, каким же образом мне переправить эти книги из Магадана в Ереван.

Сегодня Иосиф Бегун живет и работает в Иерусалиме. Я был безмерно счастлив встретиться с ним во Львове в ходе мероприятий, посвященных 40-летию Украинской Хельсинкской группы. Мы с Иосифом переписываемся и поддерживаем связь. В 2018 году он был в Ереване и гостил у меня.

Зорян Попадюк

Это было второе осуждение Зоряна. Лишь плохое состояние здоровья послужило причиной тому, что он не был признан особо опасным рецидивистом. Иначе отправили бы его на зону к полосатым. Зорян родился в 1953 году в семье вольнодумцев. Его мать преподавала немецкий язык во львовском университете и занималась распространением самиздата. С самого детства Зоряна окружали люди, которые прекрасно помнили все те ужасы, которые творили фашисты и коммунисты. Вторая мировая война закончилась совсем недавно, свежи были воспоминания и юный Зорян очень часто слушал рассказы очевидцев этих трагических событий.

Однажды после наводнения на берегу Днестра вскрывается братская могила, в которой были захоронены тела гимназистов, расстрелянных коммунистами в 1939 году. Зорян рассказывал, что не стирается из его памяти жуткая картина: обезумевший старик, бродящий кругами возле этой вскрытой могилы. Там были останки двоих его сыновей.

Родственники Зоряна показали ему и другую братскую могилу, в которой было похоронено более 900 людей. Этим людям советская власть уничтожила в 1941 году в тюрьме родного города Зоряна – Самбор, за несколько дней до вторжения фашистов и отступления советской армии. А в лесу была братская могила евреев, которых расстреляли фашисты.

Все это не могло не повлиять на формирование мировоззрения и личности Зоряна. Будучи школьником, он уже твердо знал, что следует бороться против советской оккупации. В старших классах школы Зорян и его друзья основывают организацию «Украинский национально-освободительный фронт» и начинают распространять самиздат и листовки.

Особенно активную деятельность их организация разворачивает в 1968 году во время известных событий в Чехословакии, когда советские войска вторглись на территорию этой страны и с помощью танков подавили Пражскую весну.

Министерство иностранных дел Чехии пригласило Зоряну принять участие в мероприятиях, посвященных 49-й годовщине этих событий. Он поехал в Прагу и повез с собой листовки из архива КГБ. Листовки, которые составил и распространил со своими друзьями в 1968 году 15-летний Зорян Попадюк. Цитата из этой листовки: «Граждане! Не верьте лживым заявлениям советского радио! Армии СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии - агрессоры, а не защитники социализма в ЧССР! Осудите военное вторжение! Протестуйте!»

- Советская армия шла мимо моих окон на Прагу, - говорит в одном из своих интервью Зорян.

В 1973 году 20-летнего Зоряна Попадюка - студента филологического факультета Львовского университета, вместе с друзьями-студентами арестовывают. Основанием для задержания послужили подпольная деятельность и распространение листовок. Одна из листовок содержала следующие призывы:

«Сражайтесь, убеждайтесь, доказывайте!.. Готовьте себя и своих близких к тому, чтобы пожертвовать всем, даже жизнью, ради жизни других народов, ради дружбы свободных и равных народов... Да здравствует свободная Украина, свободная Грузия, свободная Латвия, Литва, Эстония!»

По обвинениям в антисоветской агитации и пропаганде Зоряна приговаривают к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки.

Для отбывания срока наказания его отправляют в лагерь для политзаключенных, находящийся в Мордовии, где он сразу отличается своим чрезвычайно активным поведением. В 1975 году его режим ужесточают и переводят на 3 года во владимирскую тюрьму.

После завершения срока заключения он отправляется в ссылку в Магадан. В связи с приобретенным туберкулезом легких он переносит серьезную операцию, в результате которой удаляют часть легкого. Для продолжения ссылки его отправляют в Казахстан. В 1984 году он должен был выйти на свободу, но в 1982 году его вновь судят по той же статье - «антисоветская агитация и пропаганда». На

этот раз приговаривают к 10 годам лишения свободы и к 5 годам ссылки. В основу обвинения легли письма, которые он писал родственникам и друзьям.

Зорян был одним из самых дисциплинированных, организованных людей, которых я когда-либо знал. Самым приемлемым способом убеждения он считал собственный пример.

Зорян, как и многие политзеки, был освобожден во время горбачевской перестройки - в 1987 году.

В 1990 годы он являлся мэром родного города Самбор, затем стал представителем президента Украины в этом регионе. Сейчас Зорян не работает.

Наша связь с ним продолжается. Время от времени мы беседуем по телефону. Зорян не слишком увлекается современными средствами связи и пассивен в социальных сетях. В 2017 году мы встретились в ходе конференции, которая проходила во Львове. Надеюсь, у нас еще ни раз будет возможность встретиться.

Алексей Смирнов

Алексей Смирнов, Леша - один из тех немногочисленных русских, которым совершенно чужды идеи великодержавного шовинизма. На протяжении нескольких столетий русских учили, убеждали и всячески пытались (и пытаются) доказать, что стремление России контролировать соседние страны является более чем естественным. На протяжении нескольких столетий русскому человеку внушали (и продолжают внушать) мысль о том, что Россия имеет эксклюзивное право на вторжение, порабощение и вершение судеб других народов по прихоти своей и разумению.

В таких условиях избежать влияния пропаганды, имеющей столь глубокие корни, и столь ласкающей слух - способен лишь человек чрезвычайно объективный, непредубежденный. Алексей - один из немногих.

Недавно он опубликовал статью «Национальный вопрос». Алексей пишет, что окончательные выводы в этом вопросе он сделал для себя на зоне, а главной степени - в период отбывания срока в чистопольской тюрьме, когда стал читать и углубляться в саму суть этого вопроса. Судя по многочисленным беседам с ним на эту тему и судя конкретно по этой статье, он способен рассматривать «национальный вопрос» не только с точки зрения русского, но и с точки зрения представителя «национального меньшинства». И вот, пришел он к выводу, что: «этот самый «нацвопрос» вовсе не вопрос национальностей или политический - это вопрос ЭТИКИ, то есть Хорошего и Плохого, Добра и Зла».

Алексей Смирнов родился в Москве в 1951 году. Его дед - писатель Алексей Костерин, был осужден в 30-40-х годах. Он был одним из зачинателей зарождающегося в Москве в 1960-х годах диссидентского движения, и самым серьезным образом занимался вопросом национальных меньшинств. Его внимание было сосредоточено на проблемах депортированных и сосланных в сталинскую

эпоху народов Северного Кавказа и крымских татар. Так что Алексей был в курсе национального вопроса с юности. В диссидентском движении в 1960-е годы принимала участие и мать Алексея.

С 1969 года Алексей Смирнов начинает активно заниматься диссидентской деятельностью. В 1979-1982 гг. вместе с Иваном Ковалевым и другими диссидентами Алексей занимался подготовкой информационных материалов о нарушениях прав в СССР для сборников «Хроники» и «Вестей из СССР». По сути, именно они собирали, корректировали и превращали в готовые тексты все поступающие для публикации материалы.

Алексея арестовали в 1982 году и по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде приговорили к 6 годам лишения свободы и 4 годам ссылки.

Из-за активного поведения на зоне в 1986 году режим его содержания ужесточили и отправили в чистопольскую тюрьму. Это произошло после того, как я покинул зону и уже находился в ссылке. В 1987 году во время перестройки он в числе многих политзеков был амнистирован.

После своего освобождения Алексей продолжал активно заниматься правозащитной деятельностью.

Мы никогда не прерывали связь. Наряду с другими моими сокамерниками, он и члены его семьи регулярно поддерживали меня своими письмами во время моей ссылки. В 1988 году после моего освобождения мы стали общаться более интенсивно. Сегодня мы с Алексеем большие друзья и, разумеется, не прерываем наше общение. Правда, встречаемся редко, но благодаря коммуникационным возможностям 21-го века общаемся довольно регулярно.

Условия содержания на зоне

Политические заключенные в СССР отбывали наказание в лагерях строгого или особого режима и, если это предусматривалось приговором, то - в закрытых помещениях, тюрьмах. Я уже писал ранее о том, что по рекомендации администрации зоны строгого режима суд мог принять решение об изменении режима содержания заключенного, и перевести зека из зоны в тюрьму на срок до трех лет.

Зеки, отбывающие наказание в колониях строго режима:

- Содержались в общежитиях, точнее - бараках, напоминающих армейские, в которых были поставлены в ряд кровати, а при каждой кровати было по тумбочке и табуретке;

- Могли тратить до пяти рублей в месяц на продукты питания и товары первой необходимости. Это значило, что раз в месяц открывался небольшой, так называемый, магазин - ларек, в котором зек имел право отовариваться на сумму в пределах 5 рублей. Естественно, эта сумма не выдавалась зеку на руки. Деньги накапливались на счете зека - в качестве оплаты труда. У меня до сих пор хранится приобретенный в ссылке Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в котором в пунктах о труде и об оплате труда говорится, что трудиться были обязаны абсолютно все заключенные, независимо от их возраста и состояния здоровья. И пенсионеры, и инвалиды были обязаны работать, и они, действительно, все работали. Отдыхали зеки только по воскресеньям. Администрация могла привлекать зеков и к неоплачиваемому труду, что она часто и делала. В 39-й статье этого самого кодекса говорится, что на счет осужденного, если он не нарушает режим и выполняет трудовой план, перечисляется не менее 10 процентов от его заработной платы. То есть, в случае имеющихся нарушений, запросто могла придерживаться и вся зарплата. Аналогичным образом поступали если заключенный не выполнял трудовой план. А выполнить этот план, кстати говоря, было не так уж просто. За счет труда заключенного содержались как сами зоны, так и сотрудники лагерей. Зек за свой труд, в лучшем случае, получал какие-то мизерные проценты. Эти проценты позволяли отовариваться в ларьке в пределах допустимой суммы - пяти рублей. А этих пяти рублей хватало лишь на две банки повидла, средний месячный запас сигарет без фильтра и на покупку еще каких-то мелочей. Зек, допустивший нарушения, мог быть лишен возможности отовариваться.

- В течение года имел право на два краткосрочных и одно длительное свидания. Продолжительность краткосрочного свидания составляла не более трех часов, а длительного - не более трех дней. Свидания являлись единственной возможностью связи с внешним миром. Об этом знали и зеки, и администрация. Именно по этой причине весьма часто активных зеков лишали свиданий. Но на зоне всегда находились честные зеки, которые в силу своего характера, или по каким-то иным причинам не проявляли чрезмерной активности. А бывало и так, что зек проявлял пассивность намеренно - по предварительной договоренности, когда нужно было добиться свидания для передачи накопившихся сведений из зоны на волю. А

единственной возможностью передать информацию являлось, как я уже писал, тело человека. После того, как переправленная информация публиковалась, КГБ в некоторых случаях удавалось вычислить зека, который эти сведения передал, но бывали и такие случаи, когда чекистам это сделать не удавалось.

- Имел право на получение двух передач в год. Масса каждой такой передачи не должна была превышать 1 кг.

- После отбытия не менее половины назначенного судом срока наказания, имел право получать одну передачу в год в виде посылки. Масса такой передачи не могла превышать 5 кг, однако администрация могла лишить зека и этого права, что она часто и делала.

- Имел право отправлять не более двух писем в месяц. С письмами также не просто обстояли дела. Письма вкладывались в конверты, которые не заклеивались и опускались в открытом виде в почтовый ящик. Эти письма отправлялись по обозначенному адресу лишь в том случае, если на это давал «добро» цензор после ознакомления с содержанием письма. При малейшем подозрении письмо конфисковалось.

Питание на зоне было, мягко говоря, недостаточным. Зек постоянно испытывал чувство голода. Кроме этого, пища могла быть очень плохого качества или вовсе испорченной. Весьма часто в блюдах из круп или макаронных изделий можно было обнаружить червей. В таких случаях начинались акции протеста, а этому следовали карательные меры. Как-то на 36-й зоне Норик Григорян обнаружил в своей тарелке червя, в связи с чем написал заявление, предложив провести в столовой санитарную инспекцию. За это заявление его отправили в ШИЗО. В 35-й зоне по специальности врач Степан Хмара, предложил снабдить посудомойщика губкой и содой, дабы обеспечить чистоту посуды. За это, казалось бы, вполне нейтральное и разумное предложение Степана так же посадили в штрафной изолятор.

В апреле 1985 года – не помню день, но точно - после 24 апреля, несмотря на то, что срок моего заключения заканчивался в июне, меня неожиданно увезли из 36-ой зоны. Ишхан уже погиб, но мы на зоне об этом еще не знали. Судя по тому обстоятельству, что мне поручили собрать его вещи, можно было предположить, что Ишхана увозят из зоны. Из ПКТ, где он находился, в лучшем случае, его могли перевести либо в 35-ю, либо в 37-ю зону, а в худшем случае - в Чистополь. О его смерти я узнал намного позже - наверное в августе 1985-го, уже во время моего пребывания в ссылке в Магаданской области.

Нас привели на обеденный перерыв из трудовой зоны в жилую, а после обеда должны были вернуть обратно. На трудовую зону мы попадали через контрольно-пропускной пункт, который зеки называют «шмоналовкой», поскольку там нас обыскивали, как при входе, так и при выходе. «Шмон» - обыск на блатном жаргоне.

«Шмоналовка» 36-ой зоны

По всей видимости, это слово имеет еврейское происхождение. «Шмонэ» на иврите означает «восемь». До Октябратской революции в одесской тюрьме, где находилось много евреев, ровно в 8 утра производились обыски. Отсюда и как синоним обыска это слово вошло в обиход. Такие контрольно-пропускные «шмоналовки» были на всех зонах.

По очереди читали фамилии зеков. Когда очередь дошла до меня, то мне велели ждать в сторонке. После того, как все зеки были пропущены на трудовую зону, охранники сказали, что я должен собрать все свои вещи и ждать дальнейших указаний. Стало ясно, что это мой последний день на зоне.

Вещей у меня было мало. Все мое богатство состояло из толстых тетрадей, исписанных русскими или армянскими текстами. Еще полгода назад я заранее упаковал все свои тетради с армянскими текстами и передал их с соответствующим заявлением начальнику зоны. В приложенном заявлении я просил, чтобы все эти тетради были заранее отправлены в Армению на цензуру и проверку на предмет антисоветчины и после проверки были возвращены на хранение в зону – на склад. В таком случае при отъезде в ссылку я мог бы их получать. Это был единственно верный способ спасти мои тетради. В моей же тумбочке остались лишь три тетради с текстами на русском языке, так же около десяти поздравительных новогодних открыток (в связи с наступающим 1985 годом), и несколько книг. Согласно неписаному закону, книги я должен был оставить на зоне. Богатая и разнообразная библиотека зоны своим существованием во многом обязана зекам, которые всегда оставляют после себя книги. Большую часть своих книг я, как и полагается, оставил, но некоторые – из числа тех, которые считал особенно важными для себя, я все же забрал с собой. Я был уверен, что открытки у меня конфискуют. Так было всегда: они забирали на проверку все открытки, письма и записки, которые мы посылали друг другу, и больше не возвращали их нам.

Пару лет назад родители в посылке мне прислали очень теплые рукавицы. Я их положил под подушку Степана Хмары, а под подушку Славика Евдокимова я положил двухтомник стихов Анны Ахматовой. Они, собственно, принадлежали Славика, я просто одолжил у него – почитать, но не возвращал. Время от времени он просил меня вернуть эти книги, но я на полном серьезе заявлял, что эти книги он мне подарил и теперь не имеет право забирать свой подарок обратно. Славик, в конце концов, потерял всякую надежду получить их обратно, и смирился с мыслью, что я заберу их с собой. Уже и не обращался ко мне с этой просьбой. Пряча эти томики под его подушкой, я улыбался, живо представив себе, как он обрадуется и удивится, обнаружив их. Я, разумеется, изначально не собирался брать их с собой. Во-первых, они принадлежали не мне, а во-вторых, нельзя было вывозить из зоны литературу подобного рода. Она была там нужнее.

Упаковав свои пожитки в баул, я вышел к ожидающим меня снаружи охранникам. Они привели меня в отдельную комнату на контрольно-пропускном пункте и приступили к обыску. Тетради мои они забрали, а книги и, как ни удивительно, открытки вернули. В ответ на мою просьбу вернуть тетради, они заявили, что вернут их только после того, как эти тетради проверят соответствующие люди и не найдут в них ничего криминального. «Но ведь я ухожу», – говорю, а они, смеясь, мне в ответ: – Далеко не уйдешь.

И действительно, меня на воронке повезли в больницу, которая находилась на территории 35-го лагеря. Через пару дней эти три тетради мне вернули. Я

предложил охранникам попридержать их до тех пор, пока я выйду из зоны, чтобы при очередном обыске не пришлось их снова проверять. В лагерной больнице я находился впервые. Там подавали белый хлеб и масло. В конце концов, это была больница, хотя я был вполне здоров. Впервые за много лет я ел белый хлеб с маслом. Через несколько дней ко мне в больницу явились чекисты из Армении. Я находился в прогулочном дворике больницы, когда охранник сообщил мне, что меня ожидают чекисты. Это был единственный случай, когда мне было, что спросить у них. Их было двое. Они приезжали один раз в год. После ряда вопросов и ответов общего характера они заявили, что знают о том, что я не тратил время на зоне впустую и серьезным образом занимался самообразованием. Подчеркнули, что я выбрал неверный путь и, если буду продолжать вести себя в том же духе, что и на зоне, то ничего хорошего меня не ждет. Меня не особо волновала их озабоченность. Меня интересовали мои тетради, о них я и спросил. Я подчеркнул, что специально отправил их заранее - за полгода до моей ссылки, на проверку, и так далее. Они, разумеется, были в курсе и пообещали, что мне вернут их. Затем я спросил о главном - об Ишхане. Где он находится, и как он? Мы все очень волновались о нем. Чекисты солгали, сказав мне, что незадолго до встречи со мной, они беседовали с Ишханом, и, что с ним все в порядке. С их слов я сделал вывод, что Ишхан находится в 35-й или 37-й зоне. Если бы он был в Чистополе, - думал я, - то они бы не сказали, что беседовали с ним «незадолго до встречи» со мной. И я совершенно успокоился. С Ишханом все в порядке, он не в тюрьме. Да и с тетрадями моими все в порядке, обещали вернуть. У чекистов я хотел получать ответы именно на эти два вопроса и удивительным образом все более чем хорошо складывалось.

Наступил день выхода из больницы. Мне вновь велели собрать вещи. Я сложил в вещмешок по очереди: алюминиевую ложку, зубную щетку, несколько коробков зубного порошка (кто же знает, сколько времени я проведу на этапе?), мыло и полотенце. Я так и не понял, почему в советской зоне запрещалось использовать зубную пасту. Так вот, это были самые что ни есть необходимые вещи. Затем я положил в баул несколько книг и вышел. Я был уверен, что при выходе из территории зоны мне вручат и мои тетради. И, действительно, снаружи стоял один из представителей начальства - тот самый, который приписывал мне произведение Франсуа Вийона. Он вручил мне три тетради с русскими текстами, затем этак торжественно расправил и встряхнул лист бумаги, который держал в руке, и стал громко читать текст примерно следующего содержания: «В тетрадях на армянском языке, никаких антисоветских либо иных запрещенных записей не обнаружено. Однако, поскольку существуют твердые основания подозревать, что в этих записях могут содержаться зашифрованные тексты, администрация колонии приняла решение об уничтожении этих тетрадей путем сожжения». Вот тебе и гром среди ясного неба! Вот тебе и слово чекиста! Вот тебе и наивность полагать, что удастся вывезти эти тетради только потому, что ты все заранее предусмотрел и отправил их на проверку еще за полгода до окончания своего срока заключения!

Затем охранник молча взял мой баул и стали снова обыскивать. Они в очередной раз перелистали по очереди все мои книги, расправили и проверили все складки и

закладки, открыли и проверили все до одной коробки с зубным порошком, прощупали сантиметр за сантиметром все швы на бауле. Все это длилось более двух часов. Затем мне велели раздеться до гола и, оставив всю одежду, выйти в таком виде в коридор и войти в дверь, находящуюся в конце коридора. В этой комнате меня ждали новая лагерная одежда и новая пара обуви. Я быстро оделся, обулся и, в обнимку с баулом, не взглянув и не попрощавшись с охранниками, был слишком зол, вышел.

Я всегда удивлялся, когда мои друзья, в особенности - мои армянские друзья, рассказывали о том, что им удалось вывезти из зоны огромное количество архивного материала. Я подчеркиваю, что речь идет именно о моих армянских друзьях, поскольку об этом я часто от них слышал. Большинство моих союзников других национальностей, как и в целом – большинство знакомых мне бывших политзеков оказались в том же положении, что и я. Но некоторые мои армянские друзья – бывшие политзеки смогли, как утверждают они, сохранить почти все письма, причем, речь идет не только о переписке с родными, но и о письмах, которые политзеки писали друг другу. Я говорю о письмах именно делового, информационного характера, которые касаются непосредственно жизни на зоне и зековским взаимоотношениям, о записках и тайной переписке. То есть, касаются таких тем, и имеют таких адресатов, что при первом же обыске их должны были конфисковать сразу на месте. Однако, как утверждают мои соотечественники - счастливые обладатели больших архивов, им все же удалось вывезти из зоны и сохранить весь этот материал. Как же так получилось, что им удалось это сделать, а мне - нет? У меня изъяли даже обычные письма личного характера, которые я получал из дома, от моих родных, и которые, кстати, прошли цензуру. Объяснили это тем, что я мог в этих старых письмах, которые, повторю, прошли цензуру, позднее – спустя месяцы и годы, закодировать или зашифровать какие-то тексты. Словом, все мои заметки и письма, все ценные тетради, каждая книга, содержащая хоть единую, нечаянную помарку, - все это было конфисковано, и все мои жалобы, как и любые мои попытки хоть что-то вернуть или сохранить, оказались абсолютно бессмысленными.

Дорога в Магадан

Из лагерной больницы меня на воронке повезли в пермскую тюрьму. Дорога заняла примерно 3–4 часа - город находится в 150 километрах от зоны. Ровно 4 года назад мы находились здесь с Марзпетом. Многие с тех пор изменилось. Изменился и я. Я уже был вполне опытным зеком и несколько иначе воспринимал события и людей. Пятнадцать или двадцать дней я провел в этой тюрьме - в одной из камер, находящихся на первом этаже.

Сначала я пребывал в одиночестве. Позже ко мне привели «полосатика» по фамилии Острогляд. Все его туловище было покрыто глубокими шрамами. Он сидел на зоне для особо опасных рецидивистов - вместе с Азатом Аршакяном и Ашотом Навасардяном. Опыт подсказывал мне, что присутствие этого зека следует принимать спокойно, но ни секунды не терять бдительность. Любая провокация с его стороны была более чем вероятной и ожидаемой. Значительно позже - уже в Ереване, Ашот и Азат подтвердили мои былые подозрения. Этот самый Острогляд на зоне являлся известным провокатором и мастером по членовредительству.

Меня очень интересовало место моей ссылки. Более пяти лет не видел своих родных. Я был постоянно лишен свидания. И очень надеялся на то, что если моя ссылка будет находиться относительно не далеко, то, возможно, моему отцу удастся навестить меня. Острогляд вызвался помочь мне и узнать через надзирателя о местоположении моей предстоящей ссылки. Через пару дней он сообщил, что я наверняка останусь в Пермском крае, и мое поселение будет находиться где-то на севере - в пределах Красновишерского района. Эта новость меня весьма обрадовала. Правда, Красновишерск - севернее Перми на 300 километров, но мои родные наверняка без труда смогут добраться. Туда и самолеты летают и поезда ездят.

В скором времени Острогляда из моей камеры увели, а еще через несколько дней велели и мне собрать вещи и покинуть камеру. Собрался и вышел. Был поздний вечер. Снаружи ожидал автозак. Я поднялся в кузов машины, двое сопровождающих конвоиров - один ярко выраженный славянин, а другой - весьма дюжий малый с азиатской внешностью, заперли двери моей «клетки» и заняли свои места. Командир конвоя уселся рядом с водителем, и мы тронулись в путь.

Самым нежелательным для меня вариантом этапирования являлся воронок. Я бы предпочел поезд. Трястись 300 километров по ухабам - серьезное испытание. Однако, к моему великому удивлению, машина вскоре остановилась, и конвойные солдаты вышли. Доносившийся снаружи гул подсказывал, что мы находимся в аэропорту. Моей радости не было предела. Стало быть, в ссылку я полечу на самолете! Я невообразимо обрадовался и не в меньшей степени удивился. Очень уже невероятной казалась мысль, что меня решили из одного города Пермского края - в другой этапировать на самолете. Просто невозможно было в это поверить. Солдаты стали беседовать с подошедшим к ним человеком. Я наострил уши. Судя по манере беседы, подошедший также являлся человеком военным. И вот прозвучал, наконец, долгожданный вопрос: «Куда отправляетесь?» Я напрягаю все свои слуховые

возможности, чтобы не упустить ни одного слова, и слышу короткий и совершенно неожиданный ответ:

- В Магадан.

Красновишерск оказался байкой. Зачем им понадобилось разыгрывать этот спектакль, я так и не понял. Не исключается, что в этом чекисты даже не участвовали, и байка была выдумана исключительно самим Остроглядом. А Острогляда ко мне подсадили с определённой целью: он должен был завоевать мое доверие, представившись другом Азата и Ашота, а затем - дать мне адрес, на который я должен был отправлять кодированные письма из ссылки. Он дал мне и адрес, и шифровку, с помощью которой должна была осуществляться наша переписка, но уже в процессе нашей с ним беседы я знал, что никаких писем на этот адрес я писать не буду и этой шифровкой пользоваться не буду.

Ну что же, Магадан, так Магадан. Совсем не против. Теперь стало понятно, почему я оказался в аэропорту. Не ходят в Магадан поезда. Там зона вечной мерзлоты, и нет железной дороги.

Вскоре мы находились уже в самом самолете. Ближе к кабине пилотов часть салона, в которой находились мы, была отделена от остальной части занавесками, и была совершенно пустой. В этой части сидели только я и сопровождающий меня конвой. На одном из кресел - возле окна, сидел я в наручниках, рядом со мной сидел капитан, впереди нас сидел один из солдат конвоя, а на заднем сидении - другой солдат. Сзади, до занавесок, были несколько пустых кресел. Во всем этом отделенном занавесками отсеке кроме нас не было ни души. Так мы и взяли курс на Восток. Мне казалось, что в салоне самолета с меня снимут наручники, но я ошибся. Стюардесса принесла нам еду. Не посчитал нужным просить и стал молча есть свою порцию прямо в наручниках. Меня крайне возмущало такое положение. Поэтому до конца нашего совместного полета я сними и пяти слов не проронил. Стюардесса подошла, чтобы забрать посуду, и спросила:

- Хотите что-нибудь еще?

Капитан ответил за всех нас:

- Нет.

- Я не Вас спрашиваю, - совершенно неожиданно заявила стюардесса.

Ее несомненно возмущал факт наличия наручников на моих запястьях. Я улыбнулся, сказал, что мне ничего не нужно, и она ушла.

Вскоре после этого из кабины пилотов вышел один летчик, подошел к нам и дружелюбно улыбаясь спросил:

- Ребята, закурить не найдется?

В самолете, конечно, курить было нельзя. После еды я по привычке вытащил из кармана пачку сигарет и просто вертел ее в руках, чтобы хоть как-то компенсировать навязчивое желание покурить. В ответ на просьбу пилота я в наручниках

автоматически протянул ему эту пачку. Он, разумеется, не курил «Приму» и, поблагодарив, отказался. А затем, взглянув на капитана, с укоризной сказал:

- Стыдно же, куда он денется с самолета?

Наверное, до капитана дошла вся нелепость ситуации, и он, наконец, снял с меня наручники. Сам же я был готов пролететь всю дорогу в наручниках.

Наш самолет приземлился в аэропорту Новосибирска. Меня вновь заковали в наручники, вывели из самолета и повели в застекленную дежурную часть милиции аэропорта. Капитан зашел внутрь и что-то долго объяснял находящимся там милиционерам. Было понятно, что он предлагал им запретить меня в своей дежурной части до объявления нашего рейса. А милиционеры, скорее всего, узнав, кем я являюсь, по какой статье осужден, и увидев красную полосу (опасен! склонен к побегу!) на моем деле, наотрез отказались. Недолго думая, капитан приковал меня наружниками к ближайшей батарее отопления напротив дежурки, приказал конвоирам не спускать с меня глаз и ушел по своим делам. Справедливости ради должен отметить, что мне предоставили стул и я на нем сидел. В этом аэропорту мы провели 4–5 часов - до объявления посадки на самолет, который должен был доставлять нас в Якутск. Вскоре по аэропорту разошелся слух о том, что в зале ожидания сидит человек, прикованный к батарее, и люди стали подходить группами, дивясь, разглядывать меня как зверя в зоопарке, и перешептываясь, удаляться. Особенно любопытными были дети. Мне казалось, что в тот день в этом аэропорту собралось невероятное количество детей, потому что не было конца этой очереди. Один из солдат пошел за мороженым. И мне предложили, но я отказался. В последний раз я мороженое ел много лет назад, и не хотел перед долгой и неизвестной дорогой подвергать испытанию мой организм. Наконец явился капитан, отцепил меня от батареи, и мы отправились на посадку в самолет. На этот раз в салоне самолета я сидел без наручников. Самолет приземлился в Якутске на заправку. Во время заправки я и сопровождающие меня конвоиры находились в салоне. Самолет вновь взлетел и спустя некоторое время совершил посадку в аэропорту города Магадан, где меня и передали из рук в руки встречающему нас отряду сопровождающего конвоя. Они сопроводили меня в автозак и без наручников доставили в магаданскую тюрьму. Прибыл я туда в конце мая, и, несмотря на то, что срок моего заключения заканчивался 6-го июня, в этой тюрьме я пробыл намного дольше - наверное, до первых чисел июля. Причина так и осталась для меня загадкой. Прибыв в ссылку, я узнал, что до меня там находился эстонский политзек Виктор Ниитсо и решил, что моя задержка в магаданской тюрьме связана с его освобождением, но позднее я выяснил, что он покинул ссылку намного раньше и это обстоятельство никак не могло быть связано со мной.

Я уже адаптировался к жизни заключенного и никаких признаков недовольства не выражал по поводу дополнительных недель, проведенных в тюрьме за счет ссылки, никаких бессмысленных вопросов надзирателям, которые и при желании не смогли бы на них ответить, я не задавал, - просто спокойно сидел в камере и ждал. Я знал, что все связанные со мной вопросы решаются не там - в тюрьме, а в кабинетах

кагебешников. Всему свое время - однажды меня выведут отсюда. Кроме того, я знал, что эти мои дни, проведенные в тюремной камере, не пропадут зря.

Магаданская тюрьма была обычной советской тюрьмой со всеми присущими ей неудобствами. Кормили трижды в день, один раз в день выводили на час на прогулку, приносили по просьбе ручку, иной раз и вовсе не забирали ее обратно, и, в отличие от пермской тюрьмы или зоны, не обыскивали с тем, чтобы отнять записи. Поэтому по сей день хранятся у меня некоторые записи, которые я сделал в магаданской тюрьме. Камера, в которой я находился, была в непосредственной близости с женским отсеком тюрьмы, и я невольно становился свидетелем их громких перебранок и столь распространенных в криминальном мире разборок. Моя камера была угловой, и поместили меня туда, конечно, не случайно, а для того, чтобы как можно больше изолировать от других зеков. В соседней камере сидели женщины, и я общался в основном с ними. Однажды через окно одной из камер, с помощью веревки в мою камеру перебросили конфеты и записку со своеобразной инструкцией - для общения посредством перестукивания. Из воспоминаний об этой тюрьме ярче всего запомнилась мне одна узница. Эта молодая женщина довольно неплохо пела, имитируя голоса известных певиц. Особенно хорошо это получалось у нее в прогулочном дворике. Надзиратели ей не мешали, и она, войдя в раж, пела одну песню за другой.

- Эй, политический, какую тебе песню спеть? - весело кричала она мне, когда обстоятельства складывались таким образом, что мы оказывались в одно и то же время в разных отсеках прогулочной площадки.

Позже в камеру ко мне подселили сокамерника. Это был пожилой человек, местный, которого я стал расспрашивать об особенностях магаданской жизни. Большинство жителей этого края пьет, это было первое, что я выяснил и что недалеко от Магадана в маленьком поселке, который почему-то называется Арарат, существует специальная зона общего режима для алкоголиков и наркоманов. И когда какого-нибудь алкаша или наркомана отправляют на эту зону, то о нем так и говорят, мол увезли его на Арарат. Сегодня поселок Арарат больше не существует.

Издавна считалось, что вся Магаданская область усеяна лагерями да тюрьмами. В действительности же, в 1980 годы там было довольно мало зон. В наши дни их осталось еще меньше, потому что из-за неблагоприятных условий, люди покидают этот край. Множество поселений и целые города сиротеют и превращаются в города-призраки, исчезают, разделив участь упомянутого мною поселка Арарат. В результате закрываются и зоны. Поселение, в котором я жил в ссылке, сегодня также является призраком. Там никто не живет. До 1960-х в Магаданской области действительно были лагеря на каждом шагу. И сегодня в бескрайней тайге можно с легкостью набрести на какую-нибудь заброшенную зону, или точнее - на ее развалины, колючую проволоку, решетки, столбы и вышки.

Заброшенная зона в Магаданской области

В Буркандю

В один прекрасный день мне велели собираться на выход с вещами. В автозаке было 15–20 зеков. Меня поместили в отдельный отсек - в тесную одиночную камеру и захлопнули железную дверь. В верхней части двери были высверлены маленькие отверстия для поступления воздуха. Сразу после того, как захлопывается дверь такой камеры, ты чувствуешь себя в закованном гробу. Ни вдохнуть, ни шевельнуться толком. Очень скоро начинают затекать все конечности, ныть мышцы и суставы. Изменить положение тела, вытянуть ноги, протянуть руки, и уж тем более встать - все это совершенно невозможно. И мне еще повезло, ведь я мелкого телосложения. Страшно себе представить муки крупного человека, оказавшегося запертым в этой железной коробке. В любом автозаке, в зависимости от марки машины, есть одна или две такие камеры, предназначенные для транспортировки особо опасных преступников. Эти же камеры используют и для транспортировки женщин-узниц, когда в общей камере находятся зеки-мужчины. Длительное пребывание в такой камере – сложно и трудно, но ничего не поделаешь, приходится терпеть.

Одиночная камера в автозаке

Магаданские расстояния - это тысячи километров. Преодолевать такие расстояния в автозаке очень тяжело.

Преодолев около 100 километров по знаменитой Колымской трассе, наш воронок сделал остановку для отдыха. Зеков, находящихся в общей камере, вывели наружу, чтобы они немного размялись и передохнули, а для меня лишь открыли дверь. Командир сопровождающего подразделения не позволил мне покинуть машину, но разрешил вытянуть ноги в коридор. Остановка предоставила возможность как-то улучшить свое положение, и я решил воспользоваться этой возможностью и обратился к командиру конвоя с просьбой, вывести меня наружу к остальным заключенными. Он согласился, но сказал, что в таком случае наденет на меня наручники. Я возражать не стал, но в то же время отметил, что это совершенно бессмысленная мера, так как срок моего заключения уже завершился, и я направляюсь в ссылку, следовательно, в моем случае пытаться бежать, да еще - в бескрайнюю и незнакомую тайгу, было бы абсолютной глупостью. Словом, я заверил его, что ничего не случится. Меня поддержали и остальные зеки:

- Командир, будь человеком, совсем невыносимо же так ехать, - стали упрашивать они, и командир уступил. Я не только получил возможность выйти на свежий воздух и размяться вместе с остальными зеками, но и, вернувшись в машину, продолжить путь в общей камере.

С нами ехали двое парней из Чукотки, которых больше всего поражали деревья. На протяжении всего пути, заметив промелькнувшее в узком окошке воронка дерево, они то и дело пихали друг друга и восклицали:

- Смотри, смотри - дерево!

Зеки смеялись над ними, но в целом, они были вполне нормальными людьми. В основном это были люди с первой судимостью. Некоторые из них оказались в неволе, по их словам, «из-за золота». Люди приезжали в этот край трудиться, подзаработать денег, но поддавшись искушению, воровали золото. А золота там было везде и много, но воровать его, разумеется, было нельзя. Слишком много агентов спецслужб, слишком много глаз и шансы не попасться на воровстве мизерные. Ворующего быстро выявляли и на этом история честного труженика заканчивалась и начиналась одиссея заключенного.

Преодолев километров 250-300 нас повели на ночевку в находящуюся на трассе пересыльную тюрьму, расположив в одной большой общей камере. Вдоль только одной стены камеры плотно друг к другу стояли металлические двухъярусные кровати, образовав монолитный двухэтажный помост. Было уже поздно, мы расположились на этой конструкции и заснули. В какое-то мгновение я проснулся посреди ночи от жуткой, тошнотворной вони. Люди спали. Два-три человека невдалеке перешептывались. Я спросил их, что это за вонь, но они лишь пожали плечами в ответ. Либо они не чувствовали этот запах вовсе, либо просто не придавали ему никакого значения. Утром принесли некое месиво, весьма отдаленно напоминающее еду, которое источало точно такую же невыносимую вонь. Я, разумеется, не поел. Этот запах прилип даже к сигаретам, которые лежали у меня в

кармане. Нас вывели из камеры в большой зал, где к нам присоединилась небольшая новая группа зеков. Новые зеки были рецидивистами. Узнав о том, что я отбывал срок на зоне строго режима и являюсь политзеком, пригласили меня пообедать вместе. Выложили все свои продукты прямо на месте - на баулах и пакетах, лежащих на полу. И это была самая что ни на есть настоящая домашняя еда. За столько лет я впервые с удовольствием ел довольно качественные продукты, пищу домашнего приготовления.

Вскоре нам было велено собирать вещи. Приступили к переключке. Когда очередь дошла до моей фамилии, то офицер, зачитывающий список зеков, вдруг запнулся, а затем, злобно сверкнув глазами, рявкнул:

- Да тебя расстрелять мало!

Я возмущенно порекомендовал ему «разуть глаза» и внимательно посмотреть, что там написано. Дело в том, что в Уголовном кодексе РСФСР 65-я статья подразумевала шпионаж, а 67-я - террористический акт или что-то в этом роде. В Армении же 65-я статья УК подразумевала антисоветскую агитацию и пропаганду, а 67-я - создание и участие в организации с целью совершения особо опасного государственного преступления. В графе с моей фамилией возле нумерации статей, разумеется, было написано УК Армянской ССР. Офицер наверняка это примечание пропустил и решил, что я шпион и террорист.

Напряженность попытался смягчить один из зеков-рецидивистов, который выкрикнул:

- Начальник, так он же из Армении, там указаны армянские статьи!

Офицер, конечно же, понял свою ошибку, но, чтобы никто вдруг не подумал, что он уступил, приказал немедленно обыскать мой баул. Я спокойно открыл баул и, пнув его ногой к ним, отошел в сторонку. Офицер с напускной важностью подошел к надзирателю, обыскивавшему мой небольшой баул, и не увидев ничего кроме пары книг, зубной щетки и зубных порошков, отошел. Я взял свой баул и вышел. Снаружи нас ожидал вчерашний сопровождающий конвой. На этот раз меня сразу без лишних разговоров, посадили в общий отсек, и мы продолжили свой путь по Колымской трассе.

С развитием горной промышленности советская власть, начиная с 1920-х годов, приступила к строительству местной дорожной сети на Дальнем Востоке. Местность эта богата золотом и другими драгоценными и полезными ископаемыми. Поскольку это зона вечной мерзлоты, то возможность строительства железнодорожной магистрали исключалась. Оставалась единственная возможность - автомагистраль. Советская власть поставили перед собой задачу построить автотрассу, которая свяжет город Якутск с Магаданом. В качестве бесплатной рабочей силы использовались, разумеется, заключенные, которых заставляли строить эту дорогу и в лютую зиму - 40-50 градусов мороза, и коротким летом, когда там кишат кровожадные комары и прочая разнообразная мошкара. Строительство Колымской автотрассы началось в 1931 и завершилось в 1953 году. За это время там погибли

десятки тысяч заключенных. Ни в коей степени не является преувеличением утверждение, согласно которому, эта дорога была построена на человеческих костях и ценой человеческих жизней, ничего не значащих для советской власти. Сегодня протяженность этой трассы составляет 2032 км, из коих 1197 км проложено по территории Якутии, а 835 - по Магаданской области.

Сделав всего одну остановку на отдых, мы преодолели 630 км и добрались до тюрьмы Сусумана. Сусуман - это город и районный центр, находится на Колымском тракте. Первая ассоциация, возникшая у меня сразу, как только я услышал название «Сусуман», была связана с Шаламовым. Здесь, наряду с многочисленными известными людьми, в том числе - известными диссидентами, с которыми мне посчастливилось быть знакомым лично, в свое время отбывал свой срок заключения, на мой взгляд, лучший повествователь лагерной жизни сталинского периода Варлам Шаламов. Меня отделили от всех и поместили в совершенно пустую, большую - рассчитанную на 10–15 зеков, камеру. В этой огромной камере было одно единственное маленькое зарешеченное окошко, которое находилось настолько высоко, что до него невозможно было никоим образом добраться, и хоть как-нибудь увидеть, что происходит снаружи. Судя по тому, на какой высоте было расположено это окно, моя камера, по всей видимости, находилась в подвальном этаже здания. Ночью я опять услышал этот невообразимо тошнотворный запах. Особенно он усиливался тогда, когда я пытался закурить. В голове промелькнула мысль, что эта вонь может послужить неплохим поводом для того, чтобы покончить с дурной привычкой, что я сделал намного позже. Для того, чтобы хоть как-то отвлечься, решил почитать под светом единственной тусклой лампы, но ничего не вышло. Мне никак не удавалось сосредоточиться. Было ясно, что я останусь здесь на всю ночь. Но самым неприятным обстоятельством являлось то, что впереди были выходные. Мои сомнения оправдались - я провел в этой громадной, вонючей камере два дня. Никто со мной не разговаривал, лишь приносили трижды в день баланду и молча удалялись. Надзирателям наверняка строго настрого запретили вступать в какие-либо беседы со мной. В противном случае по обыкновению любопытные надзиратели давно бы задали мне сотню вопросов.

В понедельник утром, ближе к 11 часам, меня вывели из камеры. Утро было пригожим, теплым и солнечным. Меня встретили председатель Комитета государственной безопасности Сусуманского района и его заместитель. Они поприветствовали меня как старого знакомого, и мы уселись в их «газик». После столь длительного путешествия в автозаке, было непривычно сидеть на мягком сидении чекистского «газика». Мы отправились в отделение милиции города Сусуман. Пока я сидел в дежурной части, чекисты оформляли мои документы. Затем меня повели к начальнику отдела по надзору, это была женщина. Она сообщила мне, что поскольку срок моего заключения завершился 6-го июня, но я продолжал пребывать под стражей, то каждый лишний день, проведенный мною в тюрьме, приравнивается к трем дням, произвела арифметические подсчеты и сообщила, что я буду окончательно освобожден через три года, однако не в июне месяце, а в апреле. Лишние дни, проведенные в тюрьме, не прошли даром. Затем мы

с заместителем начальника местного КГБ отправились в мой поселок. Он сидел за рулем машины. Поселок, в котором мне предстояло жить в ссылке, находился в 90 километрах от Сусумана. Для того, чтобы добраться до этого места, нам следовало съехать с Колымской трассы и взять направление на северо-запад - к границам Якутии. Это последний населенный пункт в этих краях, дальше - бескрайняя тайга во всей своей невероятной красе.

Проехав половину пути, мы сделали остановку, чтобы перекусить.

- У тебя другой одежды нет? - удрученно спросил чекист, окинув взглядом мою тюремную робу.

Другой одежды у меня, разумеется, не было и я вошел в столовую в той, в чем был. За наш обед, конечно, заплатил чекист. У меня не было с собой ни копейки. Позже я одолжил у него пять рублей.

- Доберемся до места, я телеграфирую домой, родители вышлют мне деньги, и я верну долг.

Спустя несколько дней, через другого чекиста, который приехал навестить меня, я вернул ему деньги.

Мы прибыли в поселок после трех часов дня. Меня поселили в одном из двух существующих в этом поселке общежитий. Одно из общежитий славилось своей особой загрязненностью и беспорядочностью, там в основном жили геологи, а второе - было поприличнее. Меня поселили во втором общежитии - более приличном, в двухместной комнате. Мой сокомнатник, конечно, был человеком не случайным. Это был молодой горный инженер из Свердловска. Там все были горняками. Я распаковал и разложил по местам свои вещи, и вышел во двор в тюремной одежде. Слава богу, она мало чем отличалась от рабочей. Меня сразу окружили несколько человек в сопровождении дежурной по общежитию.

Безусловно, я был не первым политическим поселенцем в этом поселке, но люди, естественно, пытались понять разницу между мной и предыдущим ссыльным. До меня здесь жил Виктор Нитсо, с которым у местных жителей сложились сложные взаимоотношения. Я решил, что пора выходить из роли исследуемого экспоната и спросил, где находится ближайший магазин. Отправился в этот магазин и купил на деньги, которые мне одолжил чекист, сигареты, две маленькие плитки шоколада - по 25 копеек каждая, затем, узнав, где находится почта, отправился на почту и отправил домой телеграмму. Я знал, что мои родные очень волнуются. Они не получали от меня никаких вестей с апреля, то есть с тех пор, как я покинул зону. Через пару дней я получил деньги, которые выслал мне отец.

Было лето 1985 года. Комары, мошкара, таянье верхнего тонкого слоя вечной мерзлоты, и отсутствие каких-либо серьезных, раздражающих проблем. На самом деле, лето и осень 1985 года были для меня весьма благоприятными и без лишних неприятностей. Я очень быстро познакомился с местными жителями. Особых усилий я не прилагал, они подходили сами. А самое главное, я чувствовал, что люди здесь добрые и настроены весьма дружелюбно. Как-то ночью сплю. Мой сосед

работал в ночную смену, так что в комнате я находился один и не запер дверь изнутри. Я всегда хвастался тем, что просыпаюсь от малейшего шороха, а тут... Словом, просыпаюсь я утром и, заправляя постель, обнаруживаю под подушкой 25 рублей. Фактически, кто-то, - а я так и не выяснил, кто именно, - вошел в мою комнату, подложил под мою подушку эту сумму и тихо вышел, а я, при всей своей хваленной чуткости, даже и не заметил этого.

Единственной проблемой являлось то, что чекисты никоим образом не желали мириться с тем, что у меня складываются добрые взаимоотношения с местными жителями, что мне с ними комфортно, и они меня уважают. Однако, несмотря на все их усилия, мои эти нормальные и мирные взаимоотношения с людьми, в течение 1985 года испортить они так и не смогли. Да и в дальнейшем на этом фронте терпели одни лишь поражения.

Турок Али

Али - турок, настоящий турок. Словом, - не из Азербайджана, а именно из самой Турции. Он был одним из первых, с кем я познакомился в ссылке. В первый же день этот маленький, приземистый человек, увидев, меня у входа в общежитие, подбежал ко мне и торжественно объявил: «Ну, наконец-то приехал! Где же ты был, слушай? Мы тебя здесь заждались.» В ответ на мое изумление он рассказал, что примерно месяц назад в общежитие прибыли чекисты - осмотреть, так сказать, местность. А после того, как они уехали, парторг - секретарь коммунистической партии поселка созвал собрание непосредственно в этом общежитии, в ходе которого объявил, что вскоре в поселок привезут чрезвычайно опасного типа. И что этот тип будет проживать именно в этом общежитии, так что следует проявлять бдительность и не попадать под его тлетворное влияние. Всю эту историю Али рассказал мне громко, без лишней осторожности, и мы засмеялись. Али было лет за 60. Он прошел ГУЛАГ - сеть советских тюрем и лагерей. У него была поразительная биография. Родился Али в Турции. В юношеские годы - в 15-16 лет, познакомился с сотрудником советского посольства в Турции, который постоянно рассказывал ему о коммунистическом рае в Советском Союзе. И Али решает: раз в стране Советов так хорошо, то значит и он, Али, должен непременно жить там и спустя некоторое время пересекает границу Турции с Арменией и... его немедленно задерживают. Никакие объяснения, согласно которым, он просто решил переселиться в прекрасную соседнюю страну, не принимаются в качестве убедительных. Али осуждают и посылают в Сибирь. Через несколько лет, оказавшись на воле, он решает вернуться домой - в Турцию, тем же путем, каким в свое время с легкостью попал на территорию СССР. Его вновь задерживают и на этот раз приговаривают к более длительному сроку. Срок он отбывает в Магадане - на Колыме. После освобождения, уже в возрасте около 40 лет, он перебирается в Советскую Армению, в Армавирский район, чтобы находиться поближе к Турции. Али пишет письмо родным, сообщает, что жив-здоров и находится в Армении. Поразительно, но это письмо доходит до адресата, и он получает ответ. Жизнь в целом налаживается, но,

как он выразился: «Колыма тянет». И, бросив турецкую границу, он возвращается на Колыму. К тому времени, когда мы познакомились, он уже вышел на пенсию и собирался покинуть Магадан. Купил дом в Нальчике, в котором его ждала жена. Али оставалось лишь собрать воедино и окончательно оформить свою пенсионную документацию.

- По субботам у нас - банный день. Мы в баню пойдем вместе, - громогласно заявил он, стоя у входа в общежитие, - нам надо соскоблить с тебя тюремный запах.

Каждый день меня кто-то приглашал в столовую. Обед в столовой стоил не дорого, но у меня и на него, в первые несколько дней, не было денег. Все знали об этом. Надо отметить, что угощали меня обедом с такой непосредственностью, так искренне, что я вовсе не смущался.

Через несколько дней я получил деньги, которые выслал мне отец, и смог, наконец, купить нормальную одежду. Чуть позже я начал работать и никаких финансовых проблем у меня больше не возникало.

Я был поражен: люди исподтишка, а порой и совершенно открыто выражали мне свою симпатию, поддержку, всячески пытались помочь мне. Я, конечно, понимал, что среди начинающих дружить со мной есть и такие, которые делают это по поручению соответствующих структур, но и тем не менее, это мелкое обстоятельство не мешало мне в плане общения с людьми. Пусть будут и такие, нет проблем. Большинство людей - хорошие. Эта убежденность всегда была для меня главной и решающей в жизни, и я всегда исходил и исхожу из этого понимания в ходе любой своей деятельности. Никогда мои отношения с людьми не были обусловлены возможным присутствием доносчиков. Их присутствие в моем окружении я принимал как явление естественное, я учитывал это обстоятельство, но никогда не обуславливал свою жизнь этим обстоятельством. Был далек от мысли подозревать всех и постоянно жить в болезненной тревожности.

В тех краях в те годы не было в продаже джинсов, а я хотел приобрести.

- Джинсы можно достать только в Магадане, тебе нужно искать человека, который часто ездит в Магадан, - советовали мне местные.

В один прекрасный день подходит ко мне дежурная по общежитию и с радостью сообщает:

- Знаешь, тут приехал твой соотечественник, он когда-то жил в этом общежитии. Он водитель и часто ездит в Магадан, договорись с ним по поводу своих джинсов.

Я захожу в комнату, в которой остановился мой соотечественник. А в комнате сидит компания - выпивают. С некоторыми из присутствующих я уже знаком.

Присаживаюсь. Мы болтаем с соотечественником на армянском языке. Он говорит, что родом из Еревана, жил в Норкском Массиве. Говорит, что через неделю он вновь приедет и, разумеется, привезет мне джинсы. Я даю ему деньги. Мы договариваемся встретиться в этой же комнате ровно через неделю, и я ухожу. И это - наша последняя встреча. Не приехал он ни через неделю, ни через месяц, ни через год -

никогда. Единственным человеком, который кинул меня в те годы, был этот армянин.

Каждый месяц 1-го, 8-го, 16-го и 24-го числа я должен был являться в отделение милиции поселка, а начальник отделения - капитан милиции, должен был подписаться в моей книжке ссыльного, подтвердив тем самым, что я существую, нахожусь в ссылке и никуда не делся. Через пару месяцев мы с ним познакомились поближе, стали иногда общаться, и вот однажды милиционер сказал мне:

- А давай мы с тобой договоримся: ты делаешь так, чтобы из-за тебя мне не влетело, а я не мешаю тебе. Живи, как хочешь.

Наш этот мужской договор действовал до конца моей ссылки.

В декабре 1985 года всем жителям поселка раздали талоны на спиртное в связи с приближающимися новогодними праздниками. В те годы в Советском Союзе действовал так называемый «сухой закон» - в целях борьбы с пьянством, соответственно, в свободной продаже спиртного не было. Каждому совершеннолетнему гражданину полагались лишь одна бутылка водки или коньяка (по желанию), одна бутылка вина и бутылка шампанского. Получив свои талоны, люди по очереди подходили ко мне и интересовались:

- А тебя за талоном не позовут?

Близился конец декабря. У всех, кроме меня, были талоны. Продавщица магазина, встретив меня в магазине, если там никого не было, гневно прокликает и того, кто придумал эти талоны, и того, кто эти самые талоны мне не дает. А сотрудница поселковой администрации шепчет мне на ухо, мол это «друзья» твои «постарались» - велели талоны тебе не давать. Мои «друзья» - это чекисты, то бишь. Люди всегда называли их так, когда в разговорах со мной приходилось упоминать чекистов. Даже представители местной номенклатуры. Когда я обратился к начальнику участка, в котором работал, с просьбой направить меня на курсы бульдозериста, то он охотно согласился, но попросил меня прежде принести разрешение моих «друзей». Однако, тут же задумавшись, через пару секунд, спросил:

- А что, могут отказать?

Я признался, что отказ, конечно, является наиболее вероятным вариантом, на что он, не моргнув глазом, ответил:

- Ну раз так, то мы поставим их перед фактом, - и принял решение отправить меня на эти курсы.

Я уже решил, что в новогодние праздники меня не будет в этом поселке. В списке присутствующих я сам себе поставлю прочерк. Запрусь в своей комнате и не стану выходить. К счастью, 31-го декабря мой товарищ по комнате взял отгул, оставив меня в полном одиночестве. Я запер дверь, взял интересную книжку и лег на кровать. Сразу после двенадцати ночи в общежитии началась возня и суета, поднялся невообразимый шум - все стали стучаться в двери и поздравлять друг друга. Слышу: подходят и к моей двери.

- Открывай, мы знаем, что ты там!

Я не мог долго сопротивляться. Открыл дверь и в комнату вломилось человек 7–8, которые притащили с собой и вино, и коньяк, и шампанское, и закуски. Сказали, что еще за несколько дней до праздников они условились справить Новый год вместе со мной в моей комнате. Чекисты решили показать мне, что я - изгнанник, изгой, что в этом обществе я никогда не стану «своим» и обречен на одиночества, но вопреки их ожиданиям, тот Новый год стал, наверное, самым ярким, самым невероятным празднованием в моей жизни. Никогда больше такого в моей жизни не было. Люди пели, танцевали в моей комнате, затем заявили, что всей компанией нам следует отправиться в клуб. А я никогда не любил и не люблю мероприятия подобного рода, но сопротивляться было совершенно бессмысленно, никакие мои «отмазки» не могли помешать их грандиозным планам. Прежде я в этот, так называемый, клуб заходил лишь из-за библиотеки. Словом, мы пошли в клуб. Ко мне подходили и поздравляли все - знакомые, незнакомцы. Оттуда меня увели в гости. Тащили из одной комнаты - в другую, из одной квартиры - в другую. В окружении веселых людей - трезвых и не трезвых, мертвецки пьяных и еще не дошедших до «кондиции», провел я ту новогоднюю ночь и все следующее утро. Лишь в полдень я вернулся в свою комнату, немного передохнул и вскоре снова стал принимать гостей.

Эти бурные новогодние события были для меня совершенно неожиданными, но для курирующих меня чекистов они были не только неожиданными, но и серьезно предостерегающими. Плохо, стало быть, они работают. Я прекрасно чувствую себя в ссылке, люди ко мне относятся хорошо, и программа моей изоляции, фактически, проваливается. После январских праздников в Буркандию стал приезжать молодой сотрудник КГБ и в кабинете начальника отдела кадров вести длительные разъяснительные беседы с людьми, которые меня окружали. Некоторые после таких бесед молчали, некоторые по разным поводам, особенно - в подпитии, втихаря рассказывали мне об их содержании. А наиболее смелые делали это публично.

Это было в 1986 году, когда только-только зарождались горбачевские процессы, - так называемые, «перестройка» и «гласность», и люди начинали догадываться, что в стране меняется ситуация. Работающего со мной на бульдозере украинца Николая Головки, который написал заявление о вступлении в ряды КПСС, пригласили на беседу. Сотрудник КГБ предложил Коле рассказать, что я говорил ему о существующих в стране порядках, а Коля ему в ответ заявил, что не знал, что для вступления в ряды коммунистической партии, ему следует заниматься доношением. И об этом он в сердцах и совершенно открыто говорил в присутствии собравшихся вокруг него людей.

Пос. Буркандья, место моей ссылки. Сегодня там никто не живет, поселок-призрак.

Вадим - парень из Москвы, который был начальником смены, как-то под воздействием новогодних событий признался мне, что в свое время согласился сообщать чекистам сведения обо мне. Ни ему, ни остальным людям, которые признавались мне в доносах, я не говорил ни слова. Даже не пытался их как-то убеждать в том, что это плохо и не стоит этим заниматься. Как и не пытался использовать их признания в свою пользу. Просто слушал и молчал. Оставлял на их усмотрение. Пусть сами решают. Даже не переставал общаться с ними. И вот однажды Вадим звонит упомянутому сотруднику КГБ и сообщает ему, чтобы тот больше не ждал от него никаких доносов. Чекист просит Вадима не принимать скоропалительных решений, говорит, что сейчас же направляется в Буркандью, чтобы поговорить с ним лично. По дороге в Буркандью машина, в которой находится сотрудник КГБ, скатывается в ущелье, и молодой чекист погибает.

Трагическая смерть молодого сотрудника что-то изменила в КГБ. Видимо они решили, что это я организовал звонок и отказ Вадима. Через несколько дней милиционер сообщил мне, что меня вызывают в КГБ. Я поехал. Там мне официально заявили, что я веду среди населения поселка антисоветскую агитацию и пропаганду, и что «вливаю» на настроения людей, однако каким именно образом я на них «вливаю», они не уточнили. Вместо этого они пообещали мне, что отныне

будут бдительней и строже относиться ко мне и каждый мой шаг официально будет зафиксирован. Я понял, что впереди меня ждут непростые времена.

Как начался 1986 год с проблем, так он и продолжился. Очень уж не нравилась чекистам моя дружба с местным населением, но они ничего не могли поделать. Советский человек в 1986 году уже существенным образом отличался от своих соотечественников предыдущих лет. События развились слишком стремительно. Судя, по обрывчатым сведениям, которые доходили до меня, я стал понимать, что на меня упорно готовят новое дело по той же статье - антисоветская деятельность. А это значило, что я не выйду на волю, и если меня вновь осудят, то признают уже особо опасным рецидивистом, и отправят снова в Пермь-36, но не на прежнюю зону, а в особую - для «полосатых», да надолго, на очень и очень длительный срок. Как бы стремительно ни развивались события, в первые месяцы 1986 года никто не мог предсказать дальнейших развитий. Советы все еще казались прочными и нерушимыми, а перспектива моего повторного осуждения - более чем реальной.

В мае 1986 года умер мой отец, которому было всего 49 лет. Мои родственники в Ереване обратились с просьбой в КГБ, чтобы мне разрешили на несколько дней приехать в Армению на похороны отца. Мой дядя - брат отца, рассказывал, что чекисты отказали им не только в категорической, но и в самой грубой форме. Суть же их ответа заключалась примерно в следующем: «Больше по поводу Вардана не обращайтесь к нам». В тот же период Паруйр Айримян, который находился в ссылке в Иркутской области, приехал в Армению на побывку, а затем и - в командировку из иркутского завода в соответствующий завод в Ереване. Вот такой необъяснимый или труднообъяснимый избирательный подход был у чекистов.

Были люди, которые беспрекословно выполняли поручения чекистов. И ввязывали меня в бессмысленные и нелепые истории, устраивали разборки и даже - драки, и, что самое неприятное, всячески пытались испортить мои взаимоотношения с нормальными людьми. Сегодня для того, чтобы вспомнить этих людей и все те пакости, и провокации, которые устраивали они, мне придется серьезно напрячь свою память, а вот многочисленных хороших людей, которые окружали меня всегда, в том числе и в ссылке, я помню без особого труда и с радостью. Именно поэтому все мое повествование, за исключением разве что пары эпизодов, - посвящено хорошим людям. Мало было плохих в моей жизни, вот и отсутствуют они в моей истории. Да и нет особого желания выкопать их из архива памяти и рассказывать о них.

Как и на всей территории Советского Союза, так и в поселке, в котором я жил в ссылке, систематически организовывались субботники, проводились сборы денег на «добровольно-принудительных» началах в Фонд мира, созывались какие-то бессмысленные собрания, и так далее. Те, кто помнит наше советское прошлое, не могут не помнить и эти ритуальные мероприятия. Я, естественно, отказывался принимать участие в субботниках, и не только не делал никаких взносов в Фонд мира, но и писал каждый раз специальное заявление в администрацию поселка, и предупреждал, чтобы ни в коем случае из моей зарплаты не перечисляли никаких

денег в эти фонды, и не участвовал ни в каких собраниях. В конце апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Как бы Советы ни старались скрыть это трагическое событие, однако первые же сводки с места аварии уже говорили о масштабности катастрофы. Открылся Фонд помощи Чернобылю, сумма взноса составлял 3 рубля. Я написал заявление на имя нашего директора горнопромышленного предприятия, в котором просил перечислить в этот фонд всю мою зарплату за месяц. Отдал это заявление секретарше и отправился по своим делам.

Через несколько дней происходит то, что не могли себе представить ни я, ни мои «друзья» чекисты, ни окружающие меня люди. Просто феерическая трагикомедия. Вот про такие случаи и говорят: вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Выходит в свет очередной выпуск их районной газеты, а в ней - громадная статья о нашем поселке, где наряду с прочей чепухой, написано примерно следующее: «... а комсомолец и отличник труда Вардан Арутюнян, перевел в Чернобыльский Фонд весь свой месячный заработок». То есть, поступила в редакцию информация о том, что в некоем поселке была собрана такая-то сумма для Чернобыльского фонда, и кое-кто отдал в этот фонд всю свою зарплату, и они тут же, ничего не уточняя, приступили к делу. Со свойственной советской бравадой – «Ура, товарищи! У нас все более чем хорошо!» Газета переходит из рук в руки. Все хохочут, издеваются. «Комсомолец Вардан Арутюнян» - позор! Что-то надо было делать. Мне представилась отличная возможность выставить их на посмешище. Заперся на пару часов в комнате, и написал довольно большую и обстоятельную ответную статью. К сожалению, копию этой статьи я не сохранил. Она у меня действительно не плохая получилась. Там были цитаты из «Похождения бравого солдата Швейка», фрагменты моей антисоветской биографии и мои представления о комсомоле в целом. Статья получилась и уместной, и острой, и хлесткой. Я, конечно, знал, что она не будет опубликована ни в коем случае. Поэтому я собрал людей, проживающих в общежитии - не менее 10–15 человек. Этого было вполне достаточно для того, чтобы не только жители Буркандьи, но и всего Сусуманского района (территория которого равна 47 000 кв. км, а население в те годы составляло - около 46 000 человек), узнали о моей ответной статье. Собрал людей и прочитал им статью. Люди слушали и смеялись над удавшейся иронией. Поступили даже предложения прочитать статью повторно, что я и сделал с большим удовольствием, а затем сообщил людям, что на следующий день намерен передать эту статью в редакцию газеты. Я отнес ее лично. Пребывая в состоянии тихого ужаса, редактор газеты молча уставился на меня своими пустыми стеклянными глазами. Я могу себе представить, какую головомойку задали ему чекисты.

В ссылке я получал очень много писем. По вечерам я обычно был занят написанием ответов. Мне писали мои друзья из различных своих ссылок. Много писем получал я также из Москвы. Меня безумно радовали письма, которые я получал от родственников моих друзей-политзеков, все еще отбывающих свои сроки на зонах. Я получал бандероли, посылки, просил присылать мне конкретные книги, и эти люди

с удовольствием покупали эти книги и посылали их мне. А вот из Армении мне писали только мои родные.

Там же я познакомился с моей будущей женой, Олей, которая подарила мне прекрасного сына Давида. А он в свою очередь, спустя много лет, подарил мне прекрасную невесту Анну и двух чудесных внучек – Еву и Нелли. И вот, будучи богатым и довольным своей жизнью человеком, сижу и рассказываю мою историю.

Вскоре чекисты, наконец, получили повод для возбуждения уголовного дела в отношении меня на совершенно законных основаниях. И этот повод, можно сказать, предоставил им я. Работники предприятия были возмущены тем, что их оставили без обеда. Я предложил объявить забастовку. Это было начало осенью 1986 года. И люди весь день не работали. Чекисты, разумеется, узнали, что инициатором этой акции являюсь я. Некоторые участники забастовки писали необходимые объяснительные по поводу моих «призывах» и «заявлениях». Дело стряпалось с большой скоростью. Я был уже готов к аресту. Но времена менялись, и уже не все события развивались исключительно по начертанному плану чекистов. Медленно, но, верно, близился и, в конце концов, наступил и утвердился 1987 год. В огромной стране менялась реальность. Горбачев дал обещание международному сообществу, что в Стране Советов не будет политических узников, и при наличии достаточных оснований, все имеющиеся на тот момент политзаключенные будут освобождены.

Начался новый процесс. Ко мне приехали те самые чекисты, которые пару месяцев назад готовили основания для нового моего ареста. В беседе со мной говорили о моих призывах к забастовке, об антисоветской агитации, но былых нот враждебности в ходе беседы уже не слышалось. Их больше интересовало, каким я представляю свое будущее после освобождения. Я же мог только предполагать, что что-то определённым образом изменилось, но вот что именно и насколько - догадаться было сложно.

Не прошло и месяца после этой беседы, как ко мне прямо на рабочий участок, который находился в 20 километрах от поселка, приехали на своей «Волге» чекисты. За рулем машины сидел тот самый чекист - зампредседателя КГБ, который когда-то одолжил мне 5 рублей. Они сообщили мне, что следует срочно бросить работу и отправиться вместе с ними в поселок. А я был настолько измазан машинным маслом и грязью, насколько только может быть измазан бульдозерист, работающий на неисправном бульдозере. Сотрудник КГБ полил воду, чтобы я помылся, а «советский народ» - люди, работавшие со мной, человек – 20—30, издали глядели на эту картину. Неплохая тема для шуток и баек – чекист диссидента умываться помогает.

Только в поселке я понял причину такой спешки чекистов. Нас ждали прибывший из Магадана высокопоставленные прокуроры. Возможно, даже - главный прокурор области. Сейчас уже не помню. После череды рутинных вопросов и ответов их начальник сразу перешел к делу, заявив, что в данный период осуществляются посещения всех политзаключенных, и если я обращаюсь к советской власти с прошением о помиловании, то меня немедленно - в течение нескольких дней,

освободят. Я, недолго думая, отказался. «Никогда и ни при каких обстоятельства я не стану писать прошение о помиловании», - сказал я и, пожелав удачи, вышел из кабинета. Этот визит состоялся, наверное, в конце февраля - начале марта 1987 года. Спустя дней 10-15 чекисты явились вновь - уже, правда, без прокуроров, и сообщили, что у меня нет обязательства писать прошение о помиловании. Мне всего лишь надо написать, что я обязуюсь не вести антисоветскую деятельность - вот и все. Этого будет достаточно для того, чтобы меня не только досрочно освободили, но и закрыли новое уголовное дело. Я снова отказался. В третий раз явились представители областной прокуратуры. Все эти визиты и мои отказы сопровождалась провокациями. Однажды даже произошла драка. Мне нужно было каким-то образом донести сведения о происходящем терроре до внешнего мира. Я был уверен, что если эта информация опубликуется, то я смогу спокойно дожить до дня моего освобождения.

Одного знакового рыбака попросил привезти мне красную рыбу. В Магадане такой рыбы было предостаточно, а в европейской части страны она была в дефиците и стоила слишком дорого. Так что, это был отличный гостинец. Мне принесли, как и обещали, две свежие рыбы, и я запихнул в тушку заранее приготовленный пакет с письмом и попросил того же рыбака засолить рыбу так, как это умеют только рыбаки. После такой обработки мое послание не заметили бы даже самые бдительные досмотрщики. Мое письмо можно было обнаружить, лишь разрезав рыбу. Но меня это не пугало, я посылал это письмо и полагался на удачу, прекрасно понимая, что вероятность моего успеха равна 50 процентам. Многие из моих друзей согласились написать прошения о досрочном освобождении. Отказавшихся политзекков можно было пересчитать на пальцах. Я относился к числу этих немногих. Среди согласившихся были Андрей Шилков и Алексей Смирнов. Я послал рыбу Алексею Смирнову. Получив мою посылку Алексей взял себе одну тушку, а другую - передал Андрею. И, как значительно позже рассказывал мне Алексей, прибегает к нему через пару часов запыхавшийся Андрей и объявляет:

-Рыба была затарена.

Мое письмо было опубликовано в новом журнале «Гласность», который тогда только начали издавать в Москве, затем его публиковали во многих других изданиях, и даже - что весьма удивительно - в некоторых европейских и американских армянских газетах. Эта публикация положила конец всем посягательствам на меня. Без сомнения, из соответствующего места приказали: оставьте его в покое. Вот оно - мое письмо из ссылки:

«Весною (в марте) 1987 года ко мне приезжали сотрудники КГБ Сусуманского района Магаданской области. Предлагали писать письменное обещание о том, что в будущем буду жить в соответствии с советскими законами, не нарушая их и, в результате, выйти на волю. Я отказался. Через два дня после этого приехали ко мне двое и, представившись работниками областной прокуратуры, предлагали то же самое, долго уговаривали, говорили, что формулировки не играют роли, что потом вообще снимут с меня судимость, но я опять отказался. После этого сотрудниками

КГБ было сделано еще одно подобное предложение. В очередной раз получив отказ, вообще перестали об этом говорить, но зато начались неурядицы на работе: провоцировали на скандал и драку, не платили за работу. Я был вынужден уйти на другое место работы.

Почему я отказался писать? Потому что мои политические взгляды являются антисоветскими и, естественно, продолжая жить в СССР, я не могу молчать и исполнять все советские законы, будучи противником многих из них. Пока я живу в СССР, я буду иметь разногласие с властью и с законом. Обещать молчать я не могу, а давать ложное обещание и, получив свободу, продолжать борьбу, считаю не достойным поступком.

Перестройку и гласность считаю бесполезной и ложной политической игрой. В мои цели не входит перестройка коммунистического общества. Я считаю, что коммунистическое общество нужно не перестраивать, а превратить в свободное, демократическое общество и нужно не "ввести" гласность, а дать или, точнее, добиться свободы. Добиться демократизации в политической жизни страны, чтобы в стране, наряду с коммунистической партией, вполне официально существовали и другие партии, и организации.

Пока в Советском Союзе существует одна партия, партия коммунистов, говорить о свободе и даже гласности рано. Коммунизм не терпит инакомыслие, он любыми средствами давил и будет давить свободную мысль. Не надо забывать, что и сегодня в Уголовном кодексе существует ст. 70-ая, а в Конституции существуют статьи 47, 50, и 51, которые гарантируют свободы только в целях укрепления социализма и коммунизма. Имея другие цели, человек в СССР автоматически становится нарушителем и может угодить в тюрьму. То, что все эти и другие законы остаются в силе, подтвердил Горбачев. На встрече с представителями французской общественности. Он сказал, что все в стране делается для укрепления социализма и социалистической демократии, а что такое "социалистическая демократия" мир уже знает. По его словам, в СССР "ведется борьба" против тех, "кому социализм не нравится".

Нет и не может быть речи о свободе в СССР, пока существуют вышеупомянутые статьи и слова Горбачева. Я не могу жить в СССР, не нарушая советские законы».

В начале 1988 года, пожалуй, в феврале, - смутно помню сегодня, из Москвы мне предложили в заочной форме принять участие в семинаре по правам человека. Я с удовольствием согласился и отправил им текст своего выступления под заголовком «Национальный вопрос в СССР». Уже после моего освобождения, когда я находился в Москве, Алексей Смирнов дал мне копию этого текста, и оно чудом сохранилось в моих документах.

В 1988 году за несколько дней до моего освобождения – завершения ссылки, чекисты любезно сообщили мне, что готовы оплатить всю стоимость авиабилета для моего возвращения на родину. По всем правилам, свой билет на самолет я должен был покупать уже сам. Я находился в ссылке, работал и получал вполне приличную зарплату. И деньги у меня были. Но они, почему-то, решили оказать мне эту услугу. Мне следовало лишь сообщить свой маршрут. И я сообщил: Магадан-Москва-Киев-Ереван. Вышло так, что они за свой счет отправили меня на край света и за свой же счет возвратили меня домой. И не осталось во мне ни капли злости на них. Думаю, что ее и не было вовсе.